

Гений должен быть безумным

Более десяти лет Дмитрий Воденников называл себя мёртвым поэтом стр. 6–7

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 190

Основана в 1830 году при участии А.С. Пушкина. Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. Горького

№ 50

(6765)

16–22 декабря 2020

www.lgz.ru

Выходит по средам

ЧИТАЙТЕ

4 Приключения таблетки

Способна ли наша фармакологическая отрасль обеспечить страну лекарствами? О её перспективах, о том, как уничтожали советскую фармакологию, рассказывает эксперт.

19 Уютное Средневековье

Премьера авторской рубрики «Русские новинки с Вадимом Левенталем»: известный прозаик, критик — о новом романе Евгения Водолазкина «Оправдание Острова».

27 Богомолов — псих?

Фёдор Бондарчук и Паулина Андреева дополнили брачный союз профессиональным. В новом сериале «Псих» супруга — сценарист, супруг — режиссёр. А в главной роли — режиссёр Константин Богомолов.

КНИГА НЕДЕЛИ

Юлия Каскина.
И.С. Шмелёв
и русская классика XIX века.
И.С. Тургенев,
А.П. Чехов,
Ф.М. Достоевский.

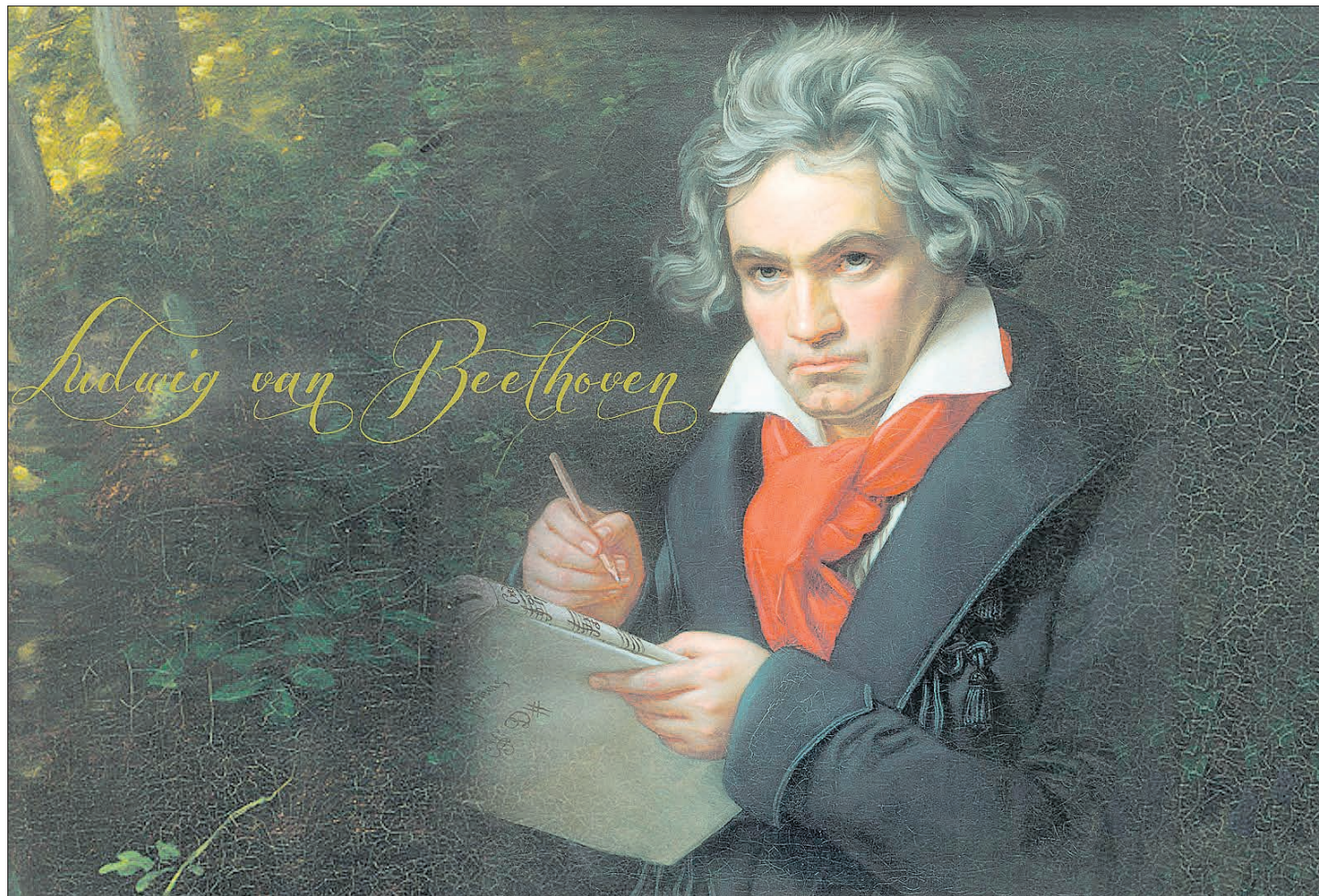
— М.: ИМЛИ РАН,
2019. — 160 с.

Автор убедительно показывает, что Шмелёв является не только достойным продолжателем традиций русской литературной классики, но и художником-новатором, развивающим и обогащающим её собственными художественными приёмами, глубокими идеями, яркими образами. ■

ЮБИЛЕЯ

Свет утраты и надежды

Исполнилось 250 лет со дня рождения Людвиг Бетховена

«Доброе старое время» прошло, оно отзвучало в мелодиях Моцарта, — как счастливы мы, что нам ещё доступно его рококо, что его «хорошее общество», его нежная мечтательность, его детская страсть к китайскому и вычурному, его сердечная учтивость, его влечение к изящному, влюблённому, танцующему, трогательному, его вера в Юг может всё ещё апеллировать к какому-то остатку в нас! Ах, когда-нибудь и это станет прошлым; но кто может сомневаться в том, что ещё раньше этого перестанут понимать Бетхове-

на и наслаждаться им! — ведь он был только отзвуком перехода и перелома стиля, а не, подобно Моцарту, отзвуком великого, многовекового европейского вкуса. Бетховен представляет собой промежуточное явление между старой, дряхлой душой, которая постоянно разбивается, и будущей сверхъюной душой, которая постоянно нарождается; его музыку озаряет этот сумеречный свет вечной утраты и вечной, необузданной надежды, — тот самый свет, в лучах которого купалась Европа, когда она грезила вместе с Руссо, плясала вокруг древа свободы

революции и, наконец, чуть не боготворила Наполеона. Но как быстро меркнет теперь именно это чувство, как трудно даётся в наши дни даже понимание этого чувства, — как чуждо звучит для нашего уха язык этих Руссо, Шиллера, Шелли, Байрона, которые все вместе выразили словами ту же самую судьбу Европы, что вызвучил в музыке Бетховен!

Ф. Ницше
«По ту сторону добра и зла»

Продолжение темы на стр. 9

**Льготная
подписка
на «ЛГ»-2021 —**

ВЫГОДНО И УДОБНО!

ДЛЯ ВСЕХ РЕГИОНОВ РФ

С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

стоимость подписки

180 руб.
на месяц

1050 руб.
на полугодие

2000 руб.
на год

на сайте **www.lgz.ru**

2 СОБЫТИЯ И МНЕНИЯ

ОЧЕВИДЕЦ

Александр Брод, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

Агенты вливания

Правозащитники подвели итоги года

Несколько событий уходящего года накалили правозащитную повестку. Жалобы на нехватку больничных мест, дефицит лекарств в условиях разгула пандемии. Скорую помощь где-то ждали (и ждут!) даже не часами — днями. Бизнес всё ещё мечтает о спасительной соломинке от государства.

Запреты на массовые мероприятия, в том числе и политического характера. Резоны понятны — санитарная безопасность. Но совсем абсурдной кажется инициатива ретивого депутата: приравнять к массовой акции очередь из желающих принять участие в одиночном пикете. Так можно и людей на автобусной остановке испугаться.

И всё же граждане, несмотря на тяготы, проголосовали за поправки в Конституцию. В «ЛГ», № 22 от 3 июня, я писал: «Наивно думать, что наутро после голосования мы проснёмся в райской стране с молочными реками и кисельными берегами. Но обновлённый Основной Закон с усиленным социальным и гуманитарным блоком может стать для нас точкой опоры в защите наших прав и свобод». Так и случилось: жить стало отнюдь не легче и веселее, но пока я не слышал, чтобы кто-то, отстаивая нарушенные права, ссылался на эти новые поправки. А под лежащий камень, как известно...

Все эти острые темы — а ещё проблемы с правосудием, экологией, градостроительством (список длинный!) — звучали на недавней встрече Совета по правам человека с главой государства.

Заноза уходящего года — дискуссия об «иностранных агентах». Хлёсткое словосочетание вошло в наше законодательство в 2012 году. Теперь предлагается маркировать «агентов» в избирательных бюллетенях, если они пошли на выборы, увеличить штрафы за непредоставление отчётности, им хотят закрыть путь в общественные советы и органы власти.

Эти намерения тревожат некоторых правозащитников. Правда, есть и другая сторона медали — зарубежный опыт. На днях мне довелось участвовать в одной дискуссии о том, как пасут иноагентов в других странах.

Американский публицист Хантер Кейвуд рассказал о законе FARA от 1938 года, на который любят ссылаться наши законодатели. Ответственность за нарушение «правил игры» в США — до пяти лет лишения свободы или штраф — \$10 тыс. Мария Бутина провела в заочной тюрьме 18 месяцев «за развитие общественной дипломатии» и убедилась, что американские законы намного жёстче российского аналога. В Латвии, которую представлял правозащитник Эйнарс Граудиньш, беспощадно терзают пророссийских журналистов, гражданских активистов.

Участники дискуссии сошлись на том, что задача наших законодателей — взяв на вооружение лучшее из зарубежной практики, не допустить разгула шпиономании. Не должны страдать от неё общественники, занимающиеся благотворительностью, культурой, наукой, образованием. Как справедливо отметил профессор ВШЭ Иосиф Дискин, лекарство не должно быть хуже болезни.

Кстати, о более тонкой настройке законодательства об иноагентах, о чёткости формулировок говорил на встрече с СПЧ и сам президент. Смогут ли думцы сработать тонко, покажет время. Да и о других проблемах, которые заботят общество, не забыть бы. ■

АКТУАЛЬНО

Ушли недолюбив

В РВИО представили новую книгу о героях Великой Отечественной

Казалось бы, белых пятен в истории самой страшной войны уже не осталось и всех героев мы знаем и помним, но это не совсем так. На слуху двадцать-тридцать имён, а ведь свершивших для спасения Родины невероятное было гораздо больше. Тлен забвения почти с тысячи бойцов снимает выпущенная Российским военно-историческим обществом книга «Война. Герои и подвиги. 1941–1945».

Накануне Дня героев Отечества, который празднуется в России 9 декабря, в книжном клубе «Достоевский» состоялась презентация книги. Представлял её автор проекта — помощник президента РФ, председатель Российского военно-исторического общества Владимир Мединский. Материалы для издания, рассказал он, готовились восемь лет, пять лет ушло на работу непосредственно с текстом. Изучались и сличались гражданские и военные архивные документы, наградные листы, пресса того времени, воспоминания ветеранов. В результате получилась сугубо документальная, но в то же время захватывающая история Великой Отечественной войны.

Книга сформирована как календарь. 1941 год: июнь, июль, август... 1945 год: январь, февраль, март... Открыв её, например, на дате 26 июня, можно узнать, что в этот день в 1941 году советские лётчики направили свой горящий бомбардировщик на скопление немецкой техники. В вышедшей 10 июля того

же года статье в газете «Правда» указывалось одно имя — Гастелло, оно и было использовано для пропаганды и стало нарицательным, а ведь в экипаже было четыре человека. Никто из них не выпрыгнул с парашютом, значит, решение пойти на таран принималось коллегиально, и все достойны войти в пантеон героев.

Совершил подвиг, но так и не получил «Золотой Звезды» лётчик гражданской авиации, вывезший с оккупированной территории 90 детей Полоцкого детдома. Во время последнего, девятого полёта его самолёт попал под прицельный огонь вражеских зениток и загорелся. Александр Мамкин мог бы набрать высоту и сброситься с парашютом, но он этого не сделал — на борту было десять детей, воспитательница и двое раненых партизан. Каким-то чудом Мамкину удалось посадить самолёт на берегу озера. Все пассажиры были спасены, а лётчик, получив-

ший ожоги, несовместимые с жизнью, через шесть дней скончался в госпитале. Формально героем он так и не стал — гражданских лиц в те годы к такому званию не представляли. Но он, безусловно, герой, как и лётчик Дмитрий Кузнецов, также вывозивший на своём самолёте детей Полоцкого детдома, как и сотни, а то и тысячи других бойцов, о которых сегодня помнят лишь родные и военные историки.

История, как сказал Владимир Мединский, тесное место, многие герои так и остались безвестными. Книга РВИО частично восстанавливает справедливость. Тысяча имён — танкисты, снайперы, предшественники и последователи Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло — ожили на страницах исторического календаря. Читать его лучше всего всей семьёй, восполняя пробелы в знаниях и вспоминая близких.

Людмила Мазурова

ФОТОГЛАС

Не стало народного артиста России поэта Валентина Гафта (1935–2020)

Валя, Валечка Гафт! Спасибо за все сотни ярких вспышек твоего присутствия в моей жизни, за неусмиримую дерзость нрава, за звонкость телефонных поздравлений — дуэтом с Оленькой, за бешеное снайперство эпиграмм, за высокий класс актёрской Игры, за ошеломляющую нежность души и лирических стихов... Вечная светлая благодарная память...

Вениамин Смехов

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Председатель редакционного совета

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

Главный редактор

МАКСИМ ЗАМШЕВ

Заместители главного редактора:

Леонид Колпаков, Анастасия Ермакова

Ответственный секретарь **Сергей Колпакчи**

Адрес редакции:

121069, Москва, ул. Б. Никитская, д. 50а/5, стр. 1

Отделы: **Политика и экономика** politec@lgz.ru

Общество т. 8-499-788-02-05, mazurova@lgz.ru

Искусство klv2004@bk.ru **Литература**

и библиография т. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru

Клуб 12 стульев satira@lgz.ru

ТелевЕдение televed@mail.ru

Литературная ярмарка т. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru

Эл. почта litgazeta@lgz.ru

Перепечатка и цитирование только с разрешения редакции.

Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № ФС77-70388 от 13.07.2017 г.

Председатель совета АНО **Андрей Тимохин**

Генеральный директор **Андрей Матвеев**

Тираж **113 800 экз.**

Отпечатано в типографии ООО «ВМГ-Принт»,

127247, Москва, Дмитровское шоссе, д. 100.

Номер подписан к печати 15 декабря 2020 г. Зак. № 2694

Подписные индексы: 50067, 34189, 11717 — годовая подписка,

ПР-381 — годовая подписка, ПР-195 — подписка на 1-е полугодие

Подписка и распространение: т. 8-499-788-01-12

ПОЗИЦИЯ

Профан террибль

Именно он — угроза национальной безопасности

У политтехнологов Украины — новый тренд. Оказывается, не все Майданы одинаково полезны. Есть Майдан курильщика, где всё плохо, но есть и здорового человека, там — романтика. К романтикам Майдана относят, например, старшеклассников и студентов, которые вместо учёбы бегали на площадь Независимости. Они, дескать, искренне верили в чистоту и справедливость протеста.

Майдан — отдельно, «мерзавцы, захватившие вооружённым путём власть» — отдельно. Это утверждает ныне один из главных украинских оппозиционеров, а в майданное прошлое — замгенпрокурора Ринат Кузьмин. Горевшие живём беркутовцы, по его мнению, это уже не Майдан. А «преступление, с которого начался развал Украины как государства». Что помешало прокурору вывести на чистую воду тех, кто ещё только пытался «незаконно захватить власть», — сейчас вопрос риторический. А вот вопрос, кто и зачем начинает развивать тему «двух Майданов», — злободневный. И касается он отнюдь не только Украины.

«Послушайте, это хорошие люди. У них светлые глаза. Они полны романтики. Они уверены, что делают святое дело» — это в эфире одного из главных российских ток-шоу белорусский политолог говорит о белорусской оппозиции. К этим светлым и хорошим людям обществу предлагают искать подходы. Ведь «хорошие» просто чего-то недопонимают. А мы им сейчас всё разъясним, и наступит на земли мир, а в человеках благоволение. Звучит красиво. Только ни черта не получится...

Причина проста: главная угроза нацбезопасности — что на Украине, что в Белоруссии, что в России — не чего-то недопонявшие анфан террибли с хорошими лицами. Нет, профан террибли. Пребывающие в уверенности, что знают всё.

Эта публика появились в 90-е годы прошлого века. Когда гомосексуализм, наглость и идиотизм легализовали одновременно. «Ты этого достоин», «твое мнение ценно потому, что это твоё мнение» — во весь голос уверяли с телеэкранов, университетских кафедр и даже в школе. Аргументов, на каком основании присваивается всем подряд это право на мнение, не предоставлялось. Верхом неполиткорректности стал вопрос: «А ты, собственно, кто такой?» Именно его хотелось адресовать и некоему светлолицему протестующему, и какому-нибудь «известному эксперту». Главное — сформировать мнение. Учить матчасть — пережитки кровавого прошлого.

«Вы не рефлекслируйте, вы распространяйте», — заявил в своё время Алексей Навальный соратникам, усомнившимся в подлинности «Манифеста Единой России» — фейковой листовки, с помощью которой оппозиционер планировал скомпрометировать партию власти.

Вот он, самый главный тренд — отказ от осмысления, необязательность зна-

ний и квалификации. И в этом оппозиция и её противники во многом похожи. Именно поэтому, как мне кажется, антагонисты так легко переходят из одного лагеря в другой. Министр образования Хакасии, например, недавно прославилась заявлением, что «Горе от ума» написал Радищев. Юлия Латынина уверена, что Коперника сожгли на костре. Крупный калининградский чиновник заявил, что город после войны приехали восстанавливать «ссылные, мародёры и уголовники», а оппозиционер Антон Носик, напившись в прямом эфире, вскидывал руку в нацистском приветствии. Другой высокопоставленный чиновник уверен, что сын Ивана Грозного заболел по дороге из Петербурга в Москву. А ещё один оппозиционер — что у немецких пулемётчиков во время Второй мировой были санатории, где они лечились от неврозов: русские в таком количестве заваливали врага трупами, что трепетные немцы не выдерживали.

Приводить примеры можно долго. Главная примета времени — у всех

есть «своё мнение». Обо всём. Об истории, о причинах пандемии, о ответственности вакцины. И конечно, о том, «как обустроить Россию». Ведь три клика в «Википедии» — и ты уже специалист. Со своим, очень ценным мнением по всем вопросам, которое надо, отказавшись от рефлексии, распространять. «Должна ли Якутия войти в состав России?» — такой вопрос популярный блогер недавно задавал молодым людям на улицах. О том, что Якутия уже в составе РФ, — ответил один. Что не помешало остальным выразить своё четкое «мнение» по этому поводу. Даже не сомневайтесь — случись что, это мнение будут рьяно отстаивать. Со светлыми лицами, естественно. Ну а раз уж все мнения априори ценны — выскажу и своё.

Может, пора образовательный ценз вводить? И для занятия государственных должностей, и для «гражданского волеизъявления»? В кровавом прошлом, например, чтобы занять определённую должность, требовался определённый уровень образования. И если что-то ляпнул на государственной должности, даже если «ляпнул уверенно», то это отнюдь не «своё мнение», как уверяла героиня Муравьёвой в известном фильме. А позор и причина для отставки. Причём вместе с теми, кто тебя туда рекомендовал.

А если захочется протестовать, сначала предъяви собственные достижения. Профессиональные, научные, волонтерские хотя бы. И собственный альтернативный план того, что будет после «долой». Хочешь быть экспертом? Изучи матчасть. Потому что кухарку можно, конечно, научить управлять государством, но (и это, естественно, моё сугубо личное, очень ценное мнение) только таким государством, которое не жалко. Почему? Долго объяснять. Тут не рефлексировать надо. Распространять.

Вера Кузьмина,
политобозреватель
«ТВ Центра»

Не пора ли вернуться к идее образовательного ценза?

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Русские — на выход!

Власти Латвии начинают новый этап «крестового похода»

Недавний арест в Риге Службой госбезопасности Латвии семи журналистов, работающих на российские СМИ, произошёл (как сказали в самой СГБ ЛР) по подозрению в нарушении санкций ЕС против России. В Уголовный закон Латвии успели загодя внести специальную статью (ст. 84 ч. 1 УЗ ЛР «Нарушение санкций ЕС против России»). То есть — всё «по закону». А как ещё в европейской стране?

Задержанные журналисты публиковались на порталах «БалтНьюс» и «Спутник», хотя они и не штатные сотрудники МИА «Россия сегодня». Просто честные люди. Гэбэшники Латвии кратки. Мол, в ходе следствия получена информация, давшая основания подозревать, «что имела место передача хозяйственных ресурсов лицу,

против которого направлены санкции ЕС в связи с действиями, направленными на разрушение территориальной целостности, суверенитета и независимости Украины». Разобраться в этой казуистике непросто. Но чем туманнее — тем лучше.

Совершенно очевидно, что в Прибалтике последовательно и успешно проходит вытеснение русских не только из активной политической, но и из общественной деятельности. «Ставят на место», понятно, и журналистов.

Национальные СМИ вяло откликнулись на арест коллег по цеху. Вот типичный пример: «Задержаны и потом отпущены 7 человек в рамках уголовного дела за нарушение санкций ЕС против России». Никаких дискуссий, эмоций, по-балтийски сдержанно. Из-за иной реакции можно и самим пострадать.

При этом населению такие вещи сейчас побоку: беспокоит, когда закончится пандемия. Дело не только в здоровье. Из статистики следует, что свыше 90 процентов клиентов банков не имеют денежных накоплений более чем на 3 месяца существования. А с работой плохо. Если ситуация не улучшится, к весне многих может ждать голод. И тут больше обсуждают письмо министра транспорта ЛР российскому коллеге с мольбой не сокращать транзит грузов через Латвию. Говорят и об истинных целях недавних учений НАТО в городской черте: тренировки были заточены не на противостояние «злым русским», а на умирение уличных волнений, голодных бунтов и этапирование куда надо.

Мои знакомые «титовской национальности» (чьи имена даже назвать опасаясь) понимают это и, кто как может, бьют тревогу. Однако политические

гастарбайтеры у власти из эмиграционной диаспоры крепки лишь в русофобии. Когда говорят, что Латвия ориентирована на ЕС, этому не надо верить до конца. Латвия — преданный сателлит исключительно США. И преследование русскоязычных журналистов — продолжение националистической и неонацистской идеологии на госуровне. После уничтожения русского образования, с чем, похоже, смирились (и не только в Латвии), стоит новая задача — окончательное избавление от всего русского и того, что с ним связано. Возникает вопрос: когда же с подачи властей РФ хоть как-то заработает комплексная программа действий в отношении русских соотечественников?

Руслан Панкратов,
глава политической партии
«Действие», Рига

4 НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП

Приключения таблетки

Преодолеем ли мы дефицит отечественных лекарств?

Сегодня в России более 67,5 тысячи аптек, при этом в поисках элементарных антибиотиков и витаминов нередко приходится объехать полгорода. Скорее всего, в новом году под натиском пандемии спрос ещё увеличится. Населения всё меньше – аптек при дефиците лекарств всё больше. Есть в этом какой-то неприятный парадокс. Очевидно, что наша фармацевтическая промышленность не справляется с возрастающими запросами. Почему? За ответом на этот и многие другие вопросы я обратился к кандидату химических и доктору технических наук, человеку, проработавшему в этой отрасли более сорока лет, профессору кафедры химической технологии лекарственных веществ Санкт-Петербургской государственной химико-фармацевтической академии Илье Фридману.

— Илья Абрамович, народ, напуганный второй волной пандемии, раскупил в аптеках все антибиотики, жаропонижающие препараты, антисептики, витамины... А в советское время был дефицит лекарств?

— В 1987 году, получая заключение ведущей организации на мою кандидатскую диссертацию, я задавал директору ВНИХФИ (Всесоюзного научно-исследовательского химико-фармацевтического института) Глушкову похожий вопрос. Ответ Роберта Георгиевича был однозначно отрицательным — и в отношении полноты номенклатуры, и в отношении устарелости и малой эффективности активных фармацевтических субстанций (АФС) и лекарственных препаратов. К рубежу 1980–1990-х годов СССР входил в ряд крупнейших в мире производителей лекарств. Значительное количество сырья и полупродуктов закупалось в капиталистических странах. В среднем мы выпускали около 850 лекарственных субстанций и витаминов. (Номенклатура ежегодно варьировалась в пределах 20–30 наименований.) В системе Минмедбиопроба СССР было свыше ста предприятий по производству лекарственных препаратов, химическому синтезу АФС и биотехнологическим. В системе так называемой местной промышленности в областных центрах и автономных республиках работали фармацевтические фабрики. Существовала и обширная межгосударственная кооперация в рамках СЭВ.

— **Отечественная фармацевтическая промышленность была среди передовых в мире?**

— Существенно уступая в технической оснащённости развитым западным странам, мы почти не отставали в технологиях. Качество тех же АФС соответствовало мировому уровню. От 10 до 20% производимых в СССР активных фармацевтических субстанций экспортировалось в разные страны, включая США.

Столь же несостоятельны и утверждения о том, что в СССР выпускали лишь генерики (дженерики) — уже снятые с патентной защиты АФС иностранной разработки. Генерики в СССР, разумеется, выпускали. Особенно после войны, когда были захва-

Производство лекарств на заводе в Саранске

чены разработки германских фирм, что совершенно правильно. Но, во-первых, называть генерики известные с XIX века продукты, такие как, скажем, ацетилсалициловая кислота, просто нелепо. Во-вторых, весьма значительная часть советских АФС — это продукты отечественной разработки (от, например, метилурацила до столь скандального ныне мельдония, внесённого в список запрещённых Всемирным антидопинговым агентством).

— **Что же произошло позже? В чём причины кризиса отрасли?**

— Высокая технологичность производства имеет свою оборотную сторону — сильнейшую зависимость отдельных предприятий и целых отраслей от работы смежников. Для нас — это в первую очередь поставки полупродуктов. Развал СССР немедленно привёл к прогрессирующему разрыву технологической кооперации предприятий, оказавшихся в разных странах. Разрушение единого рыночного пространства и галопирующая инфляция быстро разорили и производителей, и потребителей. К 2009 году встали крупнейшие производители полупродуктов — Рубежанский химкомбинат (Украина, Луганская область) и Березниковский химзавод (Россия, Пермский край).

Идеологи приватизации не считали даже ближайших экономических последствий. Приватизировались

зачастую отдельные цеха и подразделения предприятий. Это уничтожило внутрипроизводственные связи и систему технической эксплуатации производства. Ради быстрой прибыли предприятия порой разорялись, распродавались, уничтожались самими «прихватизаторами».

Сыграли свою роль и интересы иностранных фармпроизводителей и фармтрейдеров, стремившихся к завоеванию рынка постсоветского пространства ёмкостью в десятки миллиардов долларов. Скупали и закрывали даже те предприятия, которые сохранили организационную и технологическую целостность. Именно так, например, были уничтожены знаменитые питерские предприятия «Октябрь» (тот самый, основанный Петром Великим в 1714 году Аптекарский огород) и «Фармакон». Их не перенесли, например, на площадку РНЦ «Прикладная химия» на границе Петербурга и Ленинградской области, а закрыли.

Многие предприятия — производители активных фармацевтических субстанций (как, например, завод «Акрихин») были перепрофилированы на производство готовых лекарственных препаратов — как более простое и доходное. Через некоторое время отсутствие сравнительно недорогих отечественных субстанций чувствительно ударило ценами и по ним самим.

Производство АФС как более дорогое, сложное, продолжительное по циклам, чувствительное к поставкам полупродуктов, понесло колоссальный ущерб. А производство ЛП, как менее уязвимое и более простое, выжило. И даже стало развиваться.

— **К чему это привело в итоге?**

— К 2010 году не осталось ни одного действовавшего с советских времён предприятия — производителя АФС. Были закрыты или перепрофилированы три главных научно-технологических центра отрасли: Всероссийский химико-фармацевтический институт (ВНИХФИ) и Всероссийский витаминный институт (ВНИВИ) в Москве с их филиалами; Всероссийский институт антибиотиков и ферментов (ВНИТИАФ) в Петербурге.

Сильнейший удар получила сфера подготовки профессиональных кадров. В 2011 году был закрыт послед-

ний на то время химико-технологический техникум в Питере, готовивший рабочих и мастеров основных специальностей.

Подобная судьба постигла все высокотехнологичные отрасли нашей экономики. Вспоминать это мерзостно. Зло уже свершилось — следует помнить о нём, дабы не повторилось опять.

Но ростки обновления всё-таки пробивались среди руин. И, хочется верить, дадут плоды.

— **Например?**

— Обновление началось с совершенствования нормативной базы. Приняты: закон «Об обращении лекарственных средств»; три издания Государственной фармакопеи; большое число новых стандартов и правил. Создана в основе своей система обеспечения качества — так называемые Правила GxP. Эти документы весьма способствовали воссозданию и обновлению фармпроизводства. С 2021 года начнётся реализация программы «Фарма-2030». Ждём качественного скачка.

Очень важно, что в Россию в качестве полноценных резидентов рынка пришли ведущие мировые компании. Такие, как Biocad и Pfizer... Они принесли новые продукты, новые технологии и крупные инвестиции. Ведущие фирмы ведут разработки по более чем двумстам новым АФС. Появилось около 20 новых заводов АФС (включая новые производства на площадках ранее перепрофилированных предприятий). Во многих регионах созданы фармкластеры, подобные советским производственным объединениям. Недавно президент Путин лично открывал производство АФС в Братске. Пока некоторые предприятия могут осуществлять лишь процессы из двух-трёх стадий, а не реальный многостадийный синтез. Но почин положен, значимые результаты будут через четыре-пять лет.

Сейчас Российские предприятия производят около 100 АФС, однако тоннаж производств, конечно, ещё очень мал. Практически нет производства витаминов. Порядка 90% всего количества АФС — импортные. Также импортируется 60... 90% всего тоннажа используемых в производстве лекарственных препаратов вспомогательных веществ и материалов.

— **Илья Абрамович, как долго мы будем зависеть от импорта?**

— Пока не решим три стратегические задачи. Восстановление химического машино- и приборостроения. Возрождение производства полупродуктов и реактивов. Воссоздание на новой базе отраслевых научно-технологических центров и помощь профессиональному образованию.

Нельзя ослаблять внимание к развитию отрасли. Иначе всё может рухнуть в одночасье. Тогда и впредь будем покупать оборудование, материалы да и готовые продукты в Китае, в Индии или в Евросоюзе.

Десять лет назад положение дел внушало лишь мрачное отвращение и тяжёлый гнев. Сейчас планы производить в России к 2025 году 215 важнейших АФС уже не воспринимаются как прожектерство. Хотя и гарантий реализации этих планов никто дать не сможет. Всё зависит от нас.

Беседу вёл
Сергей Рыков

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Илья Абрамович Фридман родился в Ленинграде в 1957 году. Окончил Ленинградский технологический институт имени Ленсовета. С 1999 г. — доцент, затем про-

фессор (с 2001 г.) кафедры химической технологии лекарственных веществ Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета. Кандидат химических наук (1987); доктор технических наук (1999). Изобретатель СССР (1989).

КЛАСС ПРЕМИУМ

«Болдинская осень» длиной в год

В Москве наградили лауреатов 15-го сезона «Большой книги»

Нет сомнения, что, по задумке организаторов, юбилейная церемония награждения должна была стать грандиозным литературным праздником. Но жизнь внесла свои коррективы. Из-за эпидемиологической ситуации вручение национальной литературной премии «Большая книга» прошло в Электротeatре Станиславский в присутствии немногочисленных гостей и телевизионных групп.

Что ж, уже привычный к концу года «смешанный формат» выручил и на этот раз. Лично присутствовать на церемонии смогли не все финалисты — некоторые ждали результата подсчёта голосов у экранов компьютера. Традиционная для «Большой книги» внушительная аудитория тоже разделилась: часть гостей собралась в просторном фойе и смотрела трансляцию на экранах, часть — у домашних и рабочих мониторов...

Ведущим церемонии стал лауреат прошлого года Григорий Служитель, а темой — «Болдинская осень»: в основу сценария легла недавно вышедшая книга Михаила Визеля «Пушкин. Болдино. Карантин. Хроника самоизоляции 1830 года». Звучали отрывки из писем великого поэта родным и друзьям, а слайды на экране демонстрировали воображаемый блог Александра Сергеевича в «Фейсбуке»...

Конечно, сама собой напрашивалась аналогия с весенней самоизоляцией: показали отрывки из видеороликов, в которых современные авторы рассказывали, как справлялись с несколькими месяцами вынужденного затворничества. Вспомнили и ушедших в 2020 году писателей: Леонида Зорина, Алексея Михеева, Юрия Бондарева, Эдуарда Лимонова, Михаила Жванецкого, Игоря Ефимова, Михаила Яснова, Владислава Крапивина, Александра Кабакова...

Традиционной наградой «За вклад в литературу» в этом году, по решению оргкомитета премии, отметили не писателя, а организацию, сделавшую возможным существование и «Большой

Сергей Нарышкин вручил награду «За вклад в литературу» Михаилу Сеславинскому

шой книги», и множества других важнейших мероприятий, направленных на развитие отечественной словесности, — Роспечать. Из рук председателя оргкомитета по поддержке литературы, книгоиздания и чтения Сергея Нарышкина награду получил руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаил Сеславинский. «Миссия, которую мы выполняли с 2004 года, — благородная миссия. Мы понимали, чем мы занимались, с кем работали, и старались всегда поддерживать отрасли книгоиздания, полиграфии, книгораспространения, периодическую печать. Наша деятельность как Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям завершается, но продолжается государственная поддержка литературы», — подчеркнул он.

А самая волнующая часть церемонии — объявление имён лауреатов — состоялась с некоторой задержкой: счётная комиссия премии под руководством Ирины Барметовой тщательно пересчитывала голоса членов Литературной академии, потому что разрыв

Третье место занял Шамиль Идиатуллин

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Владимир Григорьев, заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям:

— Много поздравлений с 15-летием поступает в адрес «Большой книги». С трудом верится, что она уже полтора десятка лет живёт и радует авторов, издателей и, конечно, читателей. Мы изначально задумывали премию как большой и долгоиграющий проект. Поэтому, надеюсь, выражу общее убеждение, что каждая новая церемония объявления победителей будет оставлять неравнодушными всех любителей русской словесности ещё долгие годы.

между местами оказался непривычно маленьким. По решению жюри первое место занял Александр Иличевский с романом «Чертёж Ньютона», второе — Тимур Кибиров («Генерал и его семья»), третье — Шамиль Идиатуллин («Бывшая Ленина»). Награды лауреатам вручили Сергей Степашин, Дмитрий Бак и Сергей Шаргунов.

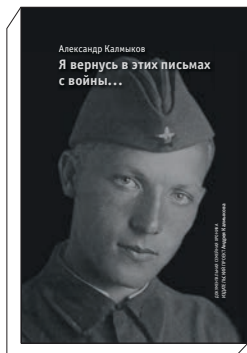
Наградили также победителей читательского голосования, результаты которого стали известны ранее: первое место — роман Михаила Елизарова «Земля», второе — «Наполеонов обоз» Дины Рубиной и третье — книга Алексея Макушинского «Предместья мысли. Философическая прогулка». И вот уже в третий раз подвели итоги премии «Литблог»: в этом году её получил Сергей Лебедев, автор телеграм-канала «Книгижарь».

Несмотря на все сложности, по многолетней традиции церемония вручения Национальной литературной премии «Большая книга» завершила череду масштабных литературных событий уходящего года. Следующий праздник книги и чтения ждёт нас на ярмарке «Non-fiction» в марте 2021 года.

Мила Яковлева

КНИЖНЫЙ РЯД

Помним, любим, гордимся

Александр Калмыков.
Я вернулся в этих письмах с войны... Документальная семейная хроника.
— М.: Издательский проект Андрея Калмыкова, 2020.
— 316 с.

Главный герой этой книги, старший лейтенант Красной армии Андрей Коман, покоится в братской могиле возле эстонского города Валга. 17 сентября 1944 года он в последний раз повёл в атаку своих бойцов и героически погиб. Где он похоронен, семья узнала толь-

ко во второй половине пятидесятых, а накануне семидесятилетия Великой Победы внук и правнук его брата повезли в теперь уже зарубежную Эстонию памятную гранитную плиту. К тому времени рвущиеся в НАТО националисты уже перенесли из центра Таллина «Бронзового солдата», монумент в честь воинов, павших в Великой Отечественной войне, и снесли памятник, установленный на братской могиле в посёлке Таэбла. Удивительно, но администрация посёлка, не зашоренная мечтами о евроинтегрированном счастье, против памятной плиты не возражала. Так в Эстонии, у подножия монумента на месте захоронения десяти тысяч советских воинов, появился ещё один памятный знак: «Коман Андрей Леонидович 1917–1944 гг. Помним, любим, гордимся, скорбим».

В год семидесятилетия Победы вышла книга, написанная племянни-

ками Андрея Комана — Александром и Михаилом Калмыковыми. Основой для этой документальной семейной хроники послужили фронтовые письма дяди, многие десятилетия бережно хранившиеся ближайшими родственниками. В них мужественный воин, любящий муж, сын и брат остаётся живым и в них он волнуется не о себе, а о них:

«15.10.42 г. ...Теперь, мамуля, в отношении посылок. Я просто расстроился... ведь у нас буквально всё есть. Помимо этого выдаётся командирский паёк. Я уже не раз думал, что значительно лучше было б, если бы нам отменили этот дополнительный паёк и давали его детям... Целую крепко. Ваш Андрей».

Одно из писем, отправленное матери в августе 44-го, может служить предостережением врагам: «Мне хотелось бы, чтобы ты посмотрела на этих гнусных вырождаков рода человеческого — немцев... Сегодня их прошло несколько через

мои руки. Каждый из них имеет десятки хороших фотокарточек и с умильной рожей показывает пальцем «майн кинд», «майн фрау». Никогда не скажешь, что они расстреляли в Херсоне наших 80-летних престарелых и беззащитных стариков... Знаешь, у меня появилось страстное желание, я когда вижу здорового детину — немца, мне хочется снять своё оружие и подраться с ним голыми руками, смертным боем... и уверен, что любого убью».

Издание дополнено воспоминаниями младших родственников Андрея Комана. Через семейную хронику семи поколений проявляется не только история семьи, но и история страны. Поэтому книга будет интересна всем, кто хочет понять наше сложное, во многом трагическое, но, несомненно, великое прошлое.

Ксения Зуева

Иногда они возвращаются

Стихи приходят эхом Большого взрыва

Более десяти лет Дмитрий Воденников называл себя мёртвым поэтом — стихи от него ушли. В конце ноября 2020 года интернет-издание «COLTA.RU» опубликовало его первый после долгого молчания поэтический цикл.

— Вы снова пишете стихи. Как вы себя сейчас чувствуете?

— Я снова написал стихи. Они, как несколько потных поддавших солдат, пришли, нахлынули, поиграли мной, как котёнком. Ногами попинали и ушли довольными. Я потрогал себя лапкой, понял, что всё болит, но ничего не сломано, и заковылял в канаву. Я не знаю, пишу ли у меня сейчас период или нет. Там что-то бродит, но когда они вернутся опять — бодреньким галопчиком, группкой поддатых солдат — я не знаю. Но я, как котёнок с плохо сросшейся лапкой, помашу им и скажу привет. И пойду навстречу, ковыляя уже на трёх лапках и с разорванным ухом. Потому что это самое сильное, что есть в моей жизни.

— Можно ли выгнать этих солдат?

— Нет, они сами могут уйти. Но ты понимаешь: я отдам за них всё. Мне нравятся строчки Ахматовой:

*Отыми и ребёнка, и друга,
И таинственный песенный дар.*

А у неё отняли и сына, и мужа, и дар — она не писала какое-то время. Это настоящие строчки. Она отдала Льва (что кажется невозможным для матери), она отдала и Гумилёва, и Пунину, но таинственный песенный дар поместила в конец списка. Гений тебя пробалтывает.

Меня завораживает мысль: написать стихи, которые ты никогда никому не покажешь. Может быть, ты их напишешь, когда ты будешь умирать. У тебя возникнут невозможные четыре строчки. И ты не успеешь их произнести, даже если захочешь. Например, ты будешь парализован. Тебе будут предлагать укольчик, но он спутает твоё сознание. И тебе захочется прокричать: запиши то, что я хочу сказать. А тебе уже иголочку принесли, и тебя уже укололи. И ты уже уплываешь. И это будут последние твои стихи, которые ни для кого, но они уже будут. Может быть, ты испытаешь дикую жалость из-за того, что ты не можешь сообщить миру эти четыре строчки. А может быть, ты, ни к кому не обращаясь, скажешь: «Господи, это мои лучшие стихи — как хорошо, что их никто не увидит». Они станут разгадкой твоей жизни и рухнут с тобой в бездну.

Когда я пишу, я нахожусь почти в преддверии этого. Когда я умирал, я видел поэму, которую я так и не дописал.

Стоит ли что-нибудь этого? Ничего не стоит. Ни слава, ни любовь. (Хотя это очень важная история.) Мандельштам шептал что-то, когда был в лагере, когда умирал от истощения. Скорее всего, это были стихи.

— В одном из интервью вы сказали, что алкоголь плохо влияет на поэтический слух. Но не развили эту тему.

— Стихи приходят очень сильным шумом, гулом, с отдельными фразами, строчками, словами, они приходят как облако смысла, как куст, размеры которого ты не очень представляешь. Куст,

АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО / РИА НОВОСТИ

который лезет из тумана. Куст, который лезет в освещённую комнату, когда за окнами тьма и он стоит в темноте. Ты пишешь только фрагменты — веточку, потянувшуюся к тебе. И задача человека, к которому пришёл звук, — очень точно всё расшифровывать, выхватывать. А звук — это прежде всего искажение, помехи.

Так был открыт факт, что Вселенная расширяется. Учёные ловили излучения, но вдруг к ним стал приходиться какой-то искажающий шум. Просто шум. Сначала они подумали, что это помёт голубей на антенне, они её очищали, но шум всё равно оставался. И тогда они поняли, что эти помехи в их точно настроенном аппарате доказывают, что Большой взрыв был.

Тебе кажется, что это помёт, голуби, листья, а это на самом деле — рождение Вселенной, пришедшее из прошлого. Тебя и так очень сильно нагружает приход стихов, и на первом этапе алкоголь может навредить. Вы уйдёте в запой или просто будете пить, увлечётесь интернетом, новой любовью вместо того, чтобы вытягивать звук. Но, с другой стороны, когда ты долго пишешь один стишок, наступает второй период — ты находишься в настоящем процессе, вынести из которого тебя ничто не может, и ты просто болеешь. В этот момент алкоголь уже не навредит. И, может быть, это даже хорошо — алкоголь тебя немножко отупляет, и у тебя в голове нет этого скачущего стада. В тебе десять рогатых особей, но не пятьдесят. Конечно, алкоголь — вещь губящая. Мы прекрасно знаем, как он погубил, например, Бориса Рыжего — очень хорошего поэта.

— Возникает вопрос: не есть ли это его судьба. Вы верите в судьбу?

— Нет. Например, Блок. Он умер, потому что он всего лишь человек. Мы всего лишь люди, что бы мы ни говорили по поводу голосов и бьющего в нас луча. (А он бьёт, и голоса есть.) Мы всего лишь жалкие коробочки, где бегают кровь, где лежат почки, сердце, которое побаливает. Но Блок мог пережить этот кризис здоровья. Представьте, какие бы стихи он писал

в Советской России. Он дожил бы до 37-го года. Наверное, его бы не репрессировали, потому что это почти невозможно. Может быть, его бы убили или отравили, как Горького. Но репрессировать его не смогли бы. Даже Ахматову не смогли. Мне кажется, нет у нас никакой судьбы, у нас есть наш странный организм: слабый, иногда сильный, который, пережив какие-то катаклизмы, снова может расцвести. Не организм, а наш дух, наш дар.

Я десять лет молчал. Я написал новые стихи и не хотел их никому показывать. Я послал их некоторым людям, в том числе Авдотье Смирновой. Она спросила меня: Дима, а как же вы смогли вытерпеть эти десять лет, как вы смогли их прожить? А я ответил (единственно, как я мог ответить): у меня не было другого выбора. У тебя нет другого выбора, но вдруг что-то происходит в твоём организме и к тебе возвращается дар. Это самое поразительное, что случается в нашей жизни. Даже не любовь. Ничто не стоит этого постороннего шума.

Я не верю в судьбу, но верю, что я, как хорошо откалиброванный прибор, могу услышать эхо Большого взрыва и извлечь какие-то мирозданческие законы, шёпот и шелест. Но сначала я их приму за голубей, за шум листьев.

— А выбор людей, которые ловят этот звук, случаен?

— Не знаю. Я думаю, все мы, начавшие писать, преодолеваем собственную бездарность. (Марина Цветаева назвала Брюсова преодоленной бездарностью.) На самом деле каждый, что-то сделавший и делающий, — преодоленная бездарность.

— Чем преодоленная бездарность отличается от гениальности?

— Ничем. Это и есть гениальность. Преодолеть бездарность — это преодолеть закон притяжения. У тебя нет крыльев, но ты взмахнул своими руками, которые были приспособлены только для того, чтобы хвататься за ветки, и вдруг полетел. Ты преодолел свою бездарность и стал гением. Стал Кошечем Бессмертным.

Мой поэтический цикл заканчивается стихотворением про Кошечу Бес-

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Дмитрий Борисович Воденников — поэт, прозаик, эссеист. Родился в 1968 году. Автор четырнадцати книг стихов и прозы. Лауреат премии «Книга года»—2019 в номинации «Поэзия года». Дипломант премии «Московский счёт» (2003 г.). В 1999 г. сборник «Holiday» вошёл в шорт-листы премии Андрея Белого и премии Антибукер. Ведущий авторской радиопрограммы «Поэтический минимум». Выступает с лекциями в Англии, Германии и городах России. Живёт в Москве.

смертного, и меня вдруг озарила мысль: на самом деле Иисус Христос — антипод Кошечу Бессмертного. Под одним постом в «Фейсбуке» о программе, посвящённой Блоку, женщина написала: когда они в школе разбирали поэму «Двенадцать», её ученик сказал, что Христос мёртв. У него был белый венчик, который надевают, когда кладут в гроб. Перед этими двенадцатью, которые представляют советскую власть, идёт умерший Иисус Христос. Помните, у Бродского есть поэма «Шествие»? Это такое шествие мёртвых. Блок увидел финал — всё умерло. Христианство умерло, только что родившиеся большевики умерли, старый мир умер, мы все — умерли. Это Данте. И всё это — только из-за венчиков.

Когда мы вдруг докручиваем себя до состояния приёмника, мы становимся гениальными. Но это происходит не со всеми. Мы что-то должны с собой сделать. И Блок — это преодоленная бездарность.

— А кто может преодолеть свою бездарность?

— Человек, который вывернет себя наизнанку и поймёт, о чём он должен говорить. У нас на семинаре есть мальчик, он написал потрясающий верлибр. Но когда он пишет рифмованные ритмизованные стихи, я говорю ему: какая потрясающая строфа, а что перед ней — что это за муть? Это момент, когда ты Иван из «Конька-горбунка». Ты должен прыгнуть в эти странные три котла, и не факт, что ты оттуда выберешься. Это и позволяет тебе стать гением.

Гений должен быть безумным. Скорее всего, иметь какую-то патологию, по терминологии большинства людей. В тебе должна быть рана. Рана есть во всех. Но нужно не побояться принести её в жертву. Ты и её предашь. Ты её изживёшь, а потом будешь спекулировать над ней, присосавшись, как чужой щенок. Художник делает именно это.

— У гения может быть благополучная жизнь?

— Стихи уходят, и ты вполне благополучно продолжаешь существовать. Стихи же не пишутся постоянно. Пока человек не пишет стихи, он может успеть сделать все свои делишки: в банк сходить, квартиру приватизировать, выгодно жениться. У тебя есть для этого возможность. На самом деле поэт — очень хитрое существо. Он одновременно пишет и за собой пишущим наблюдает. Он плачет и одновременно за собой плачущим наблюдает. Более того, даже когда он ничего не пишет, а просто плачет, он всё равно что-то откладывает себе в голову. Пришедшую строчку, ситуацию. Но я не понимаю, как другие люди, которые не пишут, не рисуют, не поют,

справляются с этим, потому что для нас жизнь — это материал.

— **Но при этом люди, которые не пишут, находятся на самом деле внутри этой жизни, в ней самой. И они проживают её без повтора, в отличие от поэта, который работает на историю. Поэт всегда над.**

— Но и в самой этой жизни. На самом деле ты и в эту историю так же погружён, как и просто человек, но одновременно ты ещё и наблюдатель. А это мучительное состояние, потому что ты должен разорваться.

— **Я делю поэта на большое Я и малое Я. Большое — то, которое слышит звуки. А малым пользуются в рамках этой столько-то летней жизни и выбросят его.**

— Но, что удивительно, с малым Я ничего и не происходит. Происходит только с большим, которому безразлично, насилуют тебя или нет. Это самая большая фантастика. Большому плевать даже на расставание и чужую смерть. В тебе стоит стержень, который делает из тебя постоянного наблюдающего, в том числе за своими страданиями, за своими криками.

И самое тяжёлое — когда в тебе остаётся этот наблюдатель, но ты не можешь его применить. Тебе незачем всё это переживать, ты не можешь это описать — у тебя отняли дар, стихи ушли, шоркая тапочками. Это самая большая потеря.

— **В одном из своих интервью вы говорили, что иногда не понимаете, о чём ваши стихи. Сейчас что-нибудь изменилось?**

— Я не понимал, о чём они, когда их писал. Мне казалось, что я пишу об одном, но оказывались они совсем о другом. Как-то я сказал своей подруге: я написал стихотворение, в котором нет ни гробов, ни могил, и прочитал:

*И чтобы жизнь твоя всю жизнь
стоймя стояла
одним упругим и цветущим кубом
и чтобы всё это твоей могилой стало,
но только я твоей могилой буду.*

Я понимал, что оно о другом. Я не видел там могилы. Через меня говорил голубиный помёт на антенне.

— **Вы называете себя атеистом. Но во что вы всё-таки верите? Макс Вебер писал, что мы должны определить, кто для нас наш Бог, а кто — наш демон. Кто ваш Бог и ваш демон?**

— Для начала Бог — это не про блоковские белые венчики. У меня на компьютере всё время возникает переливающаяся иконка. Я до сих пор не знаю её предназначения. И она исчезает. Бог — это такая иконка, которая

возникает на экране компьютера. И он радужный, похожий на голограмму. Мы его выключаем, но мы всё время помним, что он может возникнуть и снова начать крутиться. В момент любви, например.

— **Это Бог, или божок, или следы Бога?**

— Я не знаю. Это какой-то смысл. Это нечто, что больше нас и что имеет право нам подсказывать. Конечно, это не персонифицированное существо.

Бог — некий центр какой-то идеи вне тебя, он вынесен, он возникает над левым полушарием или ещё выше. Я Бога чувствую — как со стихами.

— **А демон?**

— Демон — это ты. Твоя больная психика, твоё неумение удержать человека, желание разрушить жизнь. То, что внутри.

— **Где граница между проговариванием собственной травмы и поэзией? Сейчас многие пишут верлибром, но часто вместо стихотворения получается рассказ о тяжёлой жизни.**

— Это зависит от интонации, от степени ярости, яркости, с которой ты это проговариваешь. Ты можешь написать прощальное письмо так, что оно станет стихотворением. Поэзией становится неожиданный стык слов. Я думаю, что непишущие люди были поэтами и они могли написать такое письмо, которое стало бы верлибром. В этом смысле и хорош верлибр — тебе не надо придерживаться ритма и рифмы, и, следовательно, в тебе меньше инерции.

— **Важный критерий — инерция. Стихотворение — это преодоленная инерция?**

— Да, в верлибре есть большая возможность преодолеть инерцию. Не нужно писать о себе. Не нужно писать о травме. Большинство людей совершают ошибку: они думают, что, если они напишут о своей травме, это станет стишком. Не станет. Пиши косо, пиши не о себе, даже если срываешься, даже если твоё «я» прорывается и сносит всё. Все постоянно хотят самовыразиться. Но мы, на самом деле, не настолько интересные. Через нашу обезьянью сущность прорывается то, что больше нас. Вот к этому надо очень серьёзно относиться. А к себе надо относиться проще.

— **Новая этика большое внимание уделяет толерантности. Должен ли поэт быть толерантным?**

— Поэт изначально толерантен, потому что настоящее стихотворение — это стихотворение, написанное сверху всего. Пола, гендера, расы.

— **Может ли поэт сопротивляться времени как социально-культурному контексту?**

”
*Господи, это мои
лучшие стихи —
как хорошо, что их
никто не увидит.*
“

— Поэт всегда немножко на своей волне. Поэтому у него нет задачи сопротивляться, он немножко о другом. О шуме, который падает тебе на антенну, которая направлена в космос, чтобы считать информацию. Тебе кажется, что это листья, а выясняется, что это эхо Большого взрыва.

— **Можете ли вы представить, как бы вы писали, если бы жили век назад?**

— Это были бы 1920-е годы. Маяковский, Мандельштам, Ахматова, Багрицкий, Хармс. Я не очень понимаю, что бы я там делал. Мандельштам писал:

*Попробуйте меня от века оторвать, —
Ручаюсь вам — себе свернёте шею!*

Меня нельзя от века оторвать. Я начинаю задыхаться, потому что это невозможно. Мне нечего там делать, я существо этого времени. Я не знаю, какие бы я стал писать стихи. У меня не было бы моих учителей: Сергея Гандлевского и Елены Шварц. Не было бы этого роста. А ведь поэзия передаётся из уст в уста. В старшем поколении ты вдруг находишь людей, которые в какой-то момент становятся для тебя толчком, маяком.

Это поразительно: поэзия же совершенно поступательное движение, поэтому ты не можешь вернуться в другое время. На самом деле должна была быть Елена Шварц, а перед ней обязательно Заболоцкий, Мандельштам и Ахматова. И в этом смысле тебя нельзя оторвать от позвоночника. Нельзя взять тринадцатый позвонок и поставить его на место второго.

— **Тренд XXI века — верлибры. Верлибры — это социально-культурный контекст или позвонок?**

— Позвонок. Это рост. Поэзия росла, росла, росла, прошла через Мандельштама, через советских писателей, ушла от Бродского и вдруг исчерпала себя. Неслучайно появились Всеволод Некрасов, Ян Сатуновский, Иван Ахметьев, Лев Рубинштейн, Вера Павлова, Александр Анашевич. Мы ползём, мы меняемся.

— **Завидовали ли вы когда-нибудь другим поэтам?**

— Да, так было с Кириллом Медведевым, когда он появился. И я напи-

сал об этом в предисловии к его книге. Завидовать надо не принижая человека, а наоборот, очень сильно подбрасывая его в воздух. Таким образом ты сам лечишься от зависти.

Мне нравится Фёдор Сваровский, я понимаю, что я так не могу, потому что я не знаю, из чего это сделано. И, конечно, Линор Горалик. Все чужие любимые стихи вызывают в тебе чувство неполноценности, потому что ты не случайно их любишь. У Фета есть:

*Не жизни жаль
с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идёт, и плачет, уходя.*

Я завидую этой строфе, это я её должен был написать. Я завидую и Мандельштаму, и Шварц, и Гандлевскому. И Всеволоду Некрасову:

*Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть свобода*

— **Этой осенью в «Бомборе» вышла ваша книга «Блокнот с заданиями для писателей и поэтов». В ней вы писали про стихи на стенах. Вы когда-нибудь находили свои стихи на уличных стенах?**

— Да. Я фотографирую надписи, и как-то я увидел какой-то связный текст и ужасно обрадовался. А потом я понял, что это мой текст. Но однажды я нашёл свои стихи на стенах в своём районе, и это мне уже не понравилось.

— **Вы бы хотели, чтобы люди и дальше на стенах писали ваши стихи?**

— Да. Я бы хотел, чтобы меня любили, а мои стихи жили. Они не могут жить только в головах. Мне говорили, что мои строки помогали в трудные периоды. Я очень благодарен людям, которые занимаются своей обычной работой, живя в деревне, пишут мне: спасибо, Дмитрий Борисович. И как тут можно играть в то, что тебе всё равно? Ты не для этого писал.

Если ты написал свои настоящие стихи, они уже никуда не уйдут из твоей истории, даже если ты больше никогда ничего не напишешь. Это как долюбленность. Всё кончается, все расстаются, но когда тебя долюбили, тебе уже ничего не страшно. Дальше ты можешь и один.

*Беседу вела
Ирина Крупина*

УТРАТА

Прощай, равнодушно-сердце!

Скончался Валентин Осипович Осипов — целая эпоха литературы, беспокойная, неравнодушная душа, твёрдый, но и добрый человек с убеждениями великодушия и справедливости во всём и всегда.

Я знал его с той поры, когда он вернулся из Казахстана, где, сам того не ведая, поднимал молодёжь и молодёжную прессу на самый высший уро-

вень. И кем только не побывал Валентин Осипов в своей жизни! Сразу после целины — главный редактор издательства «Молодая гвардия». Молодая литература! Совещания молодых писателей, конечно же, всесоюзные! Полтора десятка молодёжных журналов и газет только молодёжных! Потом журнал «Знамя» — первый зам главного. Наконец директор издательства «Художественная литература».

Валентин был начисто лишён спокойствия. Написав в «ЖЗЛ»

биографию Шолохова, он стал его активным защитником, схватившись в сражении за справедливость с Солженицыным. Вообще, мало в жизни и литературе тем, к которым бы не прикоснулись равнодушные перо и сердце Валентина Осиповича. Многие отмалчивались, усмехаясь какой-то несправедливости, и отворачивались, Осипов — никогда. Потому и жил он в обстановке частенько накалённой. И это был его характер, его нетерпимость к несправедли-

вости. Постоянная энергетика и желание сделать ещё, видать, несделанное расходовали его исподволь.

Я хотя и знал о его болезнях, всегда верил, что Валентин, по духу своему — истинный борец, их преодолеет. Мы бодро поговорили с ним по телефону перед тем, как его увезли в реанимацию...

Прости и прощай, равнодушно-сердце!

Альберт Лиханов

ХРАНИТЕЛИ ВРЕМЕНИ

Больше чем выставка

Вышел альбом-каталог «Афанасий Фет. Материалы из собрания Государственного литературного музея»

Новое издание стало достойным подарком к 200-летию со дня рождения поэта. Об особенностях альбома-каталога беседуем с одним из его составителей, научным сотрудником сектора истории научно-исследовательского отдела ГМИРЛИ имени В.И. Даля Генриеттой Медынцевой.

— На презентации альбома вы сказали, что работа над ним началась фактически в 1995 году... Почему потребовалось так много времени?

— Альбом-каталог «Афанасий Фет» имеет многолетнюю историю. Задумывался он 25 лет назад как каталог выставки Фета к 175-летию со дня рождения и был вчерне подготовлен, однако выпустить его в тогдашних условиях оказалось невозможным. К 195-летию юбилею мы составили сокращённый вариант каталога специально для фетовского сборника Пушкинского Дома, но содержание и объём убедили всех в том, что поэт заслуживает персонального альбома. 200-летие Фета давало прекрасный шанс осуществить давнюю мечту, чему помогла поддержка Пушкинского Дома и Института мировой литературы в лице Н.П. Генераловой и М.Л. Фёдорова, высоко оценивших рукопись в своих сочувственных одобрительных рецензиях. Это позволило нам получить грант от фонда «История Отечества» и издать альбом. В течение всех этих лет, естественно, в текст вносились всё новые дополнения и исправления. В общей сложности, начиная с изучения коллекции и заканчивая выходом в свет, работа над альбомом заняла не менее пяти лет, не считая подготовки двух выставок, обзора коллекции и публикации переписки Фета с сыном Якова Полонского, на что ушло тоже несколько лет.

— Вы отметили, что целью составителей было не только представить коллекцию, но и сделать «альбом для чтения». Как удалось совместить академичность и доступность для рядового читателя?

— Для совмещения доступности и академичности издание разделено на две части: альбомную, тематическую, отражающую главные вехи биографии и творчества, и традиционный каталог, построенный по видам материала. Коллекция Фета сама диктует собственный сценарий. Она состоит в основном из раритетов и отличается взаимосвязанностью меморий (рукописей, книг, изображений), которые образуют целые сюжеты, слагающиеся в связанное повествование. Через серию историй и эпизодов коллекция отразила основные факты

Афанасий Фет в Воробьёвке, 1890 г.

и события жизни Фета и главные темы его творчества. Альбомная часть вводит коллекцию в обширный историко-культурный контекст, сформированный ею самой. Она включает все те материалы, которыми обрастает собрание, благодаря способности притягивать к себе многие другие экспонаты. Поэтому кроме иконографии Фета, рукописей, документов, прижизненных (большинство с автографами) и посмертных изданий поэта здесь помещены портреты адресатов его автографов, лиц из родственного и литературного окружения и «наследников» в поэзии; виды мест пребывания; наиболее значительные дореволюционные работы о нём. Таким образом, жизнь коллекции показана в статике и в движении, во взаимоотношениях с другими материалами музея.

Перед нами стояла прежде всего задача показать товар лицом: как можно эффективнее преподнести раритеты коллекции, как бы создать достойную оправу бесценным экспонатам. Это одновременно обусловило и интерес издания для широкой публики, чему способствует обилие текстов, необходимых и для достойной подачи раритетов, и для раскрытия личности Фета: цитат из стихотворений, переписки, мемуаров, статей и публицистики Фета; воспоминаний, стихов и критики

“
Перед нами
стояла задача как
можно эффективнее
преподнести
раритеты
коллекции.
“

современников и литераторов Серебряного века; аннотаций и необходимых биографических сведений об изображённых и упомянутых лицах.

Небольшой объём коллекции позволил выделить каталог в отдельную часть, поместив в ней только то, что имеет непосредственное отношение к Фету. И эту часть снабдить уже профессиональными подробными фоновыми описаниями, вряд ли интересными для обычного читателя.

— Какие материалы, вошедшие в книгу, наиболее интересны, на ваш взгляд? Есть ли в альбоме редкости, которые никогда не выставлялись?

— Многие материалы выставлялись впервые на первой юбилейной выставке (1995) и впоследствии были воспроизведены в двух томах «Литературного наследия» (2008), посвящён-

ного Фету, но не все были опубликованы.

Назову только несколько из множества раритетов: миниатюрный акварельный портрет матери Фета (он экспонировался, но не публиковался) и живописный портрет жены, М.П. Боткиной; письмо Фета к Тургеневу с отзывом о повести «Ася»; из 20 книг с автографами — первое издание «Элегий» Проперция с дарственной надписью академику Якову Карловичу Гроту с вклеенным в книгу письмом к нему (текст воспроизведён в альбоме); первое издание перевода Овидия со стихотворным посвящением графу А.В. Олсуфьеву, филологу-дилланту, знатоку римской литературы, помогавшему Фету в переводах римских классиков; два крайне любопытных издания: «Горшок» Плавта в переводе Фета (1891) с дарственной надписью Фета А.В. Олсуфьеву и два тома «Моих воспоминаний», принадлежавших М.С. Гольденвейзеру, дяде знаменитого музыканта. Книги буквально испещрены критическими замечаниями их владельцев, причём во втором случае прямо-таки одиозными. Все они впервые расшифрованы и воспроизведены сотрудниками музея А.Ю. Бобосовым и Н.В. Левченко. Подлинное сокровище — уникальная книга в красном кожаном переплёте с золотой гравировкой на обложке «Молодому поэту от старого друга. 1886. Москва» (двухтомник Фета 1863-го), подаренная Анатолию Александрову Константином Леонтьевым. На форзаце книги акrostих, сочинённый Фетом и переписанный Леонтьевым, — посвящение Александрову.

Таким образом, альбом-каталог ориентирован на самую разнообразную публику. Для специалистов он ценен знанием с коллекцией: и изображениями, и каталожными описаниями, и комментариями, и ссылками на авторитетные публикации. Преподава-

Афанасий Фет. Материалы из собрания Государственного литературного музея: Альбом-каталог / Авт.-сост. Г.Л. Медынцева, Т.Ю. Соболев; сопр. статьи Д.П. Бака, Г.Л. Медынцевой, Т.Ю. Соболев.

— М.: ГМИРЛИ имени В.И. Даля, 2020.

— 272 с.: ил. — (Коллекции Государственного литературного музея).

ЦИТАТНИК

«Одновременное присутствие в жизни и поэзии Афанасия Фета «будничной жизни» и «воздуха поэзии» — не противоречие, а исходная точка для размышлений и диалога о его искусстве. Возможность музейной экспозиции, её язык, сочетающий пластическое выражение и символические обертоны смысла, для подобного диалога в высшей степени уместны. Все последние по времени фетовские юбилейные даты Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля отмечал крупными выставками, двухсотлетие поэта, естественно, также не станет исключением. Однако ни одна выставка не способна вместить все реликвии из коллекции флагманского литературного музея России. Именно поэтому к юбилею русского поэта подготовлен альбом, рассказывающий о фетовском собрании ГМИРЛИ имени В.И. Даля».

Дмитрий Бак
«О, если б без слова / Сказаться
душой было можно...»

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Генриетта Львовна Медынцева — автор статей по истории русской литературы XIX в., статей о выставках, обзоров коллекций ГМИРЛИ имени В.И. Даля, публикаций о материалах ГМИРЛИ имени В.И. Даля. Участница и автор концепций постоянных экспозиций и многочисленных выставок по литературе XIX в. Автор-составитель (совместно с Т. Соболев, редактор Е. Худякова) альбомов-каталогов «Всеволод Гаршин», «Иван Тургенев», «Афанасий Фет» из серии «Коллекции Государственного литературного музея».

Беседу вела
Валерия Галкина

ЭПОХА

Вариант бессмертия

Звуковой автограф как свидетельство эпохи

Вышел альбом-каталог «Голоса писателей военной поры. Волна войны». В нём – материалы фондов ГМИРЛИ имени В.И. Даля: фотоснимки, плакаты, факсимиле рукописей стихов... К альбому прилагается диск с архивными аудиозаписями. Об уникальном издании – научный сотрудник музея, звукоархивист Павел Крючков.

– Павел Михайлович, вы назвали этот альбом-каталог «звучащей и зримой книгой». Какие аудио- и фотоматериалы вошли в издание?

– Те самые, которые бережно хранятся в фондах ГМИРЛИ имени В.И. Даля. Каждый из сорока шести участников, точнее, героев этой книги, представлен уникальными звуковыми автографами разных лет и богатым изобразительным рядом. Это – обложки книг, архивные фотоснимки, живописные иллюстрации к отдельным произведениям, плакаты, факсимиле рукописей стихов, инскриптов и писем. Есть даже фотографии личных вещей и некоторых удивительных военных артефактов. Например, бруска дерева с застрявшим осколком снаряда (принадлежал прозаику Григорию Бакланову) или выцветшей телетайпной ленты со стихотворными строчками Семёна Кирсанова из его военной поэмы.

Интересно, что, помимо обычных фотоматериалов, в книге встречаются изображения писателей, сделанные замечательными художниками. Альбом открывает портрет поэтессы Маргариты Алигер, выполненный Леонидом Фейнбергом, а среди изображений поэта Алексея Суркова (автора легендарной «Землянки») есть рисунок работы Георгия Верейского. Кстати, в разделе, посвящённом Александру Твардовскому и его поэме «Василий Тёркин», можно встретить очень известную иллюстрацию, выполненную сыном этого художника – Орестом Верейским. На ней Тёркин мастерит самокрутку.

Александр Твардовский в военной форме

Что же до архивных аудиозаписей разных жанров и стилей (на прилагаемом к альбому диске), то, по-моему, все они драгоценны. Особое волнение вызывают голоса, записанные в годы войны. Например, «Обращение к детям» Аркадия Гайдара. Или авторское чтение поэтов Евгения Долматовского и Константина Симонова, зафиксированное в победные дни 1945 года в Берлине. Меня поразили отрывки из собрания, посвящённого годовщине со дня рождения Пушкина. Аудиозапись была сделана в Ленинграде в 1943 году, в квартире поэта на Мойке.

– Звукоархивист Лев Шилов считал запись человеческого голоса «маленьким вариантом бессмертия». Когда началась работа по поиску и сохранению звукозаписей голосов писателей? Как развивается это направление сегодня?

– Хорошо помню, как Шилов произнёс эти слова во время своего научного доклада об аудионаследии Анны Ахматовой... В альбом включено авторское чтение и её военных стихов, записанное Львом Алексеевичем 9 мая 1965 года, то есть в День Победы.

Как это было? Он договорился о встрече, поехал в Комарово, записал Анну Андреевну на магнитофон и сохранил магнитную плёнку в фондах нашего музея. Со временем он опубликовал это ахматовское чтение на виниловых грампластинках. В своей работе Лев Шилов шёл вслед одному из своих учителей – литературоведу Ираклию Андроникову (гению архивных находок). Вот конкретный пример того самого «поиска и сохранения».

Литературная звукоархивистика существует с конца XIX века. В России одним из первых литераторов на фонограф Томаса Эдисона был записан ещё Лев Толстой с рассказом «Кающийся грешник» в 1895 году. Эта запись была сделана этнографом

Голоса писателей военной поры. Материалы из собрания Государственного литературного музея: Диск и альбом-каталог / Авт.-сост. Д.В. Каверина, В.Л. Евграфова.

– М., 2020.

– 248 с.: ил. – (Коллекции Государственного литературного музея).

“
Большая часть
звукозаписей «военной темы» –
это зафиксированные магнитофонами
литературные вечера, которые
проходили в отделах музея.
”

Юлием Блоком, фоновалик сохранился тоже благодаря конкретным людям. Спустя годы голос Толстого перевели на современный носитель (и отреставрировали) другие подвижники своего дела... Публикация записи на грампластинке – отдельный сюжет. Словом, здесь разговоров – на целую книгу.

Поэтому я отвечу на вопрос применительно к нашему альбому с голосами писателей военной поры. Лев Шилов вёл эту работу уже в 1960–1970-е годы, когда в Государственном литературном музее появился специальный отдел звукозаписи, который он и возглавил.

Большая часть звукозаписей «военной темы» – это зафиксированные магнитофонами литературные вечера, которые проходили в отделах музея и в других публичных местах. Среди аудиодокументов на диске немало авторского чтения с таких вечеров: голоса прозаиков и поэтов Александра Бека и Ольги Берггольц, Михаила Луконина и Юлии Друниной, Давида Самойлова

и других. Свой вклад внесла Всесоюзная студия грамзаписи: кого-то из писателей сотрудники музея записывали дома, а что-то пришлось и из-за границы. Недавно мы получили из Франции часть архива звукорежиссёра Анатолия Шагиняна. Работая в парижском бюро радиостанции «Свобода», он записывал Виктора Некрасова – на диске звучит авторское чтение из книги «В окопах Сталинграда»...

Сегодня мы, как и всегда, продолжаем записывать голоса современных писателей в разных условиях и форматах, включая видео. Я в этом тоже участвую.

– Альбом выпущен в год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Какие события тех лет нашли отражение в стихах и документах, вошедших в издание?

– Охват событий и тем очень разный: от боевых действий на фронтах до партизанского движения и работы в тылу. От страшных дней ленинградской блокады до Парада Победы и осмысления трагедии войны уже в мирное время. Не могу забыть своего впечатления от дневниковых заметок поэта Семёна Гудзенко и уникальной записи чтения им своего стихотворения «Перед атакой» – в предельно жёстком, доцензурном варианте.

Звуковые автографы литераторов продолжают и дополняют напечатанные на страницах альбома документы. Так, строгий стиль текста наградного листа к ордену Красной Звезды драматургу Вишневскому своеобразно «рифмуется» с аудиозаписью его обращения к морякам-кронштадтцам.

– Кто принимал участие в подготовке издания «Волна войны. Голоса писателей военной поры»?

– Более двадцати сотрудников ГМИРЛИ имени В.И. Даля. Опытные, знающие, любящие своё дело люди. Составили книгу главный хранитель музея Дарья Каверина и заведующая отделом аудиовизуальных фондов Виктория Евграфова. Биографические тексты готовила писатель Наталья Громова.

– Что в альбоме впечатлило вас лично?

– Признаюсь вам, что когда я – впервые! – услышал чтение Михаилом Васильевичем Исаковским его гениального стихотворения «Враги сожгли родную хату», то не сумел сдержать слёз. А ещё мне счастливо было узнать, что оно написано в Перedelкине, где я давно живу.

Беседу вела
Юлия Скрылёва

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Павел Михайлович Крючков – звукоархивист, ведущий научный сотрудник ГМИРЛИ имени В.И. Даля (отдел: «Дом-музей Корнея Чуковского»). Родился в 1966 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ, работал в редакциях многих печатных изданий, на радио и телевидении. Давний сотрудник журнала «Фома» и христианской радиостанции «Вера». Заместитель главного редактора журнала «Новый мир». Лауреат нескольких литературных и художественных премий.

ВОЕННЫЙ АРХИВ

«Тот, кем я был, но кем уже не стану...»

К 95-летию со дня рождения Константина Ваншенкина

*Знаем, что они пережили,
знаем, что они заслужили
и какие песни сложили, —
вместе с ними пели не раз...
В майский день за Победу пили,
а бывало, и слёзы лили,
вспоминая, как протрубили
им архангелы — грозный час!..*

Когда не стало поэта-фронтовика Константина Ваншенкина, критик Андрей Турков написал о нём в прощальном слове: «Ваншенкин сам был из тех, о ком в его стихах суровым деловым слогом сказано: «Он мальчиком убыл. Он юношей прибыл с войны».

Из десятого класса, в 17 лет, Ваншенкин был призван в армию. Участвовал в боях на 2-м и 3-м Украинских фронтах в 38-м гвардейском воздушно-десантном корпусе. Рассказывая о многолетней дружбе с поэтом Евгением Винокуровым, К. Ваншенкин подчёркивает эту общность поколения, вступившего в войну совсем мальчишками: «Прежде всего мы были ровесники. В обычной жизни год-другой разницы ничего не значит. В войну — не то. Одновременность и одинаковость призыва создавали немало особенностей, по-настоящему понятных лишь нам. Недаром

первый вопрос, которым обменивались солдаты, знакомясь в госпиталях, на пересыльных пунктах и формировках, был: «Ты с какого года?..» Ответил — и почти всё ясно».

Помню, с каким волнением показывал мне Евгений Винокуров случайно обнаруженные потёртые треугольники его писем отцу с фронта, документы, хранящие живое время и память о буднях войны, из которых складывалась большая История. Став известными поэтами, с годами всё дальше отходя от пережитых в юности испытаний, о чём бы они ни писали на мирные темы в стихах и песнях, эмоционально, психологически, они навсегда оставались фронтовиками, для которых участие в войне являлось нравственным, философским, гражданским мерилом отношения к жизни, любви, чести, порядочности. Оттого и понятна была горечь Константина Ваншенкина, написавшего однажды: «Когда умер Юрий Никулин (август 1997-го), я слышал по р/с «Эхо Москвы» подробный рассказ о его болезни, а также о начале пути, неудачной попытке поступить во ВГИК, об учёбе в цирковом училище, и дальше — о работе

в цирке и в кино. Странно, что ни слова не было о его участии в войне, о солдатской судьбе. Теперь, видимо, это уже неважно. Слишком далеко».

Не случайно в воспоминаниях К. Ваншенкина словно о временах Царскосельского лицея читаешь самые нежные строки о золотой поре Литературного института, давшего из тех, послевоенных выпусков едва ли не половину классиков отечественной литературы второй половины XX века. Константин Ваншенкин один из них. Из тех, чьи стихи с годами словно приоткрывают тайну, казалось бы, внешней простоты, их созерцательность, точный глазомер к деталям, краскам, моментальным снимкам жизненных сюжетов... Его поздние миниатюры подобны зарисовкам с этюдника, а тебе предлагается возможность самому дописать, домыслить то, что осталось за кадром, за сценой события, бытия...

День Победы К. Ваншенкин встретил в Чехословакии. Он говорил, что всем известна встреча на Эльбе наших с американцами. Но была ещё встреча на Влтаве: «Потом пешком прошли 800 километров — Венгрию, с боями». Интересно, что

о той войне, с её встречами на Эльбе, на Влтаве, с теми счастливыми чувствами после Победы, И. Эренбург в статье о поэтах-фронтовиках писал: «Вспомните Первую мировую войну. В 1914–1917 годах в Европе не было ни одного человека, который не клялся бы, что эта война была последней. Об этом говорил Барбюс, говорил Клемансо. Теперь нет ни одного сумасшедшего в Европе, который бы сказал, что эта война была последней». И уже в те времена, словно провидя будущую враждебность недавнего союзника, вспоминал слова Андрея Белого: «Америки Уитмена нет, побеги травы высохли. Есть Америка, ополчившаяся на человека...»

Незадолго до своего ухода К. Ваншенкин, всегда чувствовавший себя частью поколения, фронтового братства и того, что называется «нет уз святее товарищества», всё острее ощущал непреодолимое одиночество. Его строки об этом звучат как тяжёлые удары марша Шопена:

*Порой проснёшься ночью —
хоть завой! —
Как будто ты в полях
смертельно ранен.*

*Подумаешь: а кто ещё живой?
Неужто только
Бондарев да Гранин?*

Но вот уже и Гранина нет, и Бондарева. Время стремительно полетело и после самого Константина Ваншенкина. Боевое поле поколения опустело, как на картине Васнецова «После побоища...», только хищные птицы недругов России кружатся над памятью ушедших.

И всё же я благодарен Константину Яковлевичу, дорогому для меня поэту и человеку, что он был в моей жизни, в жизни послевоенного поколения. Именно его стихами я завершаю цикл публикаций в рубрике «Военный архив», созданный по страницам составленной мною военной антологии «Когда играют марш «Прощание славянки»...», выходящей в издательстве «Вече».

Также благодарен я «Литературной газете» за горячую поддержку этого проекта памяти наших учителей и отцов, участников Великой Отечественной войны. И особая признательность верным читателям, которые поддерживали меня в этом литературном марафоне.

Геннадий Красников

Константин Ваншенкин (1925–2012)

Участник Великой Отечественной войны.

Парад

Мелодия била по нервам,
Мороз до предела пробрал,
Когда над Москвой в сорок первом
Военный оркестр играл,
Где медные трубы и губы
Уже составляли одно,
И были рельефны и грубы
Следы их дыхания давно.
Сам автор «Прощанья славянки»,
Руками с трудом шевеля,
Продрогший, стоял, как на танке,
Летащем в пустые поля.
Подошвы примёрзли к настилу
В крутящейся снежной пыли.
Потом оторвали насилу,
Когда батальоны прошли.

Под взглядом многих скорбных глаз,
Усталый, ветром опалённый,
Я шёл как будто напоказ
По деревушке отдалённой.

Я на плечах своих волок
Противогаз, винтовку, скатку.
При каждом шаге котелок
Надсадно бился о лопатку.

Я шёл у мира на виду —
Мир ждал в молчанье напряжённом:
Куда сверну? К кому зайду?
Что сообщу солдатским жёнам?

Пусть на рассвете я продрог,
Ночуя где-нибудь в кювете,
Что из того! Я был пророк,
Который может всё на свете.

Я знал доподлинно почти,
Кто цел ещё, а с кем иное.

И незнакомые в пути
Уже здоровались со мною.

А возле крайнего плетня,
Где полевых дорог начало,
Там тоже, глядя на меня,
В тревоге женщина стояла.

К ней обратился на ходу
По-деловому, торопливо:
— Так на Егоркино пройду?
— Пройдёте, — вздрогнула. — Счастливо.

Поспешно поблагодарил,
Пустился — сроки торопили...
— Ну что? Ну что он говорил? —
Её сейчас же обступили.
1956

Баллада о последнем

Контролировал квартал
На подходе к дому.

Со стрельбой перебегал
От окна к другому.

Хруст извёстки. Звон стекла.
Тяжесть ног чужая.
Плохо то, что кровь текла,
Целиться мешая.

Он мечтал укрыться в тень,
Лечь в зелёной пойме...
Два патрона между тем —
Всё, что есть в обойме.

Под смородиновый куст...
Не будите скоро...
Только был патронник пуст,
Жалок стук затвора.

С ног внезапной пулей сбит,
Сжался под стеною,
И казалось, будто спит,
К ней припав спиною.

И настала тишина,
Но такого рода,
Что была поражена
Вражеская рота.

В оседающем дыму,
В городском квартале,
— Выходи по одному! —
Мёртвому кричали.
1960

Весной сорок пятого

Мелькали дома и опушки,
Дымился туман над водой.
И мылся в гремющей теплушке
Чуть свет лейтенант молодой.

Он ждать не хотел остановки,
Входя в ослепительный день.
А сзади его для страховки
Держали за брючный ремень.

Стоял он в летающем вагоне,
Судьбу принимая свою,

И лили ему на ладони
Воды неудобной струю.

В разбитом очнувшемся мире,
Мечтавшем забыть про беду,
Уже километра четыре
Он мылся на полном ходу.

Смеющийся, голый по пояс,
Над самым проёмом дверей.
И яростно нёс его поезд
В пространство —
скорей и скорей!

Пред странами всеми, что плыли
В предчувствии мирной страды,
Военного пота и пыли
Усердно смывал он следы —

Весной сорок пятого года,
Своею удачей храним...
Солдаты стрелкового взвода,
Как в раме, стояли за ним.
1969

Повестка

Посередине стол стоит,
А на столе — повестка.
А парню завтра предстоит
Далёкая поездка.

А будет в ней большой салют,
Тяжёлое раненье.
Потом в семью медаль пришлют
На вечное хранение.

Ах, велика ему шинель
И велика ушанка.
В пустых полях свистит шрапнель,
И страшен вид у танка.

Лежит дорога, вся в дыму —
От райвоенкомата...
Так получилось, что ему
И жизнь великовата.
1979

Проект реализован на средства гранта Санкт-Петербурга

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Любимый город отстояли

При поддержке Комитета по печати и взаимодействию со СМИ Правительства Санкт-Петербурга вышла книга художественно-документальной прозы писателя Виктора Кокосова «Долг памяти», посвящённая героям битвы за Ленинград.

Достаточно углубиться в чтение — и перед тобой разворачивается галерея литературно-исторических портретов участников битвы за Ленинград, мужественных, готовых к самопожертвованию. Эта черта

свойственна всем героям произведений Виктора Кокосова. Пиротехники сознательно идут на смерть, спасая от взрыва фашистской бомбы здание Главпочтамта. Истекающий кровью лётчик Юрченко с большим усилием давит на гашетку пулемёта и сбивает немецкий самолёт в ленинградском небе. Раненый сержант Маннанов под Тихвином остаётся один против фашистов и весь день ведёт прицельный огонь из орудия...

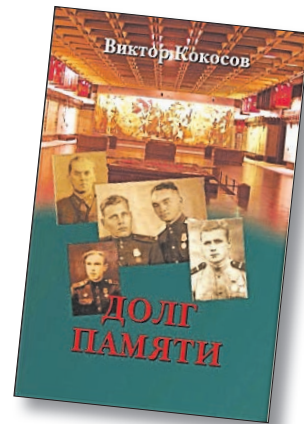
Виктору Кокосову удалось отыскать кавалеров ордена Святого Георгия, вставших в строй

защитников Невской твердыни и удостоенных за выдающиеся подвиги ордена Ленина. Среди находок писателя — интересный материал о потомках Пушкина — участниках Ленинградской битвы. Героев очерков объединяет одно — желание служить своему народу. Погибают, поднимая роты в атаку, совсем молодые воины — Алия Молдагулова и Василий Сухов. Закрывает телом амбразуру дота Туйчи Эрджигитов.

Большинство героев книги Виктора Кокосова — молодые люди, вчерашние школьники. Они всеми правдами и неправ-

дами добиваются отправки на фронт, как будущий полный кавалер ордена Славы Алексей Пермяков, или же просто бегают в действующую армию, как будущий маршал артиллерии, 14-летний Владимир Михалкин. Подросший за годы блокады ленинградский паренёк Игорь Доливо-Добровольский становится курсантом военно-морского училища и участвует в войне с Японией в составе бригады морской пехоты.

Отдельные очерки посвящены петербуржцам — эмигрантам и военнопленным, бежав-

шим из гитлеровских лагерей, вступившим в ряды Сопротивления, ленинградским красноармейцам, дошедшим до Рейхстага и расписавшимся на нём.

Владимир Васильев

Самый красивый офицер

О книге Валерия Ширского «Вальс с королевой»

В предисловии сказано: «Посвящается памяти контр-адмирала Олимпия Ивановича Рудакова, покорившего королеву Англии и принцессу Маргарет».

Думаю, мало кому известны эти страницы из биографии О. Рудакова — вальс с королевой. И уже поэтому они будут интересны для тех, кто станет читать эту книгу. Да и об участии прославленного моряка в конвоировании военных поставок в СССР (по лед-лизу из Великобритании и США), кажется, тоже знает сравнительно небольшой круг читателей — преимущественно ветеранов флота. Не раз находился Рудаков в числе других офицеров советских кораблей охранения на грани смерти, но судьба была к нему благосклонной.

В 1953 году советские моряки получили от английского королевского дома приглашение принять участие в параде по случаю коронации Елизаветы II. Новейшим крейсером «Свердлов» командовал капитан первого ранга О. Рудаков. Это, как свидетельствуют современники, был самый видный и красивый офицер Балтийского флота. О том, как готовился морской парад в Портсмуте, о находчивости и смелости, про-

явленных командиром и офицерами крейсера в эти дни, о коронации Елизаветы и о том, как проходил бал, автор подробно рассказывает в своей книге.

«...Командир стремительно прошёл через живой коридор гостей, предстал перед молодой королевой и, опустившись на одно колено, положил к ногам Елизаветы подарок своей страны — царскую горностаевую мантию! Но королева даже не взглянула на подарок — она не сводила глаз с русского моряка... Все чопорные сэры,

свита, моряки были весьма смущены. После вручения подарка к Олимпию Рудакову подошёл распорядитель бала и передал, что королева приглашает его на первый вальс. Это был самый первый танец уже коронованной Елизаветы...»

А следующий танец Рудакова был с привлекательной младшей сестрой королевы Маргарет. «Королева, — пишет автор, — продолжала чудить, нарушать этикет и дальше, пригласив в свой кабинет на аудиенцию советского командира, а не представителей нашего посольства». У Черчилль был взбешён и покинул бал. А на следующий день О. Рудакову принесли цветы от принцессы Маргарет. Вот так: покорил он и королеву, и принцессу!

Хочу отметить ещё одно достоинство книги В. Ширского — дополнение повествования ссылками на некоторые, весьма важные факты из истории отношений нашей страны с Англией. Например, во второй половине шестнадцатого века, когда Иван Грозный и Англия

решали вопросы налаживания торговых отношений между двумя странами, русский царь сватался к королеве Елизавете I. Автор не проходит также мимо тех острых проблем, которые в разные времена возникали в отношениях между Англией и Россией, Советским Союзом.

Несколько страниц книги посвящены биографии О. Рудакова. Здесь сведения о его учёбе в Ленинградском Военно-морском училище им. Фрунзе, службе в ВМС (ВМФ) страны, о его сыновьях Юрии и Борисе. Любопытно, что именно О. Рудаков стал моделью матроса-сигнальщика с линкора «Марат» для скульптуры, которая установлена в московском метро на станции «Площадь Революции». В связи с этим автор шуточно советует читателям: «Хотите танцевать с королевой и соблазнить принцессу? Тогда вам надо прикоснуться к сигнальным флажкам красnofлотца с линкора «Марат!»

Вячеслав Булгаков

КОНКУРС

Летописцы ленинградского полка

В Доме писателя наградили победителей конкурса «Неизвестный Петербург».

В этом году конкурс был посвящён 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и проходил под девизом «Никто не забыт и ничто не забыто».

90 лучших из почти 600 заявленных работ вошли в сборник «Бессмертный полк Ленинграда». Издание увидело свет благодаря поддержке Комитета

по печати и взаимодействию со СМИ.

Из множества работ компетентное жюри выбрало три.

В очерке «Встреча в посёлке Кикерино» Евгений Веселов рассказал историю любви своих родителей — старшего лейтенанта Александра Колодежа и девушки Антонины Веселовой из посёлка Кикерино, который зимой 1944 года освободили от врага бойцы Александра Колодежа. Их дальней-

шая судьба сложилась трагически. В 1946 году отец был убит бандитами, мать скончалась от туберкулёза на исправительных работах, а полуторагодовалый сын остался сиротой. Став взрослым, Евгений Веселов разыскал в Киеве свою бабушку, которая передала ему на памятное хранение награды отца — участника прорыва блокады Ленинграда.

Жюри также отметило работу Анны Герасимовой. На кон-

курс она прислала балладу «Павший расчёт» о героической гибели советских бойцов под деревней Астрачи на Волховском фронте.

Автор третьей работы — ученица 7-го класса школы №380 Красносельского района Санкт-Петербурга Ангелина Барановская, которая рассказала о прабабушке и прадедушке. В годы немецкой оккупации они, рискуя жизнью, укрывали в своих домах в белорус-

ском местечке Друе еврейскую семью. В 1998 году — удостоились почётного звания «Праведники народов мира». Их имена высечены на Стене почёта в Саду Праведников народов мира на территории мемориала Холокоста в Иерусалиме.

Ещё десять работ были отмечены поощрительными призами.

Соб. инф.

ГЛУБОКОЕ ПОГРУЖЕНИЕ

Зеркало пилигрима

В фокусе внимания — «Метроном» Екатерины Полянской

При подведении итогов литературного конкурса фонда «Созидающий мир» петербургского мецената Вячеслава Заренкова премией в области поэзии награждена писатель Екатерина Полянская. Своими впечатлениями от сборника её стихов под названием «Метроном» поделился коллега по петербургскому цеху поэтов Александр Танков.

Когда после первых крестовых походов крестоносцы возвратились домой, помимо удивительных рассказов о своих похождениях, помимо восточных обычаев и невиданных драгоценностей они привезли артефакты такого рода, которые в те времена ценились особенно высоко.

Европа наполнилась священными реликвиями. Обломки Животворящего Креста, гвозди, которыми был пригвождён к нему Спаситель, кости святых и мучеников заполнили Францию и Германию, Бургундию и Италию. По некоторым свидетельствам, в Европе появилось не меньше ста вполне подлинных отсечённых голов Иоанна Крестителя, а из обломков Креста, хранящихся в церквях и монастырях, можно было бы построить новый Ноев ковчег.

Как бы то ни было, многие христиане, которым не под силу было совершить паломничество в Святую землю, отправились в церкви и монастыри, которые обзавелись своими реликвиями. В таких местах собирались несметные толпы пилигримов. И не все могли пробиться к святыням, чтобы лицезреть их. Кроме того, пилигримы хотели унести с собой часть благодати, излучаемой

реликвией, принести отсвет этой благодати своим близким, не собравшимся в паломничество.

И тогда появилось гениальное изобретение: зеркало пилигрима. Небольшое круглое выпуклое зеркало, которое можно было поднять над головами других паломников и увидеть в нём хотя бы отражение реликвии. Кроме того, считалось, что такое зеркало впитывает в себя святость предмета и хранит её на протяжении месяца или двух.

Такое зеркало все мы лицезрели на знаменитом портрете четы Арнольфини работы Ван Эйка. В этом зеркале помимо прочего мы видим отражение неких зрителей, в которых при известной доле воображения можно узнать самих себя.

Это зеркало, зеркало пилигрима, — то, чем, по сути, является искусство. Оно отражает окружающую жизнь во всём её разнообразии, отражает нас самих. Оно выпуклое — и поэтому отражает куда больше и куда отчётливее, чем должно по своим скромным размерам.

Поэзия Екатерины Полянской — такое зеркало пилигрима. С виду скромное, в котором мы видим нашу жизнь во всей её трагической нищете и сложности. Зеркало, в котором мы видим самих себя, с нашими страстями, сомнениями и печалью.

Её стихи сдержанны, они не гонятся за внешними эффектами, пользуются скромными средствами, кажутся простыми. Но за этой кажущейся простотой — глубина и точность. Как средневековое зеркало пилигрима, они отражают самое главное — и сохраняют это главное, позволяют возвращаться к нему снова и снова. Полянская не стесняется прямого высказывания, не стесняется того, что Александр Кушнер назвал прямой речью. Да, она прямо обращается к нам, к нашим мыслям, к нашим чувствам.

Иногда кажется, что у неё нет кожи. Она сама говорит о себе: «воин в поле одинокий». И этот воин, понимая, что его битва безнадежна, не отступает. Для этого воина принять вызов и выстоять в битве — дело чести, смысл существования: «...рвущийся снаружи смертный холод остановить возможно лишь собой».

Единственное оружие в этой битве — точность взгляда, выделяющего главное в окружающей нас жизни, просветлённая оптика слова. Стихи Екатерины

Полянской делают всё, что отражено их выпуклым зеркалом пилигрима, ярче и отчётливее, выделяют самое главное: то, на чём держится жизнь. Простые вещи и явления приобретают в этих стихах экзистенциальный смысл. В них присутствует нездешний ужас борщевика и беспамятность лопухов, невесомый звёздный сор, «бес-снежный холод, как заточка, острый», и автобус, которого ждёшь как милости случайной.

Для Полянской нет незначительных тем, мелких занятий. В стихах она варит суп, стирает, жарит котлеты — но это не мешает ей видеть мир во всей его сложности и богатстве.

Не случайно книга Полянской называется «Метроном».

Стук блокадного метронома не раз звучит в этих строках, он проходит сквозь них, как течение времени, как связь времён, вне которой нет нас. Он звучит в этих стихах, подтверждая родство с теми, кто был до нас, и с теми, кто будет после. Как горячая кровь, текущая по исколотым пальцам в одном из стихотворений.

В одном из стихотворений Полянская просит: «...утешь меня, пожалуйста, утешь».

Но сами её стихи — надежда и утешение.

Александр Танков

«Метроном». Несколько стихотворений из сборника

Так ведь меня могут спутать с теми, кто пишет о розах и бабочках...
Высказывание в Сети

Да, я буду писать о бабочках и цветах,
Всем смертям и войнам назло — обязательно буду,
Потому что мне не пройти через боль и страх,
Если не пронесу их в себе повсюду.
Да, я буду писать о них, потому что они — хрупки,
Потому что их мужество много больше, чем наше...
Лёгкие крылышки, тонкие лепестки —
Целый мир, что мудрее людей и старше.
Буду писать, потому что без нас без всех
Жизнь обойдётся, а вот без них — едва ли.
Просту треснут, расколются, как орех,
Планы, амбиции, прочие «трали-вали».
Потому что когда не станет «своих» и «чужих»
И сквозь горький стыд и недоумение
Мы возвратимся, то снова увидим их.
И разглядим вечность внутри мгновенья.

Гдов

Жизнь в городке замирает около трёх:
Заперты церковь, столовая, магазин,
Пусто на станции — ни поездов, ни дрезин,
Сухо в стручках пощёлкивает горох
У переезда, заброшенного так давно,
Что даже шпалы замшели, как будто пни.
В крепости козы уже не пасутся,
Но просто лежат в дремотно-густой тени.
Только в низине поблёскивает река
И осыпается медленный пыльный зной
Между нездешним ужасом борщевика
И лопухов беспамятностью земной.

Только кузнечик, звоном наполнив слух,
К детству уводит от горечи и тревог
Да над садами яблочный чистый дух
Напоминает, что где-то ещё есть Бог.

Семь раз отрежь, один — отмерь
И нищету прими.
Чем оправдаешься теперь
Пред Богом и людьми?
За пустоту, за суету,
Словесный сор и прах,
Мучительную немоту
И неизбытый страх —
Глухой и тёмный, как сорняк,
За долгий сон души.
...Лишь на столе слепой сквозняк
Бумагами шуршит.
Лишь в глубине двора — шаги,
И призрачная дверь
То грохнет выстрелом: «Беги!»,
То тихо скрипнет: «Верь!».

Едва очнёшься, а уже — зима:
Бесснежный холод, как заточка, острый
Покалывает вмерзший в реку остров,
И ангелов, и тёмные дома.
Морозный ветер обрывает сны,
Грохочет жестью, лязгает засовом.
Имперские орлы, химеры, совы
Так беззащитны и обнажены.
И ты на остановке поутру

Торчишь мишенью чёткой и печальной,
Автобуса, как милости случайной,
Ждёшь не дождёшься, куришь на ветру.
И жизнь, того гляди, перетечёт
В увядших листьев шорох невесомый,
В поспешные шаги и метронома
Размеренно-неумолимый счёт.

В горьких снах приходят ко мне
Те убитые на войне,
Кто и вовсе не воевал,
Чья могила — пустырь, подвал,
Где настиг их шальной снаряд...
Вот стоят они и молчат.
Оглушает безмолвный хор...
Мне не выдержать их укор.
И — мурашками по спине:
— Почему вы — ко мне? Ко мне?
Ваша смерть — не моя вина.
Это просто — война, война.
Это просто — беда, беда...
Так зачем вы пришли сюда?
Вы ошиблись... — и мне в ответ
Шелестит, словно выдох: «...нет».
— Что хотите вы от меня?
Где найду я для вас огня,
Если жизнь моя — в суете,
И слова мои все — не те,
Если я — в потёмках сама,
Если проще — сойти с ума?
Отступитесь, как сон, как бред! —
И в ответ, словно эхо: «...нет!»

«Преодоление» против пандемии

Названы лауреаты дистанционного литературного конкурса

Дорогие друзья!

Заканчивается сумасшедший 2020 год, принёсший множество неожиданных событий и сюрпризов, переживая и осмысливая которые писатели и поэты создали новые произведения, выпустили в свет оригинальные книги, отметились в СМИ выстраданными публикациями.

Пандемия кардинально изменила правила общения, максимально ограничила условия, форму и порядок проведения мероприятий, в том числе и новогодних. Но, к счастью, союз творческих личностей МГО СПР предстал перед возникшими испытаниями боевым и стойким коллективом. Содержательным и успешным оказался Большой дистанционный литературный конкурс «Преодоление», включающий в себя номинации в честь знаменательных юбилеев 2020 года:

- **«Родина-мать зовёт» — 75-летие Великой Победы;**
- **«Покой нам только снится» — 140-летие А.А. Блока;**
- **«Гранатовый браслет» — 150-летие А.И. Куприна;**
- **«Вечерние огни» — 200-летие А.А. Фета.**

БДЛК «Преодоление-2020» завершился 15 декабря. В нём приняли участие более восьмисот писателей и поэтов, продемонстрировав не только единство и сплочённость рядов, но и высокий творческий уровень представленных произведений. Добрая половина участников конкурса награждена лауреатскими дипломами с вручением медалей указанных выше номинаций. Из числа лауреатов жюри выбрало победителей в каждой из номинаций и обладателя главного приза конкурса «Преодоление-2020».

В номинации «Родина-мать зовёт» жюри единодушно воздала должное творчеству и боевым заслугам 98-летнего полковника в отставке Анатолия Исааковича Цветкова, участника ВОВ, кавалера 5 орденов, автора свыше 350 публицистических и научных работ. С прискорбием сообщаем о кончине Анатолия Цветкова 28 ноября 2020 года. С гордостью заметим: награда лауреата конкурса — диплом и медаль «Родина-мать зовёт» были прижизненно вручены лично Анатолию Исааковичу.

Жюри особо отметило в номинации «Покой нам только снится» оригинальных поэтов, творчество которых позволяет назвать их крупными мастерами поэтического цеха, остро чувствующими время и события, происходящие в мятущемся мире. Имена конкурсантов, поделивших первенство в данной номинации: Никита Брагин и Светлана Острикова (Светлана Ос), отмеченная наградным знаком — медалью «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы». Стихи названных поэтов будут опубликованы в «Литературной газете».

В номинации «Гранатовый браслет» жюри выделило, ссылаясь на многолетний и плодотворный писательский путь, а также на умение проявить мастерство и талант в небольшом по объёму произведении, следующих конкурсантов: Владимир Добрин («Путь во мраке»),

Владимир Бояринов (справа) вручает награду Владимиру Добрину

Юрий Егоров (рассказ «Сто тысяч добрых дел»), «Прерванный полёт» — рассказы), Валерий Лаврусь (рассказ «Батя»), Анатолий Щелкунов (эссе «Ожившие голоса»), Максим Шикалёв (рассказ «Море»). По решению жюри Владимир Добрин объявлен победителем БДЛК «Преодоление» в номинации «Гранатовый браслет».

После горячего обсуждения по выявлению обладателя главной награды жюри приняло решение о вручении приза «МГО Союз писателей России» из кварцевого стекла с выгравированной именной надписью: «Победителю Большого дистанционного литературного конкурса «Преодоление-2020» Брагину Никите Юрьевичу».

Правление МГО СПР выражает благодарность прозаикам, поэтам, публицистам за активное участие в БДЛК «Преодоление». Подведение итогов конкурса ещё раз подтвердило многогранную талантливость столичных и подмосковных писателей, их недооценённые суровым временем произведения, не имеющие возможности пробиться к массовому читателю. Конкурс существенно повлиял на возрождение интереса писателей к творче-

ству своих коллег по цеху, к проблемам российской литературы и творческих организаций, стремящихся к взаимопониманию, объединению усилий в достижении целей.

Для писателей и поэтов кабинетная работа — привычное дело, поэтому актив организации с готовностью принял принцип деятельности на удалёнке в смысле рассмотрения рукописей, их квалификации по номинациям, составлении итоговых сборников. Рукописи, присланные на конкурс, были рассмотрены оперативно, и при первой возможности мнение жюри было донесено до участников «Преодоления». Конкурс изначально не представлял и не представляет собой спортивное состязание, имеющее пусть не единственную, но значимую цель — расставить избранных по пьедесталам. Оргкомитет и в дальнейшем будет уважать профессиональное достоинство каждого члена Союза писателей России. И если на конкурсе около ста человек (из 2,5 тысячи!) стали дипломантами и лауреатами, то организация всего лишь воздала должное своим талантливым коллегам. А выявление лучшего из лучших

Победителем конкурса «Преодоление-2020» признан Никита Брагин (слева)

КОНКУРСАНТАМ НА ЗАМЕТКУ

Для участия в конкурсе «Преодоление-2021» присылайте на электронную почту **spp2016@yandex.ru** свои рукописи объёмом:

- а) проза — не более 10 страниц машинописного текста 12-м кеглем;
- б) поэзия — не более 200 строк текста с указанием: «Конкурс «Преодоление»».

При этом просим выслать краткую библиографическую справку объёмом не более 1/2 страницы печатного текста 12-м кеглем. Писателям, не имеющим электронной почты, напоминаем адрес организации: 121069, ул. Большая Никитская, д. 50а/5, МГО Союза писателей России, каб. 28.

в литературной среде — это изящный жест во времена, когда Государственная премия по литературе вручается всего лишь одному писателю один раз в год, да и то не всегда.

В числе структур, которые оказывают существенную поддержку конкурсу, взаимодействуя с МГО СПР, следует назвать: Департамент культуры города Москвы; ГБУК г. Москвы «Центральная Городская Деловая Библиотека»; Общественное объединение «Столичный цех деятелей культуры»; Союз писателей-переводчиков.

Пандемия не спешит уходить. И Большой дистанционный литературный конкурс будет продолжен под названием «Преодоление-2021». Оргкомитет сохранит существующие номинации и награды, указанные выше. Но вводятся и новые номинации в честь великих русских поэтов и писателей:

- **«Жизнь задыхается без цели» — 200-летие Ф.М. Достоевского;**
- **«Кому на Руси жить хорошо» — 200-летие Н.А. Некрасова;**
- **Литературная премия «Квартет» имени И.А. Крылова.**

Во всех номинациях предусмотрены лауреатские дипломы с вручением медалей имени русских писателей.

Внеконкурсной и постоянно действующей наградой РОО МГО СПР является диплом «За верное служение русской литературе» с вручением одноимённой медали имени И.А. Бунина (1870–1953).

Писатели, достигшие видных творческих успехов и имеющие общественную значимость, будут отмечены эксклюзивной наградой «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы». При этом Наградная комиссия ещё раз напоминает о необходимости Вашей библиографической справки.

Оргкомитет поздравляет участников конкурса с наступающим Новым годом и напоминает: 11.01.2021 стартует БДЛК «Преодоление-2021»! Приглашаем к участию в данной литературной акции.

**Оргкомитет
БДЛК «Преодоление»**

ПОЭЗИЯ

Слово на ладони

Никита Брагин

Брагин Никита Юрьевич — поэт, эссеист, переводчик, автор одиннадцати сборников стихов, член Союза писателей России. Сторонник преемственности традиций и достижений русской культуры, начиная с её истоков, но включая и всё лучшее, создан-

ное в XX веке. Главные темы стихов Никиты Брагина — Россия на скрещении путей, прошлое и будущее русской культуры, поэзия как единственный ответ векам и хаосу небытия.

Желание

Надышаться полынного духа,
захлебнуться полночной тоской,
зачерстевшего хлеба краюху
разломить загрубевшей рукой,
и воды, ключевой, заповедной,
задыхаясь, глотнуть из ведра,
и улечься под звёздною бездной
рядом с россыпью жаркой костра...

Запах дома в берёзовом дыме
засыпая, почувствовать вдруг,
и во сне повстречаться с родными,
и тот сон не забыть поутру.

Одиночество

Когда коснётся одиночество
изломом высохших ветвей
и отзовётся только отчество
из горькой памяти твоей,
тогда ты всё увидишь заново,
как в детском радужном стекле —
предутреннее, первозданное,
единственное на земле.

Увидишь, словно не утрачены
в десятках прошуршавших лет,
в быту и беготне горячечной,
в дыму дешёвых сигарет —
ни муравы прохлады дивная,
ни тёмных елей тишина,
ни восхищение наивное
смешной девчонкой у окна.

Волна

Так пригласительно послушна
и притягательна волна,
что принимается за сущность
самой стихии. Вот она
скользит, как ласковая кошка,
от щиколоток до колен,
и манит золотой дорожкой,
и ничего не ждёт взамен.

Прильнёт она и приголубит
и вновь откатится, шурша...
Как хорошо, что в тёмной глуби
спеленута её душа.

Конь Блед

Вдруг, безмерно, беззаконно,
безотчётно и сурово
разнесётся топот конный
и разбудит... Полвторого,
за окном темно и снежно,
под ребром лохмотья боли,
и летит душа кромешно,
словно ветер в чисто поле...
Но куда ты, конь мой бледный,
ночью судной, тенью смутной
перескакиваешь бездны
безответно, безрассудно?

Или видишь гневным оком
полыхание пожара,
или слышишь счёт порокам
на пиру у Валтасара?
Или чувствуешь родную,
отлетающую в небо,
где Сидящий одесную
ей подаст вина и хлеба?

Нет, ни то и ни другое —
это слово на ладони,
это солнце за рекою,
где в росе играют кони,
это — стелется травкою,
недосказанное пряча,
это — рвётся ретивое,
то ли плясом, то ли плачем...

На краю

Я не скажу тебе о гибели,
уже стоящей у дверей,
я умолчу, что страхом выбелен
простор до северных морей,
и ввек не захочу опомниться
и зашататься, став на край
обрыва, где слепая конница
влетает в разорённый рай...

И если значит апокалипсис
не Откровение, но смерть,
я не хочу смотреть,
как скалится
над нами костяная жердь!
Мы живы, и у счастья нашего
нет ни затворов, ни ворот,
но ни минуты дня вчерашнего
никто у нас не отберёт.

Московское Рождество

Однажды, не в силах развеять беду,
на старую улицу я побреду,
рыдая родными стихами,
и будет хрустеть под ногами хрусталь
случайной сосульки,
и всхлипнет печаль,
в пещеру войдя за волхвами.

И будут шептаться с младенцем волны,
и ангелы встанут на кончик иглы,
и в бисере овцы возлягут,
и вывется вздохом — прости, не могу,
и бусинкой спрячется в рыхлом снегу
слезы невесомая влага.

Уколы мороза, ожог мишуры,
блаженных и нищих ночные пиры
да звёзд одинокие крошки...
Москва, ты бела, словно лобная кость,
Москва, ты стихами
прошита насквозь —
надёжной ахматовской стёжкой.

Ты примешь меня без объятий и слов,
ты скроешь неровные строчки следов
позёмкой, искристой и зыбкой,
и больше не надо ни ритмов, ни тем —
снежинка в ладони, в душе Вифлеем,
а в сердце — невинность улыбки.

Над покоем

По тихому лесу берёз и крестов
бродить одному без оглядки
и чувствовать запах могильных цветов,
прохладный и чуточку сладкий,
и слышать, как плачут осколки миров,
с тобой в резонанс попадая,
и видеть сквозь рдяный

осенний покров,
что там — только клетка пустая,
что цепи истлели, а пепел остыл,
и певчая птичка взлетела,
и кружится возле темниц и светил
без памяти и без предела...

Ах, память моя, тонкий пульс родника,
биение алой аорты!
К тебе прикоснёшься, а ты глубока,
как море, покрывшее мёртвых,
и, глядя в тебя, начинаешь тонуть,

и в холоде смертного вздоха
на трещине льда обрывается путь,
в пучину уходит эпоха...
Былая Россия лежит в глубине,
сквозь сон безутешно рыдая,
и плач её стелется, оледенев,
как в поле позёмка седая.

Но видишь её все светлей и святей,
заветной и горестной горстью,
и четырёхзначные даты смертей
друг друга сменяют как вёрсты,
и хочешь проснуться,
и жаждешь лететь
к лазури апрельских проталин,
а в сердце поёт колокольная медь,
и счастье растёт из печали!
То родина веет весенним листом,
вздыхает берёзовым дымом,
и душу твою осеняет крестом
воздушная персть Серафима.

Счастье

Счастье — это роща золотая
в краткий миг осеннего тепла.
Шелестит и тихо облетает
до зимы, до снега, догола.

Горе — это чёрное предзимье,
срубленные мёртвые стволы.
Горе — словно проклятое имя
в ежедневном шорохе молвы.

Но сквозь морок всех постылых истин,
сквозь холодный тлен могильных вод
видишь только золотые листья,
солнечного счастья хоровод.

Блаженный

Блаженный, а имя-то царское!
Надмирный — и плотски-земной!
А площадь блинами да чарками
прощается с долгой зимой.

А площадь шумит и не ведает
о грешных и грозных делах,
и путает казни с победами,
и власть уважает за страх.

Вослед за блинами-баранками
плывёт кумачовый пожар,
ракеты вползают за танками,
и бьёт по мозгам «Солнцедар».

Истошно грохочут динамики,
затрясся Васильевский спуск...
Вот-вот раскрошится керамика
на древний сиреневый куст.

А он, в пестрядинное рубище
до маковок самых одет,
всё так же взирает на гульбище,
на грешный и суетный свет.

Всё так же стоит он, юродивый,
превыше земного царя,
над кровью и памятью родины
златыми крестами горя.

Апокриф

Проходил селом богатым Спас, а с ним апостолы —
был в тот день великий праздник,
колокольный звон.

Всё село тогда молилось, пели алконостами
литургийные стихиры, праздничный канон.

А когда накинуд вечер покрывало мглистое,
все сельчане собирались у огней лампад,
и внимали благодати, и молились истово,
и горел закатным золотом тихий листопад.

Но не слушал Спас молитвы, не стоял во храме Он,
а сидел в избушке старой на краю села,
где над маленьким ребёнком голубицей раненой
пела песенку сестрёнка, пела и звала...

И апостолы внимали, словно откровению,
и сложили в красный угол хлебы и гроши
догоорающему слову, тающему пению,
незаученной молитве, голосу души.

Золотые шары

Золотые шары уходящего русского лета,
сколько помните вы о бревенчатых ветхих домах,
о земле огородов, о старых, как сказки, монетах,
о трубе самовара, об искрах, летящих впотьмах,
обо всём, что созрело и дышит вином и прохладой
и как будто бы шепчет в усталой сентябрьской листве —
не лети, не спеши, нам ещё почаёвничать надо
на привольной Угре, на неслышной и сонной Протве.

Я хочу говорить о тебе, остающейся рядом, —
даже в годы потерь, даже в чёрном ознобе разлук,

в перекрестья решёток согбенными кронами сада
ты шептала и пела, и теплился солнечный круг
на ладонях, на сердце, в мечте, в озарении, в слове —
золотым, настоящим, лучистым, как солнце, шаром,
светозарным поклоном, закатом в огне и любви,
и горючей слезой, и прощальным осенним костром.

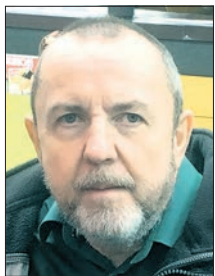
Под сосной

Лежать под сосной в полыхании полдня,
наполниться светом, как маслом олива,
и слушать, как солнечно шепчутся волны,
и вспомнить себя, и очнуться счастливым.

Задаться вопросом — как выразить счастье,
в чём сущность его, где сокрыто начало,
и вскоре почувствовать — разум не властен,
а вещее сердце секрет умолчало.

Прерванный полёт

Рассказ

Владимир Добрин

Опасно увлекаться творчеством. Всё остальное, не связанное с ним, становится не очень интересным тебе и не очень нужным.

Молодой переводчик Андрюша трудился на авиабазе в Сахаре, помогая алжирцам осваивать советскую авиационную технику. В тех краях всё ему было интересно, но ничто так не восхищало юношу, как тренировочные полёты истребителей.

Это было настоящее, высококлассное авиашоу, особенно, когда летали наши. Алжирское начальство запрещало своим пилотам лихачить в воздухе, а вот советские, на правах инструкторов, изгалялись в африканской пустыне как могли, демонстрируя блестящее мастерство и неуёмный национальный характер.

Серебристые МиГи резвились в голубом небе, словно рыбки в прозрачной воде, и наблюдавшие за ними алжирские лётчики восторженно цокали языком и аплодировали. В такие моменты Андрей отчётливо представлял себя на месте пилотов, управлявших этими совершенными машинами. За полгода переводческой работы он выучил теорию пилотирования наизусть, и сейчас ему нестерпимо хотелось применить свои знания на практике. Он был уверен, что у него получится не хуже, чем у других, может, даже лучше.

Андрей всё чаще подумывал о поступлении в лётное училище, чтобы каждый день заниматься любимым делом, стать асом и удивлять всех своими талантами. Но для начала он

решил хотя бы «прокатиться» на современном истребителе, искупаться в чистом небе, как говорили лётчики, и лихо пронестись над грешной землёй, как они делали это обычно перед посадкой.

Но пока он мог полететь лишь в качестве пассажира, на спарке, то есть на таком же сверхзвуковом МиГе, только с двумя кабинами, в одной из которых сидит лётчик-инструктор.

Советский пилот, которого все звали Петровичем, даже обрадовался его просьбе:

— Прокатить? Не вопрос! Надо только момент выбрать.

И в один прекрасный день он объявил Андрею:

— Всё! Сегодня полетим! Во второй половине дня. Готовься.

— А как готовиться? — завопил переводчик.

— Главное, поешь как следует, чтоб силы были.

— А что лучше поесть?

— Лучше всего перед полётом — яичница с ветчиной и помидорами, — посоветовал пилот. — Проверено опытом.

— А компенсирующий костюм понадобится? — продолжал Андрей.

— Нет, мы невысоко полетим.

— А противоперегрузочный?

— Какие там перегрузки! — махнул рукой Петрович. — Будем летать тихо и спокойно, как воздушные шарик!

— Спокойно — это неинтересно! — разочарованно протянул Андрей.

— Похулиганим слегка, конечно, — ухмыльнулся в усы Петрович. — Как без этого?

В назначенный час переводчик, одетый в свой повседневный джинсовый костюм, забрался в переднюю кабину спарки, нахлобучил на голову лётный шлем и тщательно застегнул на себе подвесную систему на случай катапультирования. Облаченный в лётный комбинезон Петрович уселся в свою кабину, позади Андрея.

Под наблюдением стоявшего на стремянке техника переводчик запустил двигатель и был очень горд, не получив ни одного замечания. Техник

проверил, хорошо ли «практикант» закрыл фонарь (так называют остекление кабины), удовлетворённо кивнул и удалился вместе со своей стремянкой.

В действие вступил лётчик-инструктор. Управляемый им МиГ уверенно покотился по рулётке, выехал на взлётку, развернулся и застыл на месте.

— Готов? — рявкнул Петрович по переговорному устройству.

— Готов! — неуверенно пискнул Андрей, замирая от страха и восторга одновременно.

Двигатель начал быстро набирать обороты. Через минуту он уже ревел, а самолёт, стоя на месте, дрожал, словно от нетерпения, и слегка клонился вперёд, стремясь сорваться с места.

И тут его будто толкнули сзади — это Петрович отпустил тормоза. Машина побежала по полосе, стремительно увеличивая скорость и вздрагивая на невидимых неровностях. Ещё мгновение — и истребитель, задрав нос, резко взмыл ввысь.

Андрея вдавило в спинку кресла, и дышать стало трудно. Казалось, кто-то невидимый уселся ему на грудь. Горизонт слева и справа встал почти вертикально, но вскоре вернулся в нормальное положение, хотя и продолжал покачиваться. Это означало, что истребитель летел параллельно земной поверхности.

Андрей вздохнул свободнее. Перед ним открылось захватывающее зрелище: необъятная светло-бежевая пустыня под ярко-голубым небом, тёмная гряда скал на горизонте, а внизу — зелёная клякса оазиса и россыпь крошечных домиков. Андрей попытался найти среди них знакомые места, но тут прогремел голос Петровича:

— Пр-р-равый вираж!

Земля накренилась и побежала влево. Туда же потянулись губы и нос Андрея. Затем горизонт встал вертикально,

убегая при этом вниз. За ним потянулось и всё лицо Андрея, а сам он, с головы до ног, будто налился свинцом.

— Левый вираж! — сурово выкрикнул инструктор.

Горизонт повернулся на сто восемьдесят градусов, физиономия Андрея перекосилась вправо и снова потянулась вниз, словно под действием магнита. И вновь непреодолимая тяжесть в теле.

Летать на МиГе оказалось не так весело, как ему представлялось с земли. И это было лишь начало, потому что Петрович уже орал:

— Перевернутый полёт!

Голова переводчика безвольно качнулась в сторону, и в следующую секунду он увидел над собой землю, а небо оказалось внизу. От непривычных ощущений сознание Андрея затуманилось, и вдобавок его начало мутить. Самолёт вновь крутанулся, и всё встало на свои места. Однако Андрею не полегчало. Напротив, стало ещё хуже.

Машина вдруг нырнула вниз и устремилась к земле. Андрей почувствовал, как все его внутренности поднимаются к горлу, рот сам собой открывается, и тут он с удивлением увидел, как съеденная им яичница с помидорами и ветчиной веером разлетается по стёклам кабины.

Самолёт ещё не успел вернуться в горизонтальное положение, а Петрович уже радостно вещал:

— Сейчас «бочку» сделаем!

— Н-не надо! — с трудом выговорил переводчик.

Он пришёл в себя лишь на земле, когда МиГ зарулил на стоянку. Растопырив руки и ноги, едва удерживая равновесие, Андрей выбрался из кабины.

— Умотало, — посочувствовал Петрович, оглядывая его рубашку и джинсы. — Извини! Как присил!

Переводчик криво улыбнулся, поблагодарил лётчика и, пошатываясь, поплёлся прочь. Встретившийся ему техник поинтересовался:

— Как полетали?

— Как воздушные шарик, — нехотя промямлил Андрей. — Дай мне ведро с тряпкой... Кабину помыть...

После этого он уже без восторга взирал на кувыркавшие в небе МиГи, зная, как чувствовал бы себя на месте тех пилотов. Но спустя время его вновь потянуло на острые ощущения. Он «прокатился» с Петровичем ещё пару раз, освоился и стал всерьёз готовиться к лётной карьере. ■

Рассказ впервые опубликован в «Независимой газете»

УТРАТЫ

Умер Виктор Калугин

Правление Московской городской организации Союза писателей России с глубоким прискорбием извещает о том, что на 78-м году жизни скончался известный русский писатель, критик и литературовед, член Высшего творческого совета Союза писателей России Виктор Ильич Калугин.

Умер Анатолий Цветков

Правление Московской городской организации Союза писателей России с глубоким прискорбием извещает о том, что на 99-м году жизни скончался известный русский писатель, учёный, военный и общественный деятель, участник Великой Отечественной войны, заслуженный деятель науки РФ, академик Академии военных наук РФ, доктор военных наук, профессор, полковник в отставке Анатолий Исаакович Цветков.

Выражаем искренние и глубокие соболезнования родным и близким покойных, всем ценителям их таланта. Скорбим вместе с ними.

ШТУДИИ

Новый опыт общения

Московская городская организация Союза писателей России и в нелёгких условиях пандемии не прекращает своей активной работы, в том числе и с молодёжью. Творческий коллектив «Агитбригада» (Дмитрий Попов, Сергей Кузнецов и автор этих строк) в течение двух месяцев провёл восемь встреч с юными москвичами в столичном районе Восточное Дегунино Северного административного округа.

В связи с тем что на удалённое обучение были переведены высшие и средние учебные заведения и старшеклассники московских школ, творческие встречи в настоящее время стали возможны только с детьми от 7 до 12 лет... Это оказалось одновременно и трудным, и очень интересным опытом, потребовавшим не только знаний, но и смекалки, вдохновения, умения импровизировать и удерживать внимание юных слушателей. Пришлось позаботиться и о художественном оформлении: музыке, слайдах, видеоматериалах...

Традиционно писатели внесли свою лепту в пополнение экспозиций школьных музеев и фондов библиотек, подарив книги членов МГО СП, которые очень востребованы в школах: их не только читают сами ребята, но и используют для внеклассной работы педагогов.

Нина Попова

ПРОЗА

Море

Максим Шикалев

Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Награждён грамотой Совета Федерации РФ. Публиковался в журналах «Москва», «Юность», «Российский колокол», «Невский альманах» и др. Живёт и работает в Москве.

Крымское яркое солнце и полный штиль. Запах йода и подгнившей рыбы. Это ерунда. Потому что сегодня «вода прозрачна как слеза» — так говорит дед. А отец, захватив пневморужьё, уплыл куда-то в сторону горизонта. Мне нельзя отставать, я должен сегодня найти рапанов. Хотя бы одного. Я тренируюсь уже целую неделю, хочу нырнуть поглубже. Всё просто: чем больше глубина, тем крупнее рапан. Слышал, что аквалангисты достают ну просто огромных. Вот бы и мне так, но мне всего четырнадцать и у меня лишь маска с трубкой. Поэтому буду делать всё возможное здесь, поблизости. Уверен, мне повезёт.

Справа обросший водорослями мол, бесконечно уходящий в море. Его построили, используя большие бетонные кубы, под два метра шириной. Покрытые мидиями и растениями, они уходят к самому дну. С их помощью удобно мерить глубину.

Вхожу в воду, глядя на галечный пляж, на ногах ласты. Смешная штука: плавать в них удобно, а ходить — нет. Даже сейчас, в воде, легче заходить пятками вперёд, спиной. Ох! Эти камни... они всегда мешают. Ещё немного — и я падаю в море. Загубник в зубах, и, перевернувшись, я вижу перед собой широкий подводный пейзаж.

Плыву подальше от берега, туда, где, по моим расчётам, мол погрузится в воду на три или на четыре кубика. Ну вот, уже три. Глубокий вдох, долгий выдох — и несколько раз. Наполняя лёгкие и, задерживая дыхание, ныряю. Быстро перебирая ногами, вытянув руки, я приближаюсь к водорослям. Каждый мускул послушен, с каждым движением я приближаюсь к цели, ощущая себя Ихтиандром. Уцепившись за камень, оглядываюсь. Дно местами песчаное. Ничего... Пусто. В надежде что-то найти плыву вперёд, но воздуха уже не хватает. Слегка стравливаю, выдыхаю то, что осталось. Пора наверх. Замутив песком глубину, оттолкнувшись от дна, я быстро поднимаюсь к поверхности. Раз, два, три — принимаю горизонтальное положение, выплёвывая воду из трубки остатками воздуха и делаю вдох. Не повезло, но я буду пробовать ещё. Надо уйти глуб-

же. Считаю подводные кубы до четырёх. Значит, всего восемь метров? Конечно, восемь, отвечаю я сам себе и перемещаюсь вперёд на новую позицию.

Снова вдох, и я что есть силы работаю ластами. Чем быстрее окажусь внизу, тем дольше там пробуду.

Теперь моя цель — большой валун, лежащий среди своих меньших собратьев. Я тянусь к нему рукой. Схватившись за острый край, притягиваю его к себе и заглядываю в расщелину. О, какой огромный рапан! Нет, это большой краб! Хватаю его за панцирь. Да уж, большой. Не вертись, теперь ты мой, а рапан будет в следующий раз.

Я смотрю перед собой. Солнечные лучи чудесными линиями разрезают пространство. Камни и водоросли бесконечно уходят вдаль. Недалеко большая скала. Она торчит из песка под углом, будто брошенный в воду заигравшимся великаном огромный плоский камень. Её верхний край покрыт густой гривой из длинных запутанных водорослей. Как здесь красиво и тихо. Поднимаю голову. Где-то там, высоко, тонкая грань между этим и нашим миром. Но здесь так спокойно и хорошо. Может быть, остаться...

Пытаясь освободиться, краб задевает меня за палец клешней.

Ой, что я здесь делаю? Уже нечем дышать, мне срочно нужно обратно. К поверхности. Оттолкнувшись от валуна ногами, изо всех сил работаю ластами. Моё тело разворачивает, я, как по спирали, приближаюсь к заветной кромке, заранее выплюнув загубник трубки.

Кажется, что я по пояс выпрыгиваю из воды, одновременно вдыхая спасительный воздух.

Отдыхаю лёжа на спине. Сердце бешено колотится, пока я дрейфую, глядя в синее небо сквозь стекло маски. Кстати, где же краб? Ну вот же он. Онемевшими пальцами я всё ещё сжимаю его панцирь за острые края.

В костре трещат собранные в скалах сучья. Яркое пламя издаёт жар, а из старой консервной банки на меня с укором смотрит залитый морской водой краб. Вода начинает бурлить, и через секунду его взгляд потухает. Что сказал бы мне краб, если бы смог? Возможно, что не стоило мне так рисковать из-за него...

— Пап.

— Чего тебе? — отец дремлет, привалившись к скале.

— У меня была мысль остаться там.

— Где это «там»?

— На дне. Когда я нырнул, на глубине было так здорово, что мне даже не захотелось возвращаться.

Нахмурившись, отец слегка потрепал меня за волосы.

— Никогда... никогда больше не ныряй так глубоко. ■

ДАТА

В стихах свободное паренье

К юбилею Галины Богапеко

К сожалению, в этот «вирусный» год все даты и события сдвигаются со своих привычных мест. Но творческая жизнь продолжается. И нельзя не отметить юбилей подвижника художественного слова Галины Петровны Колосенко (Галины Богапеко).

О творческом пути известного поэта, заслуженного писателя, члена Московской городской организации Союза писателей России, действительного члена Академии Российской словесности Галины Богапеко можно говорить много. Она автор двадцати поэтических книг, множества публикаций в общероссийской и московской периодике, в зарубежной прессе. К юбилею поэтессы вышла в свет книга её новых стихов «Единство духа с пространством».

О творчестве Галины Богапеко писали известные литераторы — Лев Аннинский, Людмила Щипахина, Кирилл Ковальджи, Валерий Лебединский, Иван Голубничий, Зиновий Вальшон, Алексей Агафонов, Анна Гедымин, Сергей Алиханов и многие другие.

Неоднократно публиковались обзоры её книг в газете правительства Москвы «Тверская, 13», в газете МГО СПР «Московский литератор», в газетах «НГ — EX LIBRIS», «Новые известия» и др. Серия её общеобразовательных детских книг «Школа в лесу для птиц и зверей» представлена в библиотеках России, в библиотеке Конгресса Германославянского дивизиона и других регионах.

ЦИТАТНИК

«Просодия — классическая, но иногда как бы пошатывается. Знатоки уверяют, что это стилистика народной песни, отвечающей колебаниям голоса, но песни не деревенской, а городской. И это не романс! И не гимн, то есть не строевой шаг, а именно вольная походка. «Свободное паренье». В этом паренье особенно остры неожиданно жалящие строки. «Ты и у Бога я» (наперерез Некрасову!). Чаше всего — по точному наблюдению одной из коллег — острия стиха обнажаются наперерез Марины Цветаевой: ровное дыхание прерывается, пресекается... а потом стих снова обретает «фиалковый и снежный аромат», в контексте коего стилистические вспыхи ощущаются особенно остро».

Лев Аннинский

«Эти тексты — свидетельство стихийной талантливости автора, а стиль, манера чем-то напоминают то, что в своё время называли спонтанным письмом, потоком сознания — метод, исключающий всякую предвзятость, мешающую вдохновению. Далёкие примеры — Уолт Уитмен, Велимир Хлебников, дадаисты, имажинисты... Королю говоря: это живое!»

Кирилл Ковальджи

«Поэзия Богапеко необычна. Это поэзия интеллекта, обращённая к подготовленному читателю. По мысли она обгоняет читателя, стремительно двигаясь, летя, увлекая его за собой... Фантазия поэтессы

рождает причудливые слова, словосочетания, понятия... При безграничных возможностях выбора каждый находит в её стихах что-то своё, отличное от виденья другого...»

Валерий Лебединский

«Галина Богапеко принадлежит к тем поэтам, которые формируют сегодня российский литературный процесс. Она вошла в литературу уверенно, со своим неповторимым голосом, который продолжает сегодня звучать со страниц литературных изданий и её авторских книг. Поэзию Галины Богапеко характеризует органичное сочетание традиционного канона русской классической литературы с элементами формального творческого поиска. Она постоянно ищет выход к новым стилистическим возможностям, формам выражения мыслей и эмоций, и на этом пути ей сопутствует несомненный и убедительный успех.

Тематически стихи Галины Богапеко разнообразны — её лирическую героиню волнуют и вечные философские проблемы, и красота родной природы, и судьба России... Когда я впервые познакомился со стихами Галины Богапеко, меня особенно поразил эмоциональный накал её поэтического темперамента. Стихи очень разные, но объединяет их солнечное, оптимистическое мировосприятие, заложенное в основе её дарования».

Иван Голубничий

18 БИБЛИОСФЕРА

КНИЖНЫЙ РЯД

Человек и его демон

О новой книге цикла «Новый Свет. Хроники» Дмитрия Таланова

Дождались – перед нами продолжение цикла Дмитрия Таланова. И если вы читали первую книгу (кто не читал – необходимо срочно прочитать!), то помните, какой вердикт вынес Император для Филья. Правильно, он отправил его в Алексу, и хорошо, что к тому времени она поменяла свою функцию и из тюрьмы превратилась в учебное заведение. Да, Флав решил, что образование крайне необходимо для такого сорванца, как Филь.

Читатель, знакомый с первой книгой, с главным героем и его друзьями, уже может начинать переживать за психическое здоровье преподавателей, да и за само здание Алексы тоже, учитывая судьбу, которая постигла замок Хальмстем. И окажется прав: ведь в центре внимания у нас снова юный возмутитель спокойствия – Филь Фе, мальчик, попавший в Новый Свет во время шторма, унёсшего жизнь его отца. Теперь он не сирота, а с гордостью носит фамилию Фе – и не только носит, а как представитель мужской части этой семьи заботится о ней как может. Но сейчас Филь оторван от привычной обстановки и помещён в учебное заведение. Да, именно учебное, и здесь надо учиться, ведь за провинность можно попасть на мытьё посуды или, что самое страшное, быть отчисленным.

Казалось бы, в таких условиях Филь должен переключить свою энергию только на учёбу, но нет: его смекалку, наблюдательность, острый ум и предпринимательскую жилку невозможно долго удержать в узких поведенческих рамках. И, как ни странно, эти же качества позволяют ему неплохо учиться и достигнуть успеха во многих науках. Ведь школа Алекса – это не привычная нам по стандартным фэнтезийным романам школа магии, где учат заклинания; Алекса – это серьёзное научно-исследовательское учреждение. Да, в том мире, похожем на Средневековье, и такое воз-

можно. Здесь и ученики, и преподаватели ищут ответы на сложные научные вопросы – и находят! Иногда эти знания способны поставить под угрозу весь Новый Свет, поэтому в подобных случаях быстро принимают необходимые меры: исследования прекращают, материалы уничтожают, а со всех свидетелей берут клятву молчания. Но возможность найти что-то опасное или страшное – вовсе не повод прекращать поиски, и поиски продолжаются.

В этих поисках, не только научных, но и личностных, Филью помогают друзья – и старые, которых мы помним по первой книге, и новые, которых он приобрёл в школе. На примере всей этой компании – умной, шумной и весёлой – автор показал очередной этап в жизни

необдуманное действие может привести к чьей-то гибели.

Да, такому сорванцу, как Филь, приходится повзрослеть, научиться делать выбор и принимать взрослые взвешенные решения. К несчастью, опыт не приходит без боли, и одним из таких «учителей» для Филья стал знакомый нам по первой книге нергала – едва ли не самый могущественный и опасный демон по имени Набезан. Он обладает многими умениями: убивать, выживать, беречь и добывать знания, понимать людей и обманывать их. Его сила велика – возможно, слишком. Как сказано в книге: «Временами ему даже делалось скучно оттого, что он наперёд знал, какая последует реакция. Иногда ему хотелось встретиться лицом к лицу с тем, чьи поступки он не смог бы предугадать».

Почему их, человека и демона, свела судьба? Может, из-за того, что они похожи? Две сильные личности, два лидера, две стороны одной медали. После происшествия в Алексе (спойлера не будет) тот исчез, а Филь получил прозвище Палач Демонов. Их пути разошлись, но это ненадолго, и, скорее всего, они встретятся снова. Ведь Филь для Набезана если не тот самый долгожданный достойный противник, то что-то к этому близкое. Да и наш герой не собирается сидеть и ждать у моря погоды: у него впереди долгий путь на родину, в Старый Свет. Долгая дорога познания мира и самого себя.

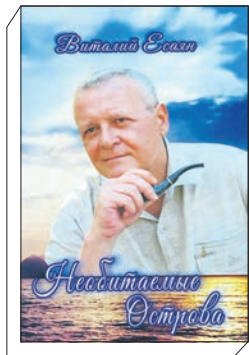
И кто знает, может быть, там, в пути, он отыщет себя, поймёт или убьёт демона. Нергала или своего внутреннего.

Кто знает?..

Борис Долинго, председатель оргкомитета фестиваля фантастики «Аэлита», член Интернационального Союза писателей, драматургов и журналистов, член Союза писателей России

Чужое солнце

Виталий Есаян. Необитаемые острова. Сборник стихотворений.

– Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2020. – 204 с.

Открывая поэтический сборник «Необитаемые острова», погружаешься в особое пространство. Виталий Есаян словно пишет на холсте яркими красками. Его стихи отличаются образностью, метафоричностью: «Немало раз по каменным глазам / Катился дождь, смывая пыль печали», «Ветер в жёсть литаврами гремит», «И ялик – царственный чертог», «Метался ветер дикой сотней», «Над головою неба шёлк».

Поэт прямо и открыто говорит о чувствах, проявляя себя как тонкий лирик:

*Не прячь ладонями звезду,
Я всё равно её найду,
Как свет в оконце.
Лишь загляну в твои глаза,
В них бьётся синяя гроза
Чужого солнца.*

Многие строки словно пропитаны солнечным светом. Кажется, в них, как в капельках росы, переливается окружающий мир – чистый и безмятежный. Но несмотря на то, что «сердце радость сбережёт, / Как радуги цветную ленту», в книге встречаем и философскую лирику, и горькие военные стихи:

*От Москвы до границы
И за ней на буграх
Наши мёртвые лица
В зарастающих рвах.*

Мотив морских путешествий – один из центральных в книге, и это сближает

стихи Виталия Есаяна с поэзией Николая Гумилёва:

*Не добраться нам до порта,
Капитан угрюм, как чёрт,
И высокие ботфорты
Стек размеренно сечёт.*

А вот ещё один пример:

*В Жёлтом море вода октября,
А увидев глаза китаянки,
Я забуду призыв корабля –
Не узнаю знакомые склянки.*

*С жёлтых пальцев течёт серебро
На раскосые лица в Эдеме.
Ты моё золотое ребро...*

В завершение хочется отметить, что для поэтики Виталия Есаяна характерно обилие цвета и света, что делает его стихи зримыми, яркими и предельно понятными.

Юлия Могулевцева

ПРОЗА

Будь добрым, мальчик

Четвёртая часть романа

Леонид Зенин

Поэт, прозаик, член Союза писателей России. Ветеран Великой Отечественной войны (труженик тыла). Родился в 1931 году в селе Починки Егорьевского района Московской области. Окончил Егорьевский станкостроительный техникум, военное авиационное техническое училище, Политехнический институт (заочно). Автор девяти книг стихов и четырнадцати – прозы. Председатель Егорьевского литературного объединения «Клуб Егорьевских литераторов» при Доме культуры имени Г. Кони. Редактор литературно-художественного альманаха «Клуб Егорьевских литераторов». За верность традициям русской культуры и литературы награждён Золотой Есенинской медалью, за участие в конкурсах – медалями А.С. Грибоедова, В.В. Маяковского, М.Ю. Лермонтова, И.А. Бунина и другими наградами. Лауреат премии губернатора Московской области за 2018 год. Награждён Почётной грамотой Московской областной думы (2017), МГОСПР присвоено звание лауреата за песни «Слёзы счастья» (1995), «Край Мещерский» (2013) и изданные сборники стихотворений, в том числе «Егорьевск-град – 240 лет» (2018), «Наше Подмосковье» (2016), награждён Почётными грамотами главы Егорьевского муниципального района (2008 и 2012). Вручено благодарственное письмо министра культуры Московской области О.А. Рожнова (2012) и Государственного музея-заповедника С.А. Есенина в Константиново за ролик «Наш любимый музей» (2016). Награждён дипломом за романы «Будь добрым, мальчик», «Баня Гулова в семье авиатора», повесть «Чудеса физвокализа», а также за создание литобъединения.

В четвёртой части романа «Будь добрым, мальчик» описывается учёба в станкостроительном техникуме «Комсомолец» с 1945 по 1949 год. В книге живые содержательные диалоги, пронизанные патриотическим духом:

«Я рассказал за ужином о Саше-авантюристе.

— Отчаянные ребята, потому и победили войну, — заметила мать.

Смелые слова блондина «Саша! На авантюру!» мне понравились. Вспомнившая Сашу, я повторял эту фразу при каждом случае, которые жизнь преподавала почти ежедневно». ■

РУССКИЕ
НОВИНКИ

С ВАДИМОМ ЛЕВЕНТАЛЕМ

Летописец растерянности

Вадима Левенталю отличает широкий и при этом взывающий взгляд на современный литпроцесс, который он оценивает не только как писатель и критик, но и как ответственный секретарь премии «Национальный бестселлер» и составитель собственной неожиданной книжной серии. Специально для «ЛГ» он будет отбирать яркие отечественные произведения и размышлять о них в собственной рубрике «Русские новинки с Вадимом Левенталем».

**Евгений Водолазкин.
Оправдание Острова.**

— М.: Издательство «АСТ»,
Редакция Елены Шубиной,
2021. — 416 с. — 30 000 экз.

Поблуждав в «Авиаторе» и «Брисбене» по тёмной современности, в «Оправдании Острова» Водолазкин возвращается, как к себе домой, в тёплое и уютное Средневековье. Читателя ждёт полюбившаяся ему с «Лавра» стилизация, одобренная анахронизмами и канцеляризмами: в «Лавре» имитировалось житие, в «Оправдании Острова» — летопись.

За анахронизмы и канцеляризмы Водолазкину не раз попадало — мол, как можно в стилизации под Средневековье писать «данный участок суши», «война способна возобновляться», «требование казалось оправданным» и т.д. и т.п. Претензии эти попадают пальцем в небо. Дело не в том, что Водолазкин не знает, как можно и как нельзя писать в Средневековье, — он знает это лучше всех. Дело тут в другом. Как специалист Водолазкин знает, что средневековая летопись пишется не одним, а многими разными людьми. Один поталантливее, а другой, может, попал на должность хрониста по блату, а сам косноязычный, как Алиса Ганиева, — что ж с того? А то, что правильно стилизовать средневековый текст — значит писать его как заведомо неровный, со всеми неловкостями и режущими слух ошибками вроде «вышли люди обоего пола». Ну и потом, Водолазкину просто кажется это смешным.

А в том, что Водолазкин умеет писать по-человечески, сомнений нет — он это показывает в главах про Парфения и Ксению. Если сама летопись рассказывает последовательно историю государства, называемого Остров, от мамонтов до наших дней, то Парфений и Ксения, царственные должностные, эту историю комментируют.

В образах резонёров ищут параллели с византийскими басилевсами, но, думается, подобные аналогии мало продуктивны. Тут дело гораздо проще — под этой двойной маской к нам обращается сам автор — и, рискну предположить, его супруга, также специалист по древнерусской литературе и сотрудник Пушкинского Дома. Впрочем, это как раз уже не принципиально. В конце кон-

цов, Парфений и Ксения, как не раз подчёркивается в романе, это две половины одного целого, и разделять их не нужно.

Что же, Парфений и Ксения путешествуют по Франции и Италии, снимаются в кино по событиям собственной долгой-предолгой жизни, а что в это время на Острове? Или в Острове? Впрочем, тут мы, пожалуй, забегаем вперёд.

Ну, на Острове происходит a little history. Или, как выразились бы наши переводчики, маленькая история. Основание государственности, феодальная раздробленность, династические распри, образование абсолютной монархии, формирование нации, гражданские войны — всё как у всех. Как у всех — с реками крови, братоубийством, отравлениями, предательствами — обычное Средневековье. Глупо было бы искать тут параллели с конкретной историей конкретной страны — тут именно что обобщённая история, среднее арифметическое от всех национальных историй сразу.

Совсем уж большой соблазн ткнуть пальцем в конкретную страну возникает, когда на Острове случается Великая Островная Революция, но и тут от этого соблазна нужно удержаться. Как бы ни хотелось обвинить Водолазкина в очернении советской истории, он всё же занимается существенно другим — он очерняет любое революционное движение вообще.

Мы уже сказали о намеренных изъянах стиля, и тут самое время отметить третью их функцию — они выражают отношение автора к описываемым событиям. Чем мерзее описываемая история, тем более исковерканным языком она рассказывается. Особенно заметно это становится, когда дело доходит до установления на Острове власти Советов — тут целые страницы написаны канцеляритом, и это, повторюсь, тем более бросается в глаза в сопоставлении с простым человеческим языком комментариев Парфения и Ксении, которые делятся с нами своими ображениями о сущности истории и времени.

«Роман о времени», — написала Галина Юзефович, но ведь это всё равно что сказать, что «Война и мир» — о войне и мире. Ну да, о времени, но ведь тут дело не в самой по себе теме, а в её решении — что именно автор о времени хочет сказать, что он о нём думает?

А что же он думает? Ну, тут ничего нового. (А нового ничего, по Водолазкину, и вообще быть не может.) Ну или по крайней мере ничего нового не будет для читателя «Лавра». Времени нет — говорилось в «Лавре», и для многих эта максима так и осталась загадочным иероглифом. Ну так «Оправдание Острова» разъясняет этот иероглиф для тех, кто в танке.

Так что же это значит — что времени нет? А вот что. Рассматривать историю как цепочку причин и следствий нельзя. Невозможно сказать, почему произошли те или иные исторические события. Распри, войны, революции и т.д. случаются просто потому, что случаются, безо всяких причин. Слово «прогресс» не имеет никакого смысла. Единственный по-настоящему важный вопрос — это как был создан мир, всё остальное не принципиально. Главное же зло в истории всегда несёт с собой стремление к переменам — само это стремление есть насилие над историей, ведь никаких перемен в ней нет и быть не может.

Разумеется, всё это возможно, только если история представляет собой извечную борьбу добра со злом, главное событие мировой истории давно случилось — это воплощение Христа, а правильный взгляд возможен только с божественной точки зрения.

И всё бы хорошо, но есть проблема: если смотреть на историю не с божественной, а с обыкновенной человеческой точки зрения, то историософия Водолазкина сама строго детерминирована господствующей идеологией эпохи, в которую она появляется. Не нужно быть Ги Дебром, чтобы заметить, с каким упорством культура постмодерна отрицает историческое сознание (на секунточку, одно из главных достижений человечества, слава Гегелю, наравне с колесом и письменностью). Не в последнюю очередь как раз потому, что если прогресса нет, причин и следствий в истории не существует, а стремление к справедливости бессмысленно, то и думать об изменении существующего порядка вещей смысла нет. Как бы сильно ни росла разница в доходах самых богатых и самых бедных. Как сказал исполнительный директор Goldman Sachs после того, как банк в 2008 году получил многомиллиардную помощь от американских налогоплательщиков и из этой помощи начис-

лил всему топ-менеджменту многомиллионные премии: «Поведение Христа любить других так же, как самого себя, является признанием наличия у людей собственных интересов; мы должны терпеть неравенство». И не поспоришь.

У логики этой есть свой, по слову Бродского, конец перспективы: как бы сильно ни ненавидел хронист картавого плешивого идиота-диктатора и как бы сильно он ни ненавидел усатого кровожадного маньяка-диктатора, приход долгожданной демократии не приносит добра на Остров. Или всё-таки в Остров? На демократических выборах выигрывает клоун (ну, тут — фокусник), все недра и ресурсы оказываются скуплены бизнесменами с Континента, а страну накрывают голод и хаос.

Размышляя о природе успеха Водолазкина, я пришёл вот к какому выводу: он выражает растерянность буржуазии перед кризисом капитализма — кризисом не экономическим (вся история капитализма — один сплошной кризис), а идейным, мировоззренческим. Любые революции — зло, борьба за справедливость всегда оборачивается ещё большей несправедливостью, большие идеи всегда чреватые большой кровью, большой нарратив умер — всё это сегодняшний обыватель впитал с молоком (а то и с огоньком) матери. Но и продолжать верить в благотворное влияние невидимой руки рынка, спасительные свойства электральных игр буржуазной демократии, в иностранные инвестиции как в святой Грааль экономического роста — верить во всё это, повторю, можно уже только за очень большие деньги.

Вот этого отчаяния, этого недоумения, этой растерянности Водолазкин и есть летописец. Видя, как рушится его мир, как враньём оказывается всё, во что он верил, чувствуя, как в воздухе опять пахнет по-настоящему большой кровью, обыватель обращается к вечности, потому что в ней никакой этой страшной истории и этого вашего времени нет, он ломится обратно к Богу, которого сам когда-то убил, он просится в Средневековье так, как восклицают «Мама, роди меня обратно!».

Очень может быть, что Водолазкину удался идеальный роман эпохи позднего капитализма — со всеми страхами, иллюзиями и мифами своего времени. И когда-нибудь по «Оправданию Острова» можно будет составить себе представление о современной культуре. Читают же примерно с такой целью какую-нибудь «Историю Сегри и Абенсеррахов» — даже несмотря на то, что к реальной истории объединения Испании «История...» эта имеет крайне мало отношения. ■

ЛИТНАГРАДА

Духовное твердение

В Иркутске состоялась церемония вручения Национальной литературной премии имени В.Г. Распутина.

Её открыл президент Российского книжного союза Сергей Степашин. Лауреатов поздравил губернатор Иркутской области Игорь Кобзев.

Специальный диплом премии вручили старейшему иркутскому писателю Альберту Гурулёву. Писатель, журналист, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ Сергей Шаргунов рассказал о книге А. Гурулёва «Остановиться... и оглянуться. Воспоминания о В. Распутине», за которую автор уже удостоился губернаторской премии.

Имя лауреата третьей премии — Владимира Топилина — объявил председатель жюри, прозаик, литературовед и литературный критик Павел Басинский. Он отметил, что главная тема и жизни писателя, и его повести «Когда цветут эдельвейсы» — это преодоление: себя и судьбы.

Лауреатом второй премии стал Александр Бушковский. Начальник Управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Юрий Пуля сказал о его романе «Рымба»: «Это воплощение любви к своему народу, традициям, родной земле, что в полной мере соответствует основным критериям премии им. В.Г. Распутина».

Первой премии удостоился Владимир Крупин за книгу «Эфирное время». Сергей Степашин процитировал слова Валентина Распутина: «По работам Владимира Крупина когда-нибудь будут судить о температуре жизни в окаменную эпоху конца столетия и о том, как эта температура из физического страдания постепенно переходила в духовное твердение. Творческий опыт В. Крупина в этом смысле уникален: он был решительнее большинства из нас, нет, даже самым решительным».

Награда учреждена Российским книжным союзом и Правительством Иркутской области. Конкурс на соискание премии проводится раз в два года при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Госкорпорации Ростех. Старт третьего сезона запланирован на сентябрь 2021 года.

**Елена Павлова,
руководитель службы
PR Российского
книжного союза**

Полный текст — на сайте «ЛГ»

Диалог антиподов: Евгений Попов vs Михаил Любимов. Часть II

О связях литераторов со спецслужбами, участии спецслужб в литературном процессе и многом другом

Продолжаем публикацию дискуссии (начало в №49), не слишком вписывающейся в привычные рамки и представленную в форме диалога двух писателей – Евгения Попова (слева на фото), «антисоветчика и диссидента», создателя «Метрополя», и Михаила Любимова, по совместительству разведчика, полковника КГБ СССР. Парадоксальным образом антиподы, способные спорить до хрипоты, даже иногда в чём-то друг с другом соглашались.

Михаил Любимов: Я хотел задать тебе, царю Соломону, вопросы. Что такое т.н. либералы и чем они отличаются от т.н. патриотов? Я по простоте душевной числю в либералах Герцена и философа Джона Стюарта Милля с его «конгломератом посредственностей», а патриотами считаю тебя, себя и своего кота Вилли. Нужны ли писателю фаны? Я раз в жизни встретился со своими фанами и пришёл от них в ужас. Не кажется ли тебе, что всё написанное нами «вечности жерлом пожрётся», как писал старик Державин, и литература исчезнет за отсутствием читателей? Когда я иду, шагаю по Москве, как бесогон, то вижу вокруг массу вывесок на искорёженных иностранных языках, такого нет нигде в мире. Это что – власти глумятся над великим и могучим, дабы им не закрыли въезд на Лазурный Берег и в Майами? И что ты думаешь о нашем совместном переселении на Луну, когда человечество свихнётся?

Евгений Попов: Во первых строках спасибо за сведения об агентах и стукачах. Я всё это примерно так и представлял, да и Евтушенко мне сам рассказывал о Бобкове и о Бродском. Увы, среди патентованных диссидентов мало было таких талантов, как Аксёнов, Астафьев, Белов, Ахмадулина, Битов, Вознесенский, Домбровский, Евтушенко, Окуджава, Распутин. Политика и литература – вещи несовместные. Лучшие стихи у Евтушенки – не «Наследники Сталина», а то, как он приехал на свадьбу, которая прошла. Агентом и уж тем более стукачом он, разумеется, не был. Ты упомянул Грэма Грина, а я его не люблю. Был знаком с его сыном, Фрэнсисом, тоже в юности шпионом. Он был хороший мужик, любил Сибирь, «Красноярские Столбы» и водку.

Ты говорил, что американцы финансово помогали нашим писателям. Американцам пусть говорят спасибо те, кого они субсидировали. Ни за «Метрополь», ни за «Веселие Руси» я не получил ничего, кроме головной боли, а ихним пазлям всегда предпочитал капустный пирог.

Чем настоящие либералы отличаются от настоящих патриотов, не знаю, таковых не встречал. Мне попадались лишь «либералы» и «патриоты» в кавычках, все они были коммунисты, а коммунист бывшим не бывает.

Какая судьба ждёт наши книги, мне всё равно. Писатель – тот, кто не может не писать, что бы с ним ни происходило. И читатели никуда не денутся. Если есть идиот, которому вздумается сочинить книгу, то непременно найдутся ещё два идиота, которые эту книгу прочитают.

Что будет делать человечество, когда окончательно свихнётся, – его дело, определённое Господом, а я на Луну не хочу. Что касается русского языка, то не власти глумятся над «великим и могучим», а сам народ, и так было всегда. Но и в Волгу столетиями сливают всякое дерьмо, а она чудесным образом очищается, впадает в Каспий, и в ней водятся осётры, наспигованные чёрной икрой. Россия – великая страна, и все в ней живущие – патриоты.

М.Л.: Наша несистемная оппозиция ориентируется на Запад, но мы в нём уже и так по самое не могу. Хорошо помню времена нашего братания с Западом, когда госсекретарь США Бейкер вальяжно разгуливал с шефом КГБ Крючковым по зданию на Лубянке, а диссидент Буковский, живущий в Лондоне, покуривая, мило общался там же с новым главой КГБ Бакатиным. Шеф нашей разведки при Ельцине Трубников очень верно назвал этот период «эйфорией». Отставники вроде меня радушно лобзались с церёушниками, я сам рассказывал американцам и англичанам о Киме Филби и других наших героях, а мой старший товарищ, прославленный генерал Соломатин, поведал о завербованных и уже арестованных шифровальщиках Уокерах. Американский журналист наваял об этом целую книгу и сейчас готовит киносериял. Секретов никто не выдавал, но в Штатах на наших костях написаны сотни томов, а в Вашингтоне и Нью-Йорке создали аж два музея шпионажа. Вскоре даже команда Ельцина почувствовала односторонность этой любви. Я понял это, когда экс-церёушник, лихо превратившийся в добрейшего торговца оружием, предложил мне за завтраком в «Рэдиссоне», что у Киевского, работу советника в его фирме. По-вашему, это называется сотрудничество, а по-нашему – вербовка.

Я дружу и с т.н. патриотами, и с т.н. либералами. Из нынешних коммунистов недавно работал с режиссёром Бортко, сделавшим фильм «Душа шпиона» по моему нашумевшему огоньковскому роману. Честный, добрый, порядочный человек, хотя и, условно говоря, сталинист. От этого фильма отказались его спонсоры – михалковское «ТриТэ» да канал «Россия», и фильм, лишённый рекламы, через пару недель сошёл с большого экрана. А разве не ругал я своего друга Юру Щекочихина, позже зверски умерщвлённого мебельными бандитами, что унижительно и глупо ездить в США и отчитываться там перед Конгрессом? С какой стати? Я даже голосовал за Явлинского и выступал по «Эху»! И каждая сторона – о, ужас! – принимала меня за своего! Помнишь, у Пушкина – о благочестивой жене, которая «Душою Богу предана, а грешной плотию архимандриту Фотию»? Вот она, судьба хомо скрибенса!

Е.П.: Я политикой не занимаюсь, считай это ответом обывателя-патриота, который или дружил, или находился в знакомстве с такими разными персонами, как Аксёнов, Абдрашитов, Айги, Юз Алешковский, Астафьев, Ахмадулина, Эрик Булатов, Илья Кабаков, Борис Жутковский, Андрей Поздеев, Тойво Ряннель, Вампилов, Вознесенский, Войнович, Евтушенко, Домбровский, Искандер, Куняев, Залыгин, Рас-

путин, Иоселиани, Крупин, Шукшин, Юрий Любимов, Мессерер, Мариетта Чудакова, Битов, Люся Петрушевская... Не для хвастовства вспоминаю, жизнь прошла, но что было, то было.

М.Л.: А зачем ты ошеломил меня таким пространством великих, словно это именитые приглашённые на приём в Кремль или очередь к модному венерологу? Я люблю фильмы Абдрашитова и Иоселиани, в поэтах, а особенно – в поэтах вообще души не чаю, и, между прочим, это мне посвящено – «избави Бог от нежности твоей, когда ты даже в ненависти нежен»... Дорогой мой, тем и отличается хомо скрибенса от писателя вроде тебя и Шекспира. Писатель сочиняет, а гомоскриб вспоминает улетевшую жизнь, в которой на каждом шагу попадались человеки, оставившие в его памяти неповторимый след. Однажды я возил по Лондону аж самого Илью Эренбурга, он был снисходителен и неразговорчив, курил бриаровую трубку и поразил меня твидовым пиджаком в пастушью клетку, с цветным платочком в верхнем кармане. С тех пор я возлюбил твид, нагрудные платки и трубку, дыма которой всегда вспоминаю забытого всеми Эренбурга. А как-то мой друг, советник по культуре посольства, затащил меня в дом баронессы Будберг, она же Мария Закревская, любовница, а возможно, и отравительница Горького, жена Уэллса, соблазнительница английского шпики Локхарта и зампреда ЧК Петерса. По словам писательницы Берберовой, это была «железная женщина» и агент всех разведок, включая ЧК. Увы, в те годы я, дружбан баронессы по «органам», о её прошлом не ведал. Мы с наслаждением выпили принесённую с собой бутылку московской водки и были таковы. Как я жалею, что не продолжил знакомство с этой выдающейся бабкой! Может, в результате общения приобрёл бы баронский лоск и с утра до ночи жрал бы фазанов в перепелином соусе, запивая финшампанем...

В те времена я вращал себя в салоне австралийской певички и сногшибательной блонд Ширли Абиер, раскатывавшей по Лондону в собственном «ягуаре», что тогда было предельным шиком. Увы, это был не толстовский салон Анны Шерер, но вполне приличная квартира на Найтбридж, потом она исчезла в результате возгорания электрического одеяла у певички – уверяю, меня под ним не было. Там я и подцепил секретаря Черчилля, неприятного мужика, скрытного и видевшего под каждой кроватью русского шпиона. В этот же салон красотицы Ширли я припёрся в дни кубинского кризиса 1962 года, когда весь мир ожидал ядерной войны. Как, однако, было бы обидно погибнуть в Лондоне от родимых атомных бомб! Из Москвы пришёл срочный приказ – собирать абсолютно всю информацию и отправлять в центр. Резидентура металась по городу, как стая голодных собак, вот и я залетел к Ширли. Однако в салоне застал лишь

”
Я познакомился
с баронессой Будберг,
она же Мария
Закревская, любовница
Горького, жена Уэллса,
соблазнительница
английского шпики
Локхарта и зампреда ЧК
Петерса.
“

ирландского писателя Джеймса Данливи — я его не читал, но тогда он гремел. Как источник политической информации он был вроде тебя или Аксёнова, но оказался фронтовиком-союзником и выпивохой. В результате мы пили за спасение мира от ядерной катастрофы и накачались как лорды, т.е. в дым (кстати, запомни, «drunk as a lord») — тебе пригодится на посиделках с лондонскими пижонами из ПЕН-клуба.

Е.П.: С превеликим интересом узнал подробности приватной жизни «за бугром», укрепившие меня в мысли, что единственная проблема человечества — его глупость, изначальная, имманентная, кипучая, могучая, никем непобедимая глупость. На русско-советский язык «drunk as a lord» я бы перевёл «нажрался, как директор бани». Ты спросил, к чему я привёл столь пространный список своих «великих знакомых»? А это чтобы ты понял, сколько весят на весах истории по сравнению с этими титанами всякие там димы-гриши-муси-пуси. Ах, ты так добр и доверчив, Михаил Петрович! Как и всякий русский человек, чем и пользуются эти лобковые вши. А твои прежние знакомцы — все интересные персонажи: кто бриаровую трубку курит, кто трахает подряд Горького, Уэллса, Локкарта, Петерса и Ленина. Что ж, неплохо ребята пожили, жаль только, другим жить не давали. А ты говоришь — лорды...

М.Л.: А я даже дружил с одним лордом. Он носил пуловер, продранный в локтях, и был добрейшим человеком. Однажды в его скромной квартире меня прихватило, я засел в лордовском клозете, но в доме внезапно выключили воду. Представляешь мой ужас? Хорошо, лорд отозвался на мои вопли и гуманно принёс четыре бутылочки содовой, чего вполне хватило для смывания. Я даже вполне лживого лорда Горинга в спектакле по «Идеальному мужу» Оскара Уайльда, его ставили в разведшколе КГБ на английском для языковой практики, на сцене в клубе с публикой. Леди Мейбл играл хороший мужик, старлей, в него потом попала случайная пуля во время заварушки в Бейруте...

Теперь о вшах. Горький писал, что психология предателя — это психология болотной вши. Как опытный геолог и знаток красноярских вшей, объясни мне разницу! Я тоже ничего не понимаю в соцреализме или модернизме и, подобно Уайльду, простенько разделяю книги на хорошие и плохие. Из литературоведов знал лишь Льва Аннинского, которого считаю интеллектуальным гуру нашего поколения (кстати, хвастну, он написал предисловия к двум моим книгам), а также Гогу Анджапаридзе, директора «Худлита», который жестоко пострадал, когда твой друг Ан. Кузнецов деранул в «свободный мир» в Лондоне, а Гога тогда был переводчиком при беглеце.

Е.П.: Гогу я тоже знал. Рассказывали, что в Лондоне они с вашим осведомителем Кузнецовым первым делом направились в бордель, после чего ваша шестёрка, написавшая донос на Аксёнова и Евтушенко, чтобы её выпустили в Лондон, сообщила Гоге, что выбирает свободу. Гога не успел зашнуровать свои ортопедические ботинки, беглец утёк, а Аксёнова с Евтушкой выгнали из редколлегии «Юности». А с Гогой была такая история. В «худлитовском» сборнике без моего ведома напечатали два моих рассказа, да ещё и нахамили мне, когда я «возник». Я им сказал, что подам в суд, если мне не заплатят 20 тысяч долларов. Но тут вмешался мудрый Гога и к нашему взаимному удовольствию заплатил мне 200 долларов, на которые в те годы можно было кутить неделю, а то и две...

”
В Лондоне они с вашим осведомителем Кузнецовым направились в бордель, после чего ваша шестёрка, написавшая донос на Аксёнова и Евтушенко, сообщила Гоге, что выбирает свободу.
“

М.Л.: Вот ты говоришь, я добрый. В своё время у нас был верный английский агент Дэвид Флойд, который после войны порвал с нами и стал главным антисоветским писакой в консервативной «Дейли телеграф». Когда Солжа с нашей и Божьей помощью вывезли на самолёте в ФРГ («Самолёт летит на Запад, Солженицын в нём сидит. — «Вот те нате, хрен в томате», — Бёль, встречая, говорит»), он подружился с нашим экс-агентом, и мне поручили использовать эту ситуацию. Почесав репу, я подготовил письмо от имени пострадавшего полкаша органов, невинного сидельца, решившего открыть великому писателю глаза на Флойда. А потом жена Солжа Наталья мне рассказывала, что письма к нему приходили вагонами, но он их даже не вскрывал. Вот и решай после этого, делал я это по доброте душевной или чтобы Андропов облобызал меня прямо в уста? Чего же ты хочешь от лордов?

Е.П.: Лорды мне не попадались, кроме лорда Бетелла, который написал «Последняя тайна. Насильственная выдача русских в 1944—1947 годах. Жертвы Ялты», за что его имперьялисты хотели выгнать из лордов, забыв, что лордство — это наследственное. Про то, что книжки бывают или хорошие, или на хрен кому они нужны, ты совершенно прав.

М.Л.: О, тесен наш просторный мир: как же мне, человеку света, не знать лорда Николаса Бетелла? Он в Москве окучивал правозащитников и чем-то напоминал мне доброго мистера Пиквика. Он даже написал в журнале «Панч», что я обожаю выпивать с бывшими врагами... А Гога я обязан изданием в «Худлите» мемуара «Записки непутёвого резидента», мужик он был умный и общительный. Сломал ногу на фильме «Русский дом» по Джону Ле Карре, болел, развёлся и переехал в квартиру недалеко от ресторана «Петрович», в которой бедствовал в обществе с крикливой морской свинкой, и вскоре почил, как и лорд Бетелл. Царствие им Небесное!.. Давай ещё немного о театре. С удовольствием смотрел в интернете спектакль Пушкинского театра по твоей «Прекрасности жизни», спектакль живой и трогательный. Естественно, отличается от любимого мной твоего романа, но это нормально.

Е.П.: Спектакль был хороший, после него Марина Брусникина резко пошла вверх и получила Государственную премию за спектакль по Астафьеву «Пролётный гусь», на котором рыдал сам Олег Табаков. Но спектакль «Прекрасность жизни», поставленный в 2003 году в Саратове нищими ребятами во главе с театральным гением Иваном Верховых, был ещё лучше. Увы, от спектакля остались одни воспоминания... Ещё есть спектакль «Пьяный Амур» великой Генриетты Яновской.

М.Л.: Я тоже после отставки поставил свою пьесу — «Убийство на экспорт» в московском областном театре. Правда, после моего разъяснения сути пьесы актёрам режиссёр сказал: «Теперь всё это забудьте и слушайте меня!» Работать с театром мне не понравилось, на премьере в филиале Малого я вышел раскланиваться и чувствовал себя нелепым клоуном. К тому же в зал для заполнения нагнали пэтэушников, а они плохо монтировались с приглашёнными мною бонзами ЦК и КГБ. Театр я всегда любил, у меня первая жена и первая теща были актрисами, моя внучка тоже актриса. Недавно смотрел спектакль «Тайная вечеря», только не знаменитого Леонардо да Винчи, а венецианца Тинторетто. Поставил очень талантливый Дмитрий Крымов, который не гонится за славой посредством катания на катафалке, а творит тихо и серьёзно. Там поставлен сложный вопрос: есть ли ныне Бог?

Е.П.: А ты крещённый?

М.Л.: В начале девяностых я оказался на пароходе, где читал лекции американским туристам по линии общества «Знание», и познакомился с епископом Василием Родзянко.

Меня тогда волновало, попадёт ли разведчик в ад. «Да что вы! — успокоил меня Родзянко. — Разве вы не знаете, что правая рука Моисея, генерал Иисус Навин, заслал разведчиков в осаждённый Иерихон и они завербовали блудницу Раав?» История с иерихонской проституткой меня взбодрила, и я крестился. А вопрос в спектакле большой:

*Ведь он на русского похож,
Как барс похож на барсука.
Не заставляй меня скучать
И об искусстве говорить.
Я не могу из рюмок пить.
Я должен думать и молчать...*

М.Л.: А знаешь, после отмены некоторых мер самоизоляции я настроен благодушно. Да, мне не по душе политический раздраз в стране, я мечтал о благоденствии после коронавируса: патриарх целует папу римского, Колокольцев и Золотов со своими войсками стоят на коленях перед стоящими на коленях правозащитниками, Путин выдвигает Навального в президенты, Зюганов нежно пьёт квас с Чубайсом, олигархи жертвуют свои имения и замки на нужды культуры, а пламенный император Проханов расчёсывает бороду не менее пламенному либералу Венедиктову — и все хором поют «Боже царя храни» и «Интернационал»... Увы, всё пошло наоборот: начались мятежи в США, они перекинулись на Западную Европу. В США всё определяется предвыборной драчкой между демократами и республиканцами, доходит до абсурда вроде сноса памятника Колумбу. Может, и нам снести памятник Юрию Долгорукому? Он же явно не был ЛГБТ и демократом, да и монумент возведён по указу Сталина, приравниваемого либералами к Гитлеру. И всё же, мне кажется, наш народ никогда не поведётся ни на модную нынче ревизию мировой и русской истории, ни на благословение однополый любви...

Переделкино, 1980. Майя Аксёнова, Белла Ахмадулина, Василий Аксёнов, Борис Мессерер

не покинул ли Бог людей? Есть ли он нынче?

Е.П.: Есть ли нынче Бог, это не наше собачье дело, а дело Божье. Ты свободен, говаривал Иисус. Так что хочешь — верь, а хочешь — не верь. Ты спрашиваешь, неужели люди почувствовали, что они смертны, и мир изменился? Да, почувствовали, но это им уже не поможет. Идиотами были изначально, такими и останутся навсегда по Божьему, неизвестному нам, смертным, промыслу.

М.Л.: Ты уж больно суров к людям, это непозволительно автору «Прекрасности жизни». А мне вот в голову пришло крамольное: термин «советская литература» — чисто пропагандистская выдумка. Есть русская литература, в которую входят и эмигранты. Главное — всегда помнить о России.

Е.П.: А я никогда и не забывал о России, особенно с похмелья. Потому что я тот сибиряк, о котором Леонид Мартынов некогда сочинил стихи и получил за это два года:

*Ты не ругай сибиряка,
Что у него в кармане нож.*

Е.П.: Мечты, мечты, Михаил Петрович! А видишь, как всё обернулось? К счастью, пока не у нас. Ну что же, расправивши плечи, выходим из коронавируса солнцу и ветру навстречу. Мир бессмыслен, но я питаю тайную надежду, что наша КОНСЕНСУСНАЯ беседа двух стариков, всю жизнь проживавших по разные стороны возведённых Лениным и Марксом баррикад, кому-то послужит, как писали в советских романах, «хорошим жизненным уроком». Может, и в России воцарятся когда-нибудь мир, дружба, богатство и ШАСТЬЕ?

Москва, 2020,
дни коронавируса

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Михаил Петрович Любимов — советский разведчик, полковник внешней разведки в отставке, кандидат исторических наук, публицист, писатель.

Евгений Анатольевич Попов — русский писатель, драматург и эссеист, редактор, геолог.

Рассказ-быль

Посвящаю Владимиру Путину, президенту Российской Федерации

Владимир Смирнов,
член Союза писателей
России

Прошло одиннадцать лет со дня моего ареста. Позади восемь лет заключения, освобождение, новые надежды, которые, как почва, ушли из-под ног. Дело моё громким не было, адвокаты именитые мне не по карману, и поиски правозащитников ни к чему не привели. Но останавливаться перед будничным нельзя, надо было идти дальше. Я легонько тронул пятками свои бока и скомандовал себе негромко: «Трогай». Конечно, это всё в моём воображении.

В апреле 2018 года «Литературная газета» опубликовала обращение писателей на имя Генерального прокурора Российской Федерации Ю.А. Чайки.

Уважаемый Юрий Яковлевич!

...Убедительно просим Вас провести проверку материалов уголовного дела в отношении члена Союза писателей России Владимира Смирнова.

Приговором Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 23 декабря 2008 года (судья Сысоева Е.П.; уголовное дело номер 1-85/08) Владимир Смирнов был осуждён на 8 лет лишения свободы по ст. 105 ч. 1.

При производстве уголовного дела были допущены такие нарушения, что можно только удивляться, как надзорные инстанции могли закрывать на них глаза. Так, например, в уголовном деле имеются две биологические экспертизы, которые дают взаимоисключающие заключения. Экспертиза номер 976 установила, что в квартире Смирнова были изъяты образцы крови 3-й группы, а экспертиза номер 2716, спустя полтора года, эти самые образцы, других в деле просто нет, определила как кровь 1-й группы. Но это абсолютно невозможно, потому что, во-первых, эксперты высшей категории со стажем работы 25 лет не ошибаются при решении такой простой задачи. Группу крови без труда можно установить в любой защитной больнице. Во-вторых, разница в описании объектов исследования у двух экспертов свидетельствует, на наш взгляд, о подмене образцов.

Или другой факт. В суд на потерпевшего Р. Греку поступает характеристика из Московской областной психиатрической больницы номер 5, где потерпевший трижды находился на стационарном лечении. В характеристике чётко сказано: «В состоянии алкогольного опьянения становится злобным, агрессивным, устраивает драки, постоянно конфликтует с матерью, нигде не работает, часто алкоголизуется... в отделении был груб, раздражителен, лжив, вспыльчив».

Суд напрочь игнорирует объективную характеристику специалистов, под наблюдением которых находился потерпевший, берёт за истину показания близкого родственника, брата, и в приговоре указывает, что потерпевший Р. Греку был «спокойным, неконфликтным человеком, в драках не участвовал».

И это не единственный пример, когда выводы суда не соответствуют фактическим материалам дела, а предвзятое отношение суда становится явным и очевидным.

Со стороны обвинения свидетели выступали исключительно лица с асоциальным поведением, которые злоупотребляли алкоголем, были заинтересованы оговорить Смирнова, чтобы самим уйти от ответственности за убийство своего собутыльника. На момент событий они находились в состоянии тяжёлого алкогольного опьянения, но при этом дали одинаковые, словно под копирку, показания.

Уважаемый Юрий Яковлевич!

Владимир Смирнов уже давно отбыл срок заключения, но продолжает искать правду, и мы надеемся, что правду можно найти с Вашей помощью. Просим Вас изучить материалы дела и принять по нему законное и справедливое решение.

Письмо подписали 57 литераторов, деятелей искусства и культуры. Среди них были Михаил Ножкин, поэт, народный артист РСФСР, Владимир Личутин, лауреат Государственной премии России, Анатолий Парпара, лауреат Государственной премии России, Ямил Мустафин, прозаик, кавалер орденов Дружбы и «Знак Почёта», Виктор Есипов, старший научный сотрудник Института мировой литературы; Марина Кудимова, член исполкома Русского ПЕН-центра, Юрий Лошиц, лауреат Патриаршей литературной премии; Марина Зубавина, заслуженный работник культуры РФ; Николай Иванов, председатель Союза писате-

лей России, Максим Замшев, главный редактор «Литературной газеты»...

Руководство Генеральной прокуратуры не заметило открытое письмо, подписанное писателями, книги которых стоят на полках библиотек страны. Ответ на имя главного редактора «Литературной газеты» пришёл за подписью начальника отдела управления В.А. Легецкой. Она прислала мне отписки, когда я был ещё в колонии, но на этот раз превзошла себя.

В это время рекламировалась широко «прямая линия» с президентом страны, и я решил попытать счастья. Терять мне было нечего. На электронную почту «прямой линии» отправил со своего телефона письмо.

Уважаемый Владимир Владимирович!

...Уже больше десяти лет пишу обоснованные и аргументированные жалобы, но надзорные инстанции, по сути, не работают, не рассматривают жалобы, а ответ дают, что называется, от фонаря.

Вот самый свежий и наглядный пример. В защиту моих интересов в «Литературной газете» было напечатано открытое письмо на имя Генерального прокурора страны. Ответ пришёл за подписью начальника отдела управления В.А. Легецкой. Приведу только одну строчку из этого глумливого, по-другому не назвать, ответа: «Сам Смирнов не отрицал, что удар ножом потерпевшему нанёс именно он». Конец цитаты.

Но дело в том, что сам Смирнов, то есть я, никогда свою причастность к смерти потерпевшего не признавал. Никогда! И в приговоре суда это чётко зафиксировано: «Допрошенный в судебном заседании подсудимый Смирнов вину в совершении убийства не признал».

Почему же госпожа Легецкая в своём ответе откровенно врёт? Потому что знает, что управы на неё не найти. Обычной стала практика отписок, когда людей берут просто на измор в расчёте на то, что человеку надоест писать.

Уважаемый господин президент! Христом Богом прошу Вас поручить проверку фактов и материалов дела, по которому я был именем Российской Федерации незаконно и несправедливо осуждён. Следовательно, прокурор или судья, попирающие совесть и закон, таят страшную угрозу для страны. Они, как древесные жучки, поедают изнутри и превращают в труху ствол дерева.

...Письмо моё, как водится, переслали в Генеральную прокуратуру и там настроили через день ответ за исходящим номером 12-21269-07:

Ваша жалоба, поступившая из Администрации Президента Российской Федерации, рассмотрена.

Её содержание не требует дополнительной проверки. О позиции руководства прокуратуры Российской Федерации по уголовному делу вам сообщалось. Она не изменилась.

Разъясняю, что в случае поступления повторного обращения, которое не будет содержать доводов, переписка с вами может быть прекращена.

Начальник отдела управления В.А. Легецкая.

...Скажу начистоту, от многолетнего общения с прокуратурой осталось чувство, что меня просто облапошили... ■

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

22 декабря отмечает 56-й день рождения член попечительского совета «ЛГ» известный государственный деятель Михаил Витальевич Маргелов.

Он носит прославленную генеральскую фамилию, хотя продолжать воинскую традицию деда и отца не стал — выбрал свою дорогу в жизни. Выпускник Института стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова, кандидат политических наук, М.В. Маргелов был председателем Комитета по международным делам Совета Федерации, специальным представителем президента Российской Федерации, стал первым российским парламентарием — почётным членом Парламентской ассамблеи Совета Европы.

Поздравляем вице-президента Российского совета по международным делам, давнего друга и читателя «ЛГ»! Здоровья и успехов во всех начинаниях, дорогой Михаил Витальевич!

ЗЛОБА ДНЯ

Уж не добыть свидетельств веских...

8 декабря 1991 года было подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств.

Игорь Волгин

Три дружба во Беловежье, приняв рюмашку не одну и тем усилив центробежье, решили поделить страну —

разъять в порядке вождельня её для собственных услад, забыв, что в правилах деления сокрыт и атомный распад.

И повлачили прочь из дому народы с думою одной: довериться ли псу цепному или реакции цепной?

В одном ли плавилась мы тигле, своя ль у каждого беда? И эти споры не утихли и не утихнут никогда.

Уж не добыть свидетельств веских стране рабочих и пейзаж ни с куртизанов беловежских, ни с белорусских партизан.

СТОЛИЧНЫЙ КОНТЕКСТ

Безопасность превыше всего

Общественный порядок — дело всенародное

Что объединяет российскую столицу с Манчестером, Калькуттой или Миланом? Уровень городской безопасности и общественного порядка. Немалая заслуга здесь принадлежит московскому Департаменту региональной безопасности и противодействия коррупции, деятельность сотрудников которого только за последний год отмечена рядом значимых фактов и крупных успехов.

Ситуация с коронавирусной пандемией резко встряхнула нашу жизнь, поменяла многие правила поведения. Она вывела на первый план благородную и самоотверженную работу медиков и фармацевтов, курьеров и волонтеров. Однако, как ни печально, на фоне тех, кто, порой рискуя собственным здоровьем и даже жизнью, старается помочь людям, активизировались и разнообразные мошенники. Пользуясь непростой обстановкой, вызванной второй волной COVID-19, людишки без стыда и совести используют коронавирусную тему для совершения противоправных действий.

Горожане в интернете нередко делают друг с другом информацией о том, как получают СМС-сообщения якобы от государственных органов с требованием оплатить штраф за нарушение режима самоизоляции. К подобному сообщению, как правило, прилагаются реквизиты, по которым необходимо внести оплату. Случается, что о «нарушении» аферисты уведомляют по телефону. При этом гражданам сообщают, что, дескать, в настоящее время суды из-за пандемии не работают, однако у «нарушителей» есть шанс прекратить производство по делу, оплатив штраф в «удалённом режиме», в противном случае — грянет уголовная ответственность.

Другие преступники размещают в социальных сетях лож-

Проверка соблюдения масочного режима на хоккейном матче ЦСКА — «Динамо» (Москва)

ные факты о производимых в связи с коронавирусом выплатах. Доверчивый пользователь переходит по ссылкам на ресурсы, где эти выплаты «оформляются», заполняет там анкетные данные и даже получает ответное сообщение о якобы начисленной компенсации в десятки и сотни тысяч рублей. Вот только для получения её необходимо оплатить комиссию, услуги по оформлению документов, создание ключа электронной подписи, проверку безопасности транзакции и тому подобное.

Рассылаются кибермошенниками и электронные письма, содержащие фишинговые ссылки с обещаниями отсрочек по кредитам, получения пособий, волонтерской помощи и пр. Потенциальную жертву таким способом опять пытаются заставить пройти по ссылке и оставить на фиктивном сайте-близнеце данные для доступа к платёжным системам и банковским картам плюс другую личную информацию.

Были случаи, когда москвичи, причём не только пожилые, попадались на удочку телефонных мошенников, представлявших себя врачами, сотрудниками

Роспотребнадзора или других ведомств. Здесь схема выглядит следующим образом: людям сообщают, что у их близких зафиксирован положительный тест на ковид, в связи с чем те госпитализированы в больницу или изолированы в обсерватор. Не давая ошарашенным родственникам опомниться, злоумышленники выманивают у них деньги для перевода на счёт «медучреждения», которые помогут улучшить условия содержания «больного» и назначить ему самое эффективное лечение.

Не брезгают преступники и такой аферой, как продажа по «выгодной цене» медицинских препаратов, средств профилактики и гигиены, якобы рекомендованных для защиты от COVID-19, некоторые продают даже тесты на определение коронавируса или вакцину от него. А кто-то пытается наглым образом проникнуть в квартиры, маскируясь под волонтеров — доставщиков продуктов питания и лекарств на дом или под дезинфекторов жилых помещений.

Борьба с этими отвратительными явлениями с весны этого

года вошла в число приоритетных задач Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции города Москвы. Его сотрудники регулярно оповещают жителей столицы о новых мошеннических схемах и призывают проявлять внимание и бдительность. Главный посыл этой работы можно выразить несколькими словами: граждане, будьте осмотрительны — не поддавайтесь на уловки мошенников!

Благодаря масштабному и грамотному подходу специалистов Департамента исключительно благополучно прошли в Москве абсолютно все крупные массовые мероприятия. Так, в январе при проведении на территории 424 православных храмов и монастырей традиционных крещенских богослужений и крещенских купаний в охране порядка и безопасности участвовали свыше 13,9 тысячи человек. Более трёх тысяч сотрудников контрольно-распределительных служб, военнослужащих Росгвардии, полицейских, бойцов ОМОНа обеспечивали в марте общественный порядок на горячем футбольном дерби между

командами ЦСКА и «Спартак» на стадионе «Открытие Арена». Кстати, матч тот посетили около сорока тысяч человек!

Активную помощь правоохранителям оказывают представители Московской городской народной дружины. На уже упомянутой встрече между армейцами и спартаковцами на стадионе их дежурило около 200 человек.

Народная дружина помогала обеспечивать правопорядок и при проведении общероссийского голосования по вопросу внесения изменений в Конституцию РФ (25 июня — 1 июля). Почти 12 000 человек находились в те дни на 3407 столичных избирательных участках, а народные дружины Центрального, Северного, Восточного, Северо-Восточного, Южного, Западного, Троицкого и Новомосковского административных округов ко всему прочему работали на шести железнодорожных вокзалах города и в аэропорту «Внуково».

С начала действия режима повышенной готовности вместе с сотрудниками полиции дружинники — ежедневно более 1200 человек — патрулируют места с большим скоплением людей, объекты торговли, общественного питания, а также жилой сектор. В ходе дежурств по всему городу идёт проверка социального климата в 600 общежитиях, хостелах и гостиницах, под контролем находятся 490 букмекерских контор и пунктов приёма ставок. И конечно, идёт неустанная разъяснительная работа. За период действия ограничений сотрудники Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции города Москвы провели свыше 301,8 тыс. профилактических бесед с населением о необходимости повышения гражданской ответственности и соблюдения введённых ограничений.

Виталий Веселовский

КОНКУРС

«Класс!»-ная работа

Темы рассказов третьего сезона конкурса «Класс!», обновлённый состав жюри и название новой специальной видеонаминации — «Выйди из класса» объявили на пресс-конференции в ТАСС.

В ней приняли участие начальник Управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии Роспечати Юрий Пуля, начальник образовательных и информационных ресурсов Департамента цифровой трансформации и больших данных Министерства просвещения Александр Ждан, куратор проекта журналист Анастасия Скорондаева и победитель второ-

го сезона конкурса «Класс!» Андрей Никаноров. Также выступили члены жюри, известные писатели и педагоги: Майя Кучерская, Нина Дашевская, Ольга Славникова, Марина Степнова, Олег Швеиц.

География конкурса расширится: в нём примут участие представители тридцати российских регионов. Несколько обновился и состав жюри: теперь оценивать произведения курсантов будут ещё Нина Дашевская и Алексей Олейников. Лекторы конкурса — Дмитрий Быков и Эдуард Веркин.

«В рамках партнёрства с Creative Writing School мы записали в этом

году лекции, которые читают члены нашего жюри и преподаватели школы. Дмитрий Быков рассказал о приёме острашения. Известный режиссёр Борис Павлович — об искусстве «сторителлинга», Марина Степнова — о штампах, Ольга Славникова — об особенностях создания героев, Алексей Олейников — о языке комиксов...» Из предложенных членами жюри и победителями второго сезона тем в ходе жеребьёвки были выбраны семь: «Все дома» (Ольга Славникова), «Квартиру снимают вампиры» (Олег Швеиц), «Здравствуйте, я ваша тётя» (Марина Степнова), «Тишина в библиотеке» (Алексей Олейников), «Телефон поте-

рля» (Нина Дашевская), «Одиночество в наушниках» (Майя Кучерская), «Ты навсегда в ответе за тех, кого приручил» (Арина Кузнецова).

Участникам предстоит пройти два отборочных тура: региональный и всероссийский. Также состоится традиционное народное голосование.

По итогам конкурса 50 финалистов соберутся в российской столице. Награждать победителей будут на ММКЯ.

Работы принимаются до 28 февраля. Подробности на сайте konkurs-klass.ru.

Наталья Милёхина

Есин так сказать

К 85-летию со дня рождения большого русского писателя

Пусть это будут воспоминания. Мы познакомились, когда я работал в отделе культуры «Независимой газеты», а Сергей Николаевич вошёл в жюри придуманной Виталием Третьяковым литературной премии «Антибукер». В отделе культуры мы часто публиковали статьи его жены, известного кинокритика Валентины Ивановой. Спустя годы, когда её не стало, Есин не раз благодарно вспоминал это сотрудничество, хотя, на мой взгляд, наша взаимная симпатия и многолетнее общение выстроились на почве неизменного внимания и уважения к работе Татьяны Васильевны Дорониной. Мы почти всегда встречались на премьерах во МХАТе им. М. Горького, разговаривали в антрактах — у Сергея Николаевича была особенная манера разговаривать и формулировать мысли, пронизанная то доброжелательной, то безжалостной иронией по отношению к разнообразным общим знакомым. Невысокого роста, всегда аккуратно, но неброско одетый, умевший выражать даже самые решительные свои суждения негромко, Сергей Николаевич был крупной личностью и хорошим писателем. Русский писатель, как известно, должен быть властителем дум, а чтобы стать им, он должен обладать смелостью, свободой, а порой и бесстрашием мысли. У Есина всё это было, поэтому он не боялся, что одни его заклеят левым, другие правым, антисемитом, консерваторм, — он дружил и с правыми, и с левыми, ходил во МХАТ имени М. Горького, как и в разные другие театры. Но верным умел быть.

Он всегда живо откликался на мои приглашения прийти в эфир — это было, когда я начал работать на «Маяке-24», — поговорить, например, о жизни Литературного института, о старых и новых студентах, о его новых книгах, о не знающем себе подобных его многолетнем, публиковавшемся по горячим следам и одновременно очень

подробном и очень искреннем, без лукавства, «Дневнике ректора», а потом, когда он перестал быть ректором, — просто «Дневнике». На радио он любил записываться в 23-й студии, входя в которую каждый раз вспоминал, что именно в этой комнате в здании советского Телерадиокомитета много лет назад сидела редакция журнала «Кругозор». Сидели втроём в одной комнате — Есин, Петрушевская и Визбор. Есин работал главным редактором этого журнала, купить который, поймать который в киоске «Союзпечати» было редкой удачей — между страниц в каждом номере были вшиты мягкие грампластинки

голубого цвета, где всегда среди прочего можно было найти что-то стоящее. В самом журнале печатались и стихи, и отрывки из хорошей прозы, но дефицитом он был именно благодаря вкладкам-пластинкам. Можно вообразить, как весело им сиделось и работалось втроём в маленькой комнате на втором этаже Дома радио!

Для очень многих Есин был в первую очередь автором повести «Имитатор», хотя и до, и после у него выходили не менее интересные книги, но «Имитатор» в середине 80-х сделал его знаменитостью. Некоторые безуспешно пытались догадаться, кого же из

двух-трёх вошедших в моду и на государственном уровне признанных живописцев разоблачил, точно на сеансе чёрной магии с последующим разоблачением, бесстрашный писатель, даже ожидали ответных резких шагов, а сегодня понимаешь, что эту повесть правильнее рассматривать в ряду других важнейших произведений 80-х вроде «Пожара» Валентина Распутина и «Печального детектива» Виктора Астафьева, то есть книг, предвосхитивших и предсказавших скорые перемены, сигнализировавших о них.

На мой взгляд, Есин был выдающимся ректором Литинститута, сохранившим это странное и ни на что другое не похожее учебное заведение в трудные 90-е, сохранившим как пятачок свободомыслия, где было место опять же и правым, и левым, — как мог, Есин поддерживал тех и других, при нём там появился Рейн и продолжал преподавать и был любим студентами старик Долматовский, пришли Битов и Королёв, а мастерскую драматургов вела экстравагантная пара — Виктор Сергеевич Розов и Инна Люциановна Вишневская... Студентов он кормил буквально с рук, привозя с дачи яблоки, спасавшие студентов от голода.

Я доверял не только его честности (добрые отношения не мешали ему по-разному отзываться на те или иные мои статьи или даже звонки, с чем я сталкивался потом в его «Дневниках...»), каждый раз понимая, что «ничто на Земле не проходит бесследно»), но и мудрости, и потому, когда меня назначили ректором ГИТИСа, позвонил Сергею Николаевичу и попросил о встрече. А когда на следующий день мы встретились на Тверском бульваре, на полпути между Литинститутом и ГИТИСом, — попросил его дать совет. Он дал, начал с двух, потом добавил третий. Я их помню.

Григорий Заславский

В честь маэстро

Восьмой Крещенский фестиваль в «Новой Опере» посвящён 75-летию со дня рождения основателя театра, дирижёра Евгения Колобова (1946–2003).

Фестиваль откроется 19 января, в день рождения маэстро: под управлением главного дирижёра театра Александра Самоила прозвучит Реквием Дж. Верди — одно из любимых произведений Колобова.

«Итальянская» часть представлена и концертными исполнениями Верди «Силы судьбы» и «Пирата» В. Беллини. В сценической судьбе опер в нашей стране особую роль сыграл Евгений Колобов. В 1979 году он стал музыкальным руководителем первой в СССР постановки «Силы судьбы» на языке оригинала — в Свердловском (ныне Екатеринбургском) театре оперы и балета. В том же году спектакль увидели в Москве. В 1984-м маэстро осуществил премьеру «Пирата» в собственной редакции в концертном исполнении (Большой зал Ленинградской филармонии), а в 1989 году стал музыкальным руководителем первой в СССР постановки (Музыкальный театр имени К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко). На Крещенском фестивале «Пират» пройдёт под управлением лауреата премии «Золотая маска» Андрея Лебедева (23 января), «Сила судьбы» — под управлением Александра Самоила (29 января).

Важнейший элемент «русской» части — опера П.И. Чайковского «Евгений Онегин» в авторской редакции Колобова. В нынешнем сезоне постановке исполняется четверть века! Выбор дирижёра для спектакля Крещенского фестиваля (28 января) символичен: в своё время одной из первых заметных ролей знаменитого тенора Дмитрия Корчака стал Ленский в «Евгении Онегине» Чайковского — Колобова.

Кроме того, прозвучат «Литургия св. Иоанна Златоуста» С.В. Рахманинова для хора а capella (22 января, дирижёр — главный хормейстер театра Юлия Сениюкова), а также концерт «Романсы П.И. Чайковского и С.В. Рахманинова в оркестровке Евгения Колобова» (30 января, дирижёр — лауреат премии «Золотая маска» Дмитрий Волосников).

Знак постколобовской «Новой Оперы» — «Тристан и Изольда» Р. Вагнера (24 января): в 2013 году именно наш театр осуществил первую в Москве постановку этого шедевра. За дирижёрским пультом — музыкальный руководитель спектакля, главный приглашённый дирижёр «Новой Оперы» Ян Латам-Кениг; в 2014 году именно эта его работа была отмечена премией «Золотая маска».

Софья Андреева

ФОТОФАКТ

Талант, атом, Табаков

Открытие скульптурной композиции «Атом Солнца Олега Табакова» приурочили к 85-летию со дня рождения народного артиста СССР. Она находится у Новой сцены Театра Табакова на Малой Сухаревской площади. Памятник создан на средства родных, друзей, учеников и коллег Табакова.

Автор скульптуры — народный художник России Александр Рукавишников. На композиции любимый актёр миллионов зрителей Табаков сидит на подмостках в алом шарфе, опершись на «Атом Солнца», внутри которого множество раз написано слово «талант». По вечерам он будет зажигаться вместе с городскими огнями. Рядом кот Матроскин, которого Табаков замечательно озвучил в мультфильмах про Простоквашино.

На церемонию открытия пришли семья Олега Павловича, артисты знаменитой «Табакерки», созданной когда-то в подвале на улице Чаплыгина, коллеги по «Современнику» и МХТ им. Чехова, любимые ученики. ■

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Творцы судеб

Шолоховская «Судьба человека» вновь на сцене

Новая серьёзная работа талантливого режиссёра Алины Сорокиной по её собственной инсценировке рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека» в Смоленском государственном академическом театре им. А.С. Грибоедова приурочена к 75-летию Великой Победы и 115-летию легендарного автора «Тихого Дона». Премьера состоялась 25 сентября. И, вопреки пандемическим ограничениям-препонам, спектакль удалось показать в этом сезоне несколько раз.

Смоляне встретили постановку восторженно. И секрет её успеха, безусловно, в коммуникативном языке сегодняшней России и свежести чувств, удерживающей внимание любой аудитории, — во «вневременной» тёплой и душевной интонации, с которой преподносится проникновенная история солдата Андрея Соколова (Юрий Гапеев) и мальчугана-сироты Вани (Даниил Амбражевич, Арсений Демьянов). Кстати, оба юных актёра — участники театральной студии, каждый по-своему удивительно органичен и естественен, — вызывают абсолютное доверие к создаваемому ими образу. Поэтому особо мощные ноты оаций, устраиваемых им залом на поклонях, вполне заслуженны. Об исполнителе роли главного героя, с воодушевлением выделяемого аплодисментами, подробнее скажем чуть позже.

Волей режиссёра театральная условность приобретает в смоленской «Судьбе человека» кинематографическую достоверность и зрелищность — с лёгкостью перетекания сцен-состояний из одной в другую, с эмоциональностью, подёрнутой «световой вуалью» мелодий военных лет (музыкальное оформление — Сергей Хандрык) и пульсирующей в завораживающем ритме хореографических композиций (балетмейстер — Елена Егорова), с подчёркнутым декорационным аскетизмом (художник-постановщик — Светлана Архипова), где лучами прожекторов, клубами дыма и символами-атрибутами мест действия удаётся удачно опровергнуть чувства персонажей, остающиеся в течение всего спектакля, полутора часов, в центре внимания.

Горе, радость и жизнелюбие героя Юрия Гапеева зримо,

искренни и эмпатично заразительны. Будь то обычный мужской разговор о жизни с Михаилом Шолоховым (Сергей Тюмин), экзамен на выносливость в кабинете коменданта лагеря Мюллера (Олег Кузьмищев), трогательное общение «через письма» с женой (Екатерина Максимова) или доклад на подкашивающихся от смертельной усталости ногах полковнику (Сергей Бокарев), Андрей Соколов убедительно демонстрирует нам разные грани своего характера, каркас темперамента и цельность натуры «простого русского мужика». Неторопливо-степенного, храброго и волевого, но с внутренним надрывом. «Видали вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть?» А когда в госпитале он узнаёт из письма о гибели своей Ирины и дочерей и фоном один из раненых бойцов, лежащих в той же палате, затягивает а капелла строчку из «Случайного вальса» — «я как будто бы снова возле дома родного, в этом зале пустом мы танцуем вдвоём», — в зрительном зале Смоленской драмы люди утирают глаза платками. «Тут главное —

АЛИНА СОРОКИНА

Сцена из спектакля. Андрей Соколов — Юрий Гапеев, Ваня — Даниил Амбражевич

уметь вовремя отвернуться. Тут самое главное — не ранить сердце ребёнка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза...

Весь актёрский ансамбль вместе с «солистом» без фальши, мастерски исполняет Пьесу для тайных струн души. Судьба шофёра, прошедшего дорогами той ужасной войны и ею обездоленного, пережившего даже смерть единственного сына в День Победы, но сохранившего силу духа и веру в человечность, сумевшего подарить надежду беспризорному шестилетнему пацану и тем самым обретающего новый смысл жизни, в одном порыве объединяет актёров, постановочную группу и публику, благодарную создателям спектакля и классику за «вечно живую память».

— Мне, родившейся в Ростове-на-Дону, — рассказывает Алина Сорокина, — и, как почти все дончане, знакомой с шолоховским шедевром чуть ли не с детского сада, было важно найти краски и эмпирические механизмы, созвучные этому времени и, прежде всего, молодёжи, для которой «Судьба человека» должна быть актуальна не меньше «Гарри Поттера». Весь спектакль как бы соткан из эмоциональных миниатюр-зарисовок. Например, сцены с фашистами — на музыке и практически без текста, чтобы образ нацистской машины, всё сокрушающей на своём пути, был очевиден. Музыка и пластика способствуют выражению чувств, обостряя восприятие.

Виктор Терентьев

КНИЖНЫЙ РЯД

С любовью и пристрастием

Сати Спивакова.
Нескучная
классика.
Ещё не всё.

— М.: Издательство «АСТ», Редакция Елены Шубиной, 2020.

— 525 с. — 3000 экз.

В своё время Ференц Лист утверждал, что все виды искусства неразрывно связаны между собой, что «Рафаэль и Микеланджело помогают в понимании Моцарта и Бетховена», а музыка способна наиболее глубоко погружать в содержание, к примеру, «Божественной комедии» или «Фауста». А ещё одними лишь музыкальными средствами можно создавать не только пейзажи, но и полноценные портреты! Слово в доказательство этого Лист в течение более десяти лет писал цикл музыкальных пьес под названием «Венгерские исторические портреты». Героями его — повторим, музыкальных! — произведений стали композитор Михай Мошоньи, политики Иштван Сечени и Ференц Деак, военачальник Ласло Телеки, президент Венгерской академии наук Йожеф Этвёш, поэты Михай Вёрёшмарти и Шандор Петёфи...

С первых же строк книги Сати Спиваковой «Нескучная классика. Ещё не всё» возникла стойкая ассоциация именно с этим листовским циклом. В конце концов, основа книги — авторские передачи на канале «Культура» «Сати. Нескучная классика» и «Камертон» — это тоже циклы. Пережившие проверку временем и сами уже ставшие классикой телевизионного жанра. Циклы портретов. Музыкальных портретов. Музыка — фундамент книги Сати, даже если её собеседник не музыкант, а актёр, писатель, художник или учёный.

Не спешите, будучи постоянным зрителем канала «Культура», откладывать книгу в сторону — мол, я это уже смотрел и знаю. Поверьте! Вам предстоят новые открытия, совершенно новое восприятие, совершенно новое восприятие, если хотите. Теперь уже литературный жанр диктует свои законы.

Эта книга необычная. Её можно читать как роман, главу за главой. А можно «под настроение» выхватывать отдельные страницы и залпом проглатывать, упиваясь богатством мыслей и образов, которых с лихвой хватило бы не на один философский или искусствоведческий трактат. И при этом чтение увлекательнейшее, захватывающее, позволим себе даже такое «домашнее» словечко — «перезаживательное!» Очень личное, доверительное. Слово старый дорогой друг вечером, при свечах — кстати, свечи являются обязательным атрибутом телепередачи Сати, — раскрывает тебе своё сердце. И это не «искусственный»

эффект. Почти всех своих собеседников Сати знает лично, со многими дружит или дружила... Горькое многоточие... Некоторых собеседников Сати уже нет среди нас. Но на страницах книги происходит волшебство. Мы словно вновь слышим живой голос Елены Образцовой и Дмитрия Хворостовского, Шарля Азнавура и Гии Канчели.

Скажу честно, для меня книга началась с моей любимой певицы Джесси Норман, которой тоже не стало год назад. «Голос Джесси стал моим оберегом...» — признаётся Сати. Прочитав эти строки, я вдруг почувствовала, что автор — абсолютно близкий и родной мне человек, хоть лично мы и незнакомы.

Но вернёмся к музыке и приведём один неожиданный пример «всепоглощающей музыкальности» данной книги. Сколько раз мы слышали про «физиков и лириков»! И про то, что «поверять алгеброй гармонию» не рекомендуется. Среди гостей Сати есть, казалось бы, абсолютный «физик» — доктор биологических наук, специалист по психолингвистике Татьяна Черниговская. «Черниговская — это вселенная!» — восклицает Сати. И заставляет эту вселенную зазвучать! Оказывается, что «математика и музыка — самые базовые, глубокие продукты и мозга, и сознания, и подсознания. Они не переводятся на другие языки». Так-то!

Разговор с Черниговской получился одним из самых ярких. Впрочем, воздержусь от каких бы то ни было сравнений. Буквально все герои книги — самые яркие! При всей исповедальности и дове-

рительности эта книга в первую очередь прикосновение, приобщение к великому. Можно сказать, что в итоге калейдоскоп портретов сливается в один — многомерный и полноценный — портрет «коллективной души» мировой культуры. А «нарисовал» его скромный художник, умело и чутко указывающий своей «кистью» путь туда, где скрыты невероятные сокровища человеческого духа.

У Ирины Антоновой (отныне она навсегда жива на страницах этой книги) Сати спросила: «А с кем из живописцев у вас ассоциируется Малер?» И Ирина Александровна сравнивает композитора с графическим творчеством Матисса. Вот как раз в связи с подобной «игрой в ассоциации» хотелось бы вновь вспомнить цикл Листа и обратить внимание читателя на саундтрек в конце каждой главы-диалога. Сати скромно сообщает в предисловии, что это «оригинальная идея книги: перечень музыкальных сочинений, упоминающихся и звучащих в программах. Таким образом, читатели при желании могут легко отыскать их и послушать, составив портрет героя, сложенный из его музыкальных предпочтений». Позволим себе расширить смысловую нагрузку саундтреков. Это не только, вернее, не столько музыкальные предпочтения героев. Это именно тот самый пресловутый музыкальный портрет; определённая музыка, которая ассоциируется с конкретным человеком на том самом тонком уровне, что и Малер с Матиссом.

Мария Залеская

26 КИНОМЕХАНИКА

ПИСАТЕЛЬ И КИНО

Оукливание сказочника

В Сети появился фильм об Эдуарде Успенском – художественно-документальная лента «Это Эдик. Сказка о подаренном и украденном детстве» – не первый документальный проект автора сценария Романа Супера и режиссёра Ивана Проскурякова, но первый, посвящённый писателю. И не простому писателю, а детскому – создателю сказок Эдуарду Николаевичу Успенскому.

Участвуют в фильме люди, хорошо знавшие писателя (от Юрия Энтина и Григория Остера до Валентина Юмашева и финского биографа Эдуарда Николаевича Ханну Мякеля), и ещё кукла писателя, говорящая его голосом и меняющаяся со временем, как портрет Дориана Грея. Задействована богатейшая фото- и видеогалерея из архива Успенского и много других источников. С их помощью воссоздан образ человека с самого его рождения в 1937 году и до кончины в 2018-м. Каким же предста-

лет, ухитрился безнаказанно переквалифицироваться в успешного писателя-сатирика – написанные им совместно с Феликсом Камовым юморески исполняли ведущие эстрадные артисты СССР. Довольно скоро он преобразился в крайне успешного детского писателя, много работал на радио и телевидении («Радионяня», «АБВГДейка»). Кровавый режим довёл писателя до того, что он стал художественным руководителем в творческом объединении «Экран» и вывел множество талантливых мультипликаторов на высокую творческую орбиту. Благодаря созданным ими мультяшным героям Успенский прославился на всю страну. Крокодил Гена и кот Матроскин встали вровень с бессмертными персонажами Корнея Чуковского, тоже ненавидевшего тоталитаризм, и Сергея Михалкова, которого вместе с Анатолием Алексиним, Агнией Барто и Самуилом Маршакон ненавидел Успенский. В удушающей атмосфере этой взаимной ненависти Успенский публиковал свои сказки по всему миру! И дожил-таки до светлого будущего, когда

Советский Союз рухнул, и писатель наконец сказочно разбогател. Эдуард Николаевич мечтал вместе с Горбачёвым и Ельциным переделать плохого советского человека в хорошего антисоветского. И стал писать соответствующие сказки. Но проклятый коммунизм так ненавидел писателя, что достал его и при капитализме, отняв у него дар художника, зато сильно развив тягу к алкоголизму и сутяжничеству. До такой степени, что писатель отобрал права на Чебурашку у нарисовавшего его Леонида Шварцмана (наверное, потому, что этот замечательный художник внешне очень похож на кубинского диктатора Фиделя Кастро)...

В общем, получился портрет крайне неприятного, злобного стяжателя, противоположного добрым героям Успенского. Не знаю, ставили ли авторы перед собой такую задачу, снимая этот фильм (он маркирован 18+, и правильно, о детском писателе часто говорилось в лексике Дудя), но она выполнена. Эдуард Николаевич был очень сложным человеком, но подобного оукливания вряд ли заслуживает.

Александр Кондрашов

Кадр из фильма об Успенском

ёт выдающийся сказочник в этом пристрастном повествовании?

В пересказе мы не сильно стесним и смешаем краски. Итак, Успенского так изуверила советская власть, что, родившись в семье партийного работника, мальчик никого не любил (его тоже никто не любил и кормили впроголодь). Особенно он не любил детей, и именно поэтому, наверное, он стал успешным детским писателем. Тоталитарная власть, которую писатель ненавидел, не любила его до такой степени, что, получив высшее образование в престижном МАИ, Эдик стал звездой тамашней самодеятельности. А проработав инженером несколько

СЕРИАЛ

Константин Богомолов в роли психотерапевта

«Псих» как зеркало состояния душ

Фёдор Бондарчук и Паулина Андреева дополнили свой брачный союз профессиональным

В СССР психоанализ с конца 20-х годов XX века попал под негласный запрет: копание в душах стало считаться «буржуазным психоложеством», глубоко чуждым пролетариату, который коммунистическая партия вооружила единственно верным материалистическим учением, согласно которому душа есть совокупность условных рефлексов. К тому же советскому человеку было страшно открыть её кому-нибудь – вдруг найдёт такое, за что родная власть не погладит, а поставит в угол, на всякий случай огороженный колючей проволокой. Поэтому едва ли не единственным местом в советских фильмах, где выкладывали изнутри всё, что там было и чего не бывало, являлся кабинет следователя.

Со времени распада коммунистической империи ситуация стала меняться, и психические явления стали попадать в поле зрения отечественных режиссёров, однако за последние 30 лет не набралось и десятка приметных картин, в которых действуют психологи, психотерапевты или психиатры, и нет ни одного фильма класса «Аритмии» Бориса Хлебникова, рассказывающего о врачах скорой помощи. Но вот в нынешнем году наш кинематограф, словно почуяв нервозно-неврозный запах карантина, произвёл сразу три: фильм «Гипноз» Валерия Тодоровского и два сериала – «Триггер» Дмитрия Тюркина и «Псих» Фёдора Бондарчука, о котором пойдёт речь.

Бондарчука-режиссёра широкая публика знает как постановщика блокбастеров, хотя в его фильмографии есть не менее интересные, но относительно камерные картины. К их числу принадлежит и «Псих», хотя он периодически выходит из столичных квартир и офисов в открытое пространство. Однако инерция восприятия оказалась такой, что зрители, ожидавшие размашистого действия, без энтузиазма встретили экранные интерьеры, в которых герои решают сугубо личные проблемы, а другие, некогда сопереживавшие героям мексиканских сериалов уровня «Богатые тоже плачут», нашли в «Психе» демонстрацию пренебрежения, презрения к бедным

и сосредоточенность на никчёмных переживаниях московской элиты.

Сценарий «Психа» написала Паулина Андреева, имеющая немалый актёрский ТВ-опыт, но впервые выступившая в роли теледраматурга. Главным героем она сделала успешного психолога, что естественным образом вовлекло в сюжет его знакомых и клиентов, и придумала ему внутреннюю драму с сопутствующим нервным расстройством из-за внезапного исчезновения жены (привет Дэвиду Финчеру). Чем поймала на крючок всех, кому интересно, как закончатся обе линии – пропавшей супруги и утраченного смысла жизни.

На роль Психа Бондарчук выбрал своего коллегу, известного режиссёра Константина Богомолова, и не ошибся – тот, будучи оригинальным персонажем кинотеатрального сообщества, придал экстравагантные черты своему герою: в его исполнении Олег совсем не похож на ходячее представление о психологе как о вальсующем мэтре с рентгеновским взглядом и успокаивающими манерами. У него иной вид: развевающийся плащ с капюшоном, привычка ездить на самокате, нервическая реакция и резкие, хотя профессионально точные оценки, которые он раздаёт в диалогах с окружающими. С властной матерью-сексологом Киной (Роза Хайруллина), чьё обращение

с сыном отчасти объясняет его характер, и любовником матери Николаем Степановичем (Владимир Симонов). С подружкой Верой – Елена Лядова виртуозно играет лгунью и притворщицу с переходами от наглости к лицемерной покорности и обратно. С богатым клиентом Артёмом, боящимся признать свою гомосексуальность (весьма неожиданная роль обычно жовиального Игоря Верника), и его женой Сашей (Марина Александрова), не понимающей, что с ними происходит. С недалёкой клиенткой Леной (Анна Чиповская), которой Олег открывает действительные мотивы её поведения. Со своим куратором и супервизором Игорем (Олег Меньшиков), с которым ведёт поединок, и другими проблемными героями. Но выразить душу может лишь с куклой из магазина принадлежности для секса, подаренной ему матерью взамен потерянной жены и оживающей в его воображении.

Правда, в стремлении обострить действие авторы подчас заходят чересчур далеко – какими бы психами ни были Олег и его матушка, трудно поверить, что бывалый психолог способен напиться до того, чтобы выпадать в отключку во время публичного выступления, а профессора – закатить дикий скандал своему сожителю и коллеге на глазах у студентов. Но в целом режиссёр уверенно рулит повествованием, чередуя сцены, происходящие в разных местах с разными героями, одновременно поддерживая напряжение и давая зрителю расслабиться в эпизодах, где бежит звуковая дорожка, в которой соседствуют Елена Камбурова, Татьяна Анциферова, «БИ-2», «Блестящие», Коля Мягкий и ещё ряд исполнителей. Остаётся досмотреть до конца в надежде, что он будет не слабее начала.

Виктор Матизен

СПОРТИВНЫЙ РАКУРС

Какая боль!

О трёх несчастных вечерах перед экраном

Для тех, кто следит за российским футболом, этих вечеров набралось очень много. Поговорим о последних, наиболее «ярких». Футбольные эксперты (хочется взять это слово в кавычки), возможно, найдут ускользающе тонкие плюсы в футболе РФ. Эксперты, как пионеры, всегда и на всё готовы. У автора сих строк твёрдое убеждение: футбол — зрелищный вид и судить о нём должен зритель, а не «эксперты».

На днях Пятый канал ТВ показал длиннющий сериал «Обратная сторона Луны», в котором герой из XXI века попадает в 70-е советские годы. Он навещает бывшего футболиста, и между ними происходит такой диалог.

— Денег нет, вот приходится пропивать кубок, — жалуется футболист, — играл, играл, а на хорошую жизнь не наиграл.

— Будут для футболистов отличные времена, будут миллионы бабок, будут бары, бабы, рестораны, — отвечает поживший в XXI веке.

— Так это будет не футбол, а фуфло. Футболом нужно жить, а не фуфло гонять по полю!

Мы с вами, дорогой болельщик, живём в этом вождённом XXI веке, в котором скандально известный футболист Дзюба из «Зенита» получает в год зарплату 3,5 млн евро (за месяц 20 млн рублей). К 90-й минуте любого матча он еле ноги волочит, но вместо того, чтобы бегать кроссы, наращивая выносливость, тратит свои силы на занятия с б... И, видимо, он не одинок в команде, так как в пяти матчах Лиги чемпионов УЕФА «Зенит» набрал одно (!) очко из 15 возможных. Этот клуб входит в двадчатку самых богатых клубов планеты. Планеты!!! Шеф-клуба — «Газпром» (между прочим, «национальное достояние» страны) способен ничтоже сумняшеся купить бразильского полузащитника Малкома за 40 млн евро. Силён ли тот? Вряд ли, ибо за всю свою карьеру (она, правда,

недолга) он забивал по одному голу в пяти (5) сыгранных матчах. Эффективность 20%. Помолчим...

И устали, как заворожённые, в телеэкран и смотрим до часу ночи, и... Какая боль, какая боль: «Брюгге» — «Зенит» — три ноль, три ноль».

Что мы увидели за все три вечера в исполнении российских команд: «Зенита», «Локомотива», «Краснодара», ЦСКА? 1. Когда надо бить по воротам, отдаём пас. 2. Когда надо пасовать, бьём выше ворот на пять-шесть метров или в сторону от ворот на те же метры. 3. С ходу бить по воротам не может никто из игроков. Пока мяч обрабатывается, тут же подскакивает защитник противника и удар блокируется. 4. Физическая подготовка чрезвычайно слаба, потому игроки не открываются, а стоят на месте в окружении чужих игроков; потому из-за дрожи в коленках пропускают на последних минутах. 5. Точный пас в одно касание — недостижимая мечта игроков наших команд. 6. Обводка — самое слабое место. Даже на чемпионате мира — 2018 по показателю обводки российская сборная на предпоследнем месте, хотя считается этот ЧМ для нас удачным. 7. Игроки плохо видят поле: пас отдаётся, как правило, близко стоящему игроку, а не на ход партнёру. 8. Вратари разучились намертво ловить мяч: чаще его отбивают. 9. Из-за пределов штрафной площадки почти никто из нападающих не решается бить по воротам. 10. Фолят в безобидной ситуации, из-за чего получают пенальти. Пример Кузнецова в игре с «Брюгге». 11. Частую откидку мяча вратарю, даже проигрывая в счёте, можно объяснить преждевременной усталостью игроков, мечтающих передохнуть.

Помню, как наши великие комментаторы (Синяевский, Николай Озеров, Маслаченко) жёстко критиковали игроков за пасы поперёк поля или назад. 12. Бегают медленнее соперников. На этой ноте и закончу перечень недостатков, хотя его можно продолжить. Итог? Безволь-

От Малкома ждали большего

ные проигрыши! Только «Краснодару» удалось вымучить победу со счётом 1:0.

Результат работы главного тренера «Зенита» Семака, получающего в год «зряплату» около трёх миллионов евро, таков: в пяти матчах лиги чемпионов УЕФА забито 3 (три) мяча, а пропущено 11 (одиннадцать). И обратите внимание — это случается второй год подряд. При том при всём он жалуется, что у «Зенита» короткая скамейка, то есть недостаток классных футболистов. Это он говорит об игроках, получающих в среднем около двух миллионов евро в год. Замечу, что средняя зарплата футболистов «Брюгге», которые выиграли три ноль, составляет 381 тыс. евро, то есть в пять раз меньше. У кого совести нет, я думаю, ясно.

И о работе канала «Матч ТВ», которому исполнилось пять лет и которого с придыханием все футбольные и иные спортивные чиновники поздравляли. Приёмы околотуфбольной работы канала таковы. За целый час до каждой игры наших команд (в том числе и сборной) в студии собираются эксперты, и ведущий их расспрашивает (целый час!): «А выиграют ли наши?» Эксперты заклинаят: «Да, надо выигрывать, иначе... нам выход из группы не светит, иначе...» И мусолят, мусолят. Легко болтать о счастливом будущем до игры и захваливать наших игроков за несуществующие удачи или забитые случайно мячи. В перерыве между тай-

мами в течение пятнадцати (15) минут сплошная реклама. Не лучше бы экспертов опросить в это время по горячим следам, почему после первого тайма сборная России проигрывает Сербии ноль четыре?

Стоит послушать, как торжествующе-звонящим голосом диктор объявляет анонсы на предстоящие игры РПЛ (Российской премьер-лиги): «Пятого декабря исторический матч «Урал» — «Зенит». И ещё что-то в этом роде. Хотя, если вдуматься, футбольную историю в Европе нашим командам (да и сборной тоже) уже не сотворить! Хотя б оттянуться на наших чахлах замёрзших полях и послушать глубокомысленную невнятицу в программе «Тотальный футбол», которого у нас нет. Нет, недаром в названии РПЛ стоит слово «Тинькофф». Всё на продажу? И даже лигу?

Верно писал Высоцкий о профессионалах, а это весь современный российский спорт:

*Профессионалам по всяким каналам
То много, то мало — на банковский счёт,
А наши ребята (за ту же зарплату)
Уже пятикратно выходят вперёд.*

Помните, юные, о ком это он?

О советских хоккеистах-любителях, многократно выигрывавших золотые медали чемпионов мира и Олимпиад.

Михаил Чижов

СТАРЫЙ ТЕЛЕВИЗОР

Ананасная актинидия

В который раз смотрю фильм «Поезд идёт на восток» (режиссёр Юлий Райзман) и не перестаю удивляться волшебному виду искусства, которым в совершенстве владели наши кинематографисты. И ведь странно, не всех персонажей я принимаю: кто-то раздражает, что-то коробит. Не люблю сцену в вагоне-ресторане, когда все хором, под аккордеон, поют бодрую песню, которую исполняет сам композитор Хренников; недолюбиваю Зиночку с её резкими выходками и самоуверенностью. Но ведь слов из песни не выкинешь и человека не переделаешь, характеры в фильме живые и запоминающиеся. А какой красивый моряк — Леонид Галлис; какие задорные, азартные девчонки-трактористки, которые,

Лидия Драновская и Леонид Галлис

отработав по две смены, ночью пляшут под граммофонные пластинки. А бабушка на вокзале, а дед, который подвозит Зиночку на телеге? Слово

старые лица, которые ты давно знаешь. И когда старик говорит: «Молодой я был злой на девок!» — то глаза его горят, и так он поглядывает на Зи-

ночку, что дай ему только волю, он — ух!

Говорят, Сталину фильм не понравился, устав от просмотра, он спросил.

— Какая это станция?

— Демьяновка.

— Вот здесь я и сойду, — сказал Сталин и вышел из зала. А зря, ведь кроме любовной линии там есть очень интересные моменты, можно даже сказать — провидческие. Например, когда Зиночка, вчерашняя студентка сельскохозяйственной академии, рассказывает лётчику Василию, чем она будет заниматься на Дальнем Востоке: «А вы едали такую ягоду — актинидию ананасную?.. Мы ее скоро на всю Сибирь продвинем». Не знаю, видела ли актриса Лидия Драновская актинидию ананасную в жизни, но её героиня знала, о чём говорит.

И как бы она была удивлена, узнав, что сегодня эта ягода — родственница киви, которую в своё время вывел Мичурин, — продвинута до самой северной границы. Она проходит через Санкт-Петербург — Вологду — Киров — Пермь — Свердловск — Омск — Красноярск.

То есть по таким случайно обронённым фразам мы узнаём, чем дышали, о чём мечтали наши деды и прадеды.

И в связи с этим интересно, а смогут ли наши внуки и правнуки восстановить сегодняшнее время по тем фильмам, которые мы смотрим? Боюсь, что нет. Искусственность заменила настоящее искусство, исчезла душа, нормальная человеческая судьба. И это очень жаль.

Ирина Садовская

28 ОДНАЖДЫ С АЛИСОЙ ДАНШОХ

БИБЛИОСФЕРА

Долгая дорога в страну возрастных изменений

Продолжение публикации отрывков из новой книги Алисы Даншох

«Что пожуёшь, то и поживёшь»

(русская пословица)

Не успели мы и глазом моргнуть, как на вертящемся кругу в центре стола выставилась коллекция блюд с участием рисовой лапши, а у каждого участника застолья появилась возможность попробовать по чуть-чуть весь набор. Вместе с обилием лапши образовалась непредвиденная трудность: надо было исхитриться сначала перенести палочками еду из общей миски в свою личную, а потом донести добычу до рта, не потеряв её по дороге. Несмотря на мои всепоглощающие усилия по развитию мелкой моторики с помощью деревяшек, человеку за соседним столом удалось привлечь моё внимание. Держа обеими руками миску на небольшом расстоянии от рта, он с лихим поспешиванием втягивал в себя её содержимое. Расправившись с первой миской, он принялся за следующую, полностью изменив тактику. Теперь его левая рука служила подставкой для миски возле ротового отверстия, а палочками в правой руке он с невероятной скоростью забрасывал в себя кусочки мяса, скорее всего свиные, в кисло-сладком соусе. Громкое чавканье гражданина КНР походило на своеобразный музыкальный аккомпанемент обеда и выражало глубокое желудочное удовлетворение.

С трудом оторвав взгляд от колоритного укротителя мисок, я сосредоточилась на жареной лапше и получила удовольствие, ибо люблю с детства макаронные изделия. Замечу, что рисовая мука ничуть не хуже пшеничной, кстати, её в Китае производится немного. Сия злаковая культура произрастает в северных районах, и её на всех не хватает. Другое дело рис. Он здесь повсюду, и жизнь без него невозможна. На юге урожай получают дважды в год, а на севере — один. Однако северяне считают, что их рис лучше, и едят только свой, мол, он калорийнее и вкуснее. Некоторые до сих пор едят рис три раза на дню, и он им не надоедает. Впрочем, не рисом единым жив китайский человек. Соя, бобы, грибы, баклажаны, огурцы, всевозможная зелень и травы, капуста, орехи, специи, морепродукты, озёрно-речная рыба, свинина, баранина, говядина, курятина, утка, яйца, яблоки, груши, личи, мандарины, бананы — всё это не только присутствует в ресторанных меню, но и встречается на рынках.

Кулинарные рецепты меняются от провинции к провинции, поражают разнообразием и непривычностью. Чем ближе к югу, тем еда острее и экзотичнее. Увы, моя склонность к аллергии и консервативность не позволили продегустировать ни тухлые яйца, ни обезьяньи мозги, ни жареную саранчу. Тем не менее я пыталась расширить пищевые горизонты, пробуя всякое разное. Наша симпатичная сопровождающая Марашен всячески мне в этом помогала. Она, в частности, дала понять, что без

Китайская скатерть-самобранка

дегустации хрустящей утки знакомство с Китаем будет неполным, и пояснила: утка — птица культовая, она соединяет небо и землю, да ещё и плавает. Иными словами, в ней встретились два начала — женское земное «инь» и мужское небесное «ян». А ежели копнуть глубже, это ещё означает светлое и тёмное, плохое и хорошее, позитивное и отрицательное в одном живом существе. В отличие от христианства в Поднебесной добро и зло не противопоставляются, у них здесь общий корень, по жизни они двигаются рядом и друг без друга обходиться не в состоянии. Ореол глубокого философского смысла не отразился на вкусе тёмного утиного мяса с жирной хрустящей корочкой, зажёванного в тончайшие рисовые блинчики вместе со свежим огурцом, с белой частью лука порея и со сладковатым соусом. Утка как утка, суховатая, с привкусом травы и специализированной тины, высококалорийная и неважнецки усвояемая. Оно нам нужно?..

Визит на рыбный рынок произвёл на меня куда более сильное впечатление. На обширной территории вокруг длинного двустороннего ряда с живой рыбой и морепродуктами в аквариумах, облепленного овощными и прочими лавчонками, расположились многочисленные ресторанчики. Их так много, что понадобятся сотни людей, дабы их заполнить. Так что заранее резервировать места нет надобности. Сначала с корзинкой в руках вы прогуливаетесь вдоль нескончаемого морского изобилия, рассматривая товар. Очень быстро вы убеждаетесь, что у всех продавцов одинаковый ассортимент с одинаковой ценой. Временные обитатели аквариумов прибыли на рынок из недр Тихого океана. Выбор их огромен, но кто они такие и вкусны ли, вам неизвестно. Единственное, в чём вы можете быть уверены, так это только в том, что свежие, ибо все они живы и плавают, или ползают, или шевелятся. Наконец, вы предпочли правого омара левому, этого морского огурца соседнему, а эта пятнистая рыбка оказалась резвее других. Ваш улов вытаскен, взвешен, оплачен,

и с ним вы направляетесь в ресторанчик шаговой доступности, прихватив по дороге свежих овощей, салата и зелени. Если с вами нет переводчика, то с огромным трудом вы попытаетесь объяснить почти не говорящему по-английски служащему заведения, как вам приготовить принесённое: жарить ли, варить ли, на пару ли, в масле или в кляре и т.д. Взяв этот барьер, вы облегчённо вздыхаете, усаживаетесь за круглый стол и в ожидании еды начинаете выпивать купленные тут же на рынке пиво, воду, коку или через трубочку — свежее кокосовое молоко прямо из долбанутого молотком ореха.

Отдаю должное поварам — готовят они быстро. Чик-чик, и всё почищено и порезано. Ещё мгновение, и что-то шкварчит на сковороде, что-то кипит в масле, что-то булькает в кастрюльке. Овощи без масла теряют объём на плоской горячей плите. Салат из битых огурцов уложен в миску. Рис распределен по индивидуальным тарелкам. За раскрытыми морскими ежами в сыром виде на стол потянулись прихваченные глубинные гады в кляре. Глядь, подошел и омар в собственном панцире, а там и незнакомка на пару из семейства рыбных. Всё вкусно, и даже очень...

Целую неделю под руководством Марашен я пыталась питаться как среднестатистический, не слишком

стеснённый в средствах житель Поднебесной. Подобно миллионам китайцев, я начинала утро с супа. Ресторан отеля, где проходил эксперимент, предлагал несколько вариантов. Выглядело это следующим образом: из трёх разновидностей бульонов — рыбного, мясного, овощного — выбирался тот, который на текущий момент соответствовал желанию организма. Затем в миску с прозрачным отваром закладывались наполнители: кусочки рыбы, или мяса, или птицы, грибы, зелень, лапша, рис, варёные овощи и нечто сушёное и неизвестное. Любой эксперимент с начинкой заканчивался созданием нового супа. Я отдавала предпочтение овощному набору с добавкой риса или лапши и каплей соевого соуса вместо соли, ибо она в чистом виде в готовке не участвует. Зато соусы и специи трансформируют совершенно безвкусные, на наш европейский взгляд, вещи в нечто очень интересное. Они способны изменить первоначальную суть блюда и превратить вкус мяса в привкус рыбы, например. Если местные ограничивают завтрак супом, который сначала выпивают, а потом палочками выгребают содержимое, то я прибавляла несколько дим-самов. Они похожи на наши пельмени, только тесто из рисовой муки и готовят их на пару. Начинка может быть разная: мясо, морепродукты или овощи.

Завтрак я ничем не запивала, считая, что ни к чему разбавлять жидкий суп чаем. Традиционным китайским напитком я наслаждалась между трапезами, как и положено по чайным правилам. Чаепитие сопровождалось беседой с Марашен. Она отвечала на мои бесконечные вопросы на очень правильном русском, что всякий раз меня приятно поражало, и я с удовольствием делала ей комплименты. Конечно, я спросила, как ей удалось справиться с нашим великим и могучим языком, говорить на нём почти без акцента и без ошибок. Оказалось, что в возрасте шести лет она попала в государственную программу, цель которой — с раннего возраста выявлять способных детей для последующего воспитания из них национальной элиты. Прямо-таки как во времена Конфуция, когда из одарённых мальчиков формировали привилегированный класс государственных чиновников. Они писали законы, помогали императору управлять страной и вершить правосудие. Часто, уйдя в отставку или отправившись в ссылку, они становились поэтами и философами. Именно так случилось и с Конфуцием. Сегодня феминизация эмансипацией добралась и до Китая, так что девочки — серьёзная конкуренция сильному полу. Подающих надежды детишек совершенно бесплатно обучают лучшие педагоги и в школе, и в университете. На основании достигнутых результатов их направляют на стажировки и дают рекомендации для поступления на престижную работу в самых разных сферах деятельности. Ежели со способностями не ахти как, а учиться хочется, то плати денежку и получай знания.

В последние годы поток китайских студентов за границу сократился. Нынче в целях экономии средств специалистов и профессоров приглашают на месте ковать квалифицированные кадры. Нашей Марашен повезло:

”
Не стесняйтесь
беседовать с собственным
телом, подружитесь
с ним. Не жалейте
себя до изнеможения,
когда ищете утешения
от повседневных
невзгод во вкусеньком
и алкогольненьком.

она два года отучилась в Петербурге, очень прониклась русской культурой и стала отменным переводчиком. К некоторому неудовольствию других членов делегации, я её практически монополизировала, мотивируя своё поведение необходимостью написания правдивого отчёта о поездке. Марашен была моим главным консультантом по бытовым вопросам. На острове Хайнань я спрашивала:

— Зачем сюда приезжают внутренние туристы, если они не ходят на пляж и не купаются в море?

Оказывается, в подавляющем большинстве китайцы не умеют плавать, а загорать считается вредным. Однако в бархатный сезон стало весьма престижно появляться на курортах, это своеобразная демонстрация достигнутого благосостояния. Отели забиты своими, и они ведут себя так, словно, кроме них, там никого нет. Иногда казалось, что они сейчас пройдут сквозь меня, громко щебеча и смеясь.

Окончательно вытеснить иностранцев из курортных зон китайцам пока не удалось. Немногочисленные группки соотечественников в утренние и дневные часы вольготно себя чувствуют на чистейших и совершенно пустынных пляжах. Китайки в это время, увенчанные шляпами и закутанные с ног до головы в просторные одежды, прячутся где-то в тени у огромного бассейна или распивают чай с домочадцами в беседках. Лишь мужское и детское население, обязательно с покрытой головой, время от времени с громкими криками бултыхается в прозрачной и сильно хлорированной воде бассейна. При этом все они поголовно носят на себе полный комплект надувных спасательных средств.

Несколько раз я пыталась без помощи Марашен вступить в лингвистические контакты с местными гражданами. Они с ужасом на меня смотрели, а некоторые даже шарахались как от прокажённой. Объяснение было простым: никто, включая обслуживающий персонал, иностранными языками не владеет, за редчайшим исключением. Поговаривают, что партия с правительством готовят специальный указ о принудительном изучении английского, но это из области слухов. Впрочем, кто знает, ведь, чтобы завоевать весь мир, китайскому человеку надо знать противника не только в лицо. Со своей стороны, мы осознали угрозу и готовимся к китайской экспансии. Вся Европа вместе с нами вовсю пользуется товарами made in China и в последние годы ввела в моду изучение китайского языка. Наша общая граница с Поднебесной задолго до наступления эры политкорректности подсказала шутникам строчку песни: «Лица жёлтые над городом кружатся!» Нам, русским, не придётся даже привыкать к еде, и доказательством тому служат пельмени. Мы горделиво выдаём их за национальное достояние, пришедшее к нам из Сибири, сознательно игнорируя тот факт, что туда-то они попали из Поднебесной.

И до поездки на родину Конфуция, зонтиков и чая я с удовольствием посещала китайские рестораны. В конце двадцатого века они, как грибы в благоприятную погоду, выросли в изобилии по всему свету и пользовались популярностью, пока их серьёзно не потеснили японцы. Китайская еда, по сути, может рассматриваться как вариант фастфуда, и в ней предостаточно малополезных вещей. Ох, как вредит организму всё, что жарится в кипящем масле: хрустящие ролы, креветки в кляре, те же пельмени... Зато нет хлеба, минимум соли, почти отсутствуют алкоголь и сладкое. Не найдёте вы ни сыра, ни кисломолочного. Возможно, из-за отсутствия столь привычных нам продуктов в Под-

небесной реже бросаются в глаза люди с излишним весом. За месяц я встретила только одну очень толстую молодую женщину, её избыточные килограммы объяснялись учёбой в Америке и едой в «Макдоналдсе».

Увы, современная китайская молодёжь идёт по нашим советским стопам и, как и мы когда-то, хочет западного, запретного и неведомого. Если не каждому сегодня доступно примерить на себя чужой образ жизни и шмотки, то хлебнуть коки и сжевать бургер с картофелем фри может практически любой. Самый продвинутый и модный молодец гнездится в Шанхае, и выглядит он странновато. Его представителям лет двадцать и чуть поболее, они крупные и рослые, видать, хорошо и неправильно питаются с детства. Хотя одеты они в вещевые комбинации от ведущих мировых брендов, смотрится их одежда чудно: всё кажется, что это фейк с пышным налётом местного гламура. И едят они исключительно американизированную гадость. А жаль, ведь они задают тон в молодёжных кругах и, естественно, не думают о последствиях. Как им объяснить, что своё — разумнее, рациональнее, вкуснее и в тысячу раз полезнее и нужнее, чем иностранная еда, неправильно влияющая на растущий организм. И куда только смотрит партийное руководство! Написав эти строчки, я вспомнила высказывание Конфуция: «Прежде чем пенять соседа за снег на пороге, убери его со своей крыши». Я устыдилась и строго себе сказала: «Алиса, ты бы лучше волновалась за перекуримленных бигмаками отечественных тинейджеров». Так ведь я же волнуясь! Я запрещаю своим племянникам и внукам даже смотреть в сторону фастфудовых заведений. Исключение делается только для пиццы, она всё же не столь вредна, как булка с пережаренной котлетой из сомнительного мяса, да ещё с кетчупом и майонезом.

Как известно, пицца появилась на итальянском юге, где повсюду растут лимоны, где много-много помидоров и малоимущих людей. Они-то и придумали смешать воду с мукой, солью, дрожжами или содой, а через несколько часов раскатать в лепёшку, уложить на неё нарезанные томаты, базилик, немного сыра и засунуть ненадолго в печь-духовку. Быстро, дёшево и сердито. Пицца вместе с южными итальянцами разлетелась по миру, меняя начинку от региона к региону, от страны к стране. Каждый норовит придумать и прибавить к ней что-нибудь от себя. Mamma mia! Сколько наименований пиццы! Всё зависит от продуктов, на неё уложенных: с такой колбасой, с другой колбасой, с ветчиной, оливками, грибами, артишоками, с трюфелями, ананасом, грушей, с креветками и т.д. Однако одной из самых популярных остаётся пицца «Маргарита» из четырёх разных сортов сыра с минимальным присутствием помидоро, что означает «золотое яблоко», от которого и произошёл наш отечественный «помидор». Что касается меня, то я отдаю предпочтение сочетанию нежной сладковатой груши с острым солоноватым сыром горгонзолой. Получается пикантно и сытно, а из-за отсутствия яиц и масла кажется и безобидным.

Итальянскую пиццу можно рассматривать как разновидность нашего отечественного пирога во время поста в дореволюционные времена. Тоже простое тесто, только с двумя лепёшками — одна снизу, другая сверху, а между ними начинка по вкусу членов семьи. Каждый из едоков получает свою часть от общего пирога, с чем зазывал: с морковью, капустой, картошкой, грибами, репой, горохом... И так изо дня в день все недели поста. О подобных пирогах я только

читала, потому что в нашей семье церковные пищевые ограничения не принимались во внимание. Война, жизнь по карточкам, лимитированные материальные возможности и существовавший в стране дефицит успешно воспитывали в моих родственниках и во мне силу духа и воли без религиозных установок. Во время учёбы в идеологическом вузе из курса научного атеизма я узнала, что строгое соблюдение поста в первую очередь диктовалось экономическими соображениями.

Весной ослабленный отсутствием пастбищ организм коровы и прочей скотины не мог одновременно прокормить и собственное потомство, и человека. В такой непростой ситуации простой семинедельный Великий пост всемерно облегчал непростую задачу продовольственной экономики, а заодно предоставлял верующим возможность продемонстрировать собственную стойкость и уважение к законам всемогущего Творца. Мне кажется, что один очень важный момент церковью всё же был упущен. Она не прописала чётких правил по выходу человека из полуторамесячного периода суровых запретов. Хочу пояснить свою точку зрения.

В течение длительного времени организм подвергается стрессу. Сначала его в один момент лишают целого ряда

часто попадаем в ловушку, расставленную рекламой, желанием похудеть или омолодиться. Мы слишком часто травмируем собственный организм попыткой получить удовлетворение желудочным путём. Мы позволяем себе пить и есть всё, что душе вздумается. Иногда мы таким образом жалеем себя или, ещё хуже, думаем, что завтра не будет материальной возможности позволить себе вкусенько-вредненько-приятненькое. Этакое удовольствие впрок. Мы даже не подозреваем, что травма наносится как недостаточным питанием, так и чрезмерно обильным и очень часто ошибочным выбором продуктов.

Вы вправе спросить, дорогой читатель:

— Позвольте, Алиса, вы заявляете, что и пост, и диета одинаково вредны для нашего организма, который вы наделяете странной автономией. Вы предлагаете вести с ним переговоры и постоянно искать компромисс. Это что же получается, мы больше не хозяева в собственном доме? Не слишком ли много вы себе позволяете и на себя берёте, автор?

— Дорогие друзья, всего-навсего я беру на себя смелость привлечь ваше внимание к некоторым проблемам здоровья, связанным с питанием. Я пытаюсь вам сказать, что их реше-

Пицца — единственный фастфуд, который всё-таки можно есть

привычных элементов, а затем на него обрушивают всю мощь продовольственного изобилия. Радость разговевшегося от съестной вседозволенности меркнет перед паникой, охватившей его поджелудочную, печень и пищеварительный тракт. Они не в состоянии справиться ни с объёмом, ни с калорийностью потребляемого в праздники, что приводит к разного рода неприятностям типа колик, несварения, заворота кишок, обострения язвы и прочего. Если вы накормите измождённого долгим голодом человека жирными блинами с икрой и сметаной, то он вместо счастья и благодарности может помереть, как случилось в рассказе Лескова «Железная воля». Так ведь объедальки после поста — это то же самое. Ну ладно, умер посторонний субъект, а себе-то за что хотите навредить? Строго говоря, пост ничем не отличается от добровольно выбранных диет. И те и другие раскачивают и дезориентируют организм. Поймите меня правильно: я приветствую воздержание как пищевое, так и всяческое другое, когда оно становится методом исправления ошибок и превращается в залог будущего здоровья. По собственной неосведомлённости, неразумности и недалёковидности мы

ние целиком и полностью зависит от вас, от ваших знаний о самом себе, от всеильного желания быть здоровым или хотя бы избежать некоторых опасностей на дороге возрастных изменений. Не бойтесь узнать, что с вами не так. Подумайте о сбалансированности и умеренности питания. Не стесняйтесь беседовать с собственным телом, подружитесь с ним. Не жалейте себя до изнеможения, когда ищете утешения от повседневных невзгод во вкусеньком и алкогольненьком.

Почему бы нам не прислушаться к народной мудрости, проверенной временем? Например, наш народ пришёл к выводу, что

*Где пиры да чай,
Там и немочи.*

А каталонцы, до того как обеспокоились идеей о независимости и отделении от Испании, посоветовали:

*Ешь хорошо и какай сильно,
Тогда смерть будет бессильна.*

(Старинная каталонская пословица)

Приятного аппетита! Но будьте бдительны! ■

30 СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Легендарные Черепановы

Отец и сын стали создателями первого русского паровоза

Наш первый поезд как минимум на три года старше первой государственной железной дороги. И промышленные грузы русская «чугунка» начала перевозить гораздо раньше, чем пассажиров. А создавали первую паровую машину, которая начала курсировать по ней, настоящие самородки – Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович Черепановы, отец и сын.

Они были потомственными крепостными крестьянами, хотя уже отец Ефима Черепанова не сеял хлеб, а трудился рабочим на одном из демиловских уральских заводов. Будучи признанными мастерами, они оставались в крепостной зависимости от хозяев. Ефим Черепанов проявил талант мастерового ещё мальчишкой. Когда один из опытных мастеров выбросил негодный замок – он подобрал его и ловко починил. Мастера обратили внимание на парня – золотые руки. Немного подучившись, он стал «мастером слесарных дел при плотинном смотрителе». Это означало, что он участвовал в производстве заводских механизмов. В 1810-х Ефиму Алексеевичу удалось открыть при Выйском заводе специальный цех для ремонта и изготовления разнообразных механизмов для всех тагильских предприятий. Ему во всех делах уже помогал сын Мирон. Отец научил того черчению, арифметике и грамоте, приобщил к механике.

К 1820 году на счету Черепанова-старшего имелось немало изобретений: он с помощью сына Мирона создал две первые паровые машины русской конструкции, приводившие в движение мельницу и токарный станок. Через десять лет главным механиком уральских заводов уже считался Мирон Черепанов.

После успешных испытаний чудесной паровой техники, которую создавали Черепановы, их хозяин – Николай Демидов – принял решение отправить своего самого опытного механика в Англию для изучения особенностей производства и применения паровых машин. Ефим Алексеевич побывал в Лондоне и в Лидсе, на угольных копях. Британцы держали в тайне многие технические секреты и не давали русским бородачам ознакомиться с чертежами. Но и зрительские впечатления значили много: именно там наш мастер впервые увидел паровую машину, которая шла по рельсам и перевозила грузы. Русский самородок так описал эту диковинку: «Смотрел паровую машину Меррея. Машина зело диковинна, но для нас она негожа по той причине, что аглицкие мастера хошь

Памятник Ефиму и Мирону Черепановым в Нижнем Тагиле

и скоры до дела, но машины их служат недолго, а потому часто стоят в ремонте». Он не случайно критиковал британских мастеров: Черепанов с помощью сына уже разрабатывал схему своей будущей рельсовой паровой машины, которую прозвали пароходом.

В 1833 году в Англии побывал и Мирон. Там он наблюдал в действии пассажирские и товарные паровозы – и, вернувшись домой, сразу принялся за создание отечественной пароходной машины, способной бегать по рельсам. Управляющий Медным рудником Нижнетагильских заводов Фотий Ильич Швецов – выходец из мастеровых – поддержал эту идею. Там и начали строить первое в нашей стране рельсовое полотно – от «чиста поля» до здания Выйского завода. Конечно, это была не государственная, а частная дорога длиной меньше километра, 400 сажень, 854 метров. К паровозу прицеплялся «фургон» и «приличная повозка для всякой поклажи или для пассажиров в числе 40 человек». Местные жители с удовольствием по праздникам катались в повозке, прицепленной к пароходу.

Для рельсов Черепановы предложили использовать чугун – он был и дешевле, и крепче железа. Они же предложили и ширину колеи – 1645 мм. Значительно шире

того, что Мирон Ефимович видел в Англии. Прежние русские конные чугунки были тоже гораздо уже. Для своего парохода Черепановы разработали оригинальный механизм обратного хода. Их первый пароход возил составы весом до 3,2 т со скоростью от 13 до 16 км/ч. Возил, конечно, на короткие расстояния, но регулярно. Запас горючего (древесного угля) и воды находился в «особом фургоне».

Вскоре Ефим и Мирон Черепановы разработали новую, значительно улучшенную версию своего сухопутного парохода. «Пароходный же второй делижанец уже совершенно отстройкою кончен», – говорилось в заводском рапорте в марте 1835 года. Этот экземпляр отличался большей надёжностью и мощностью – 43 лошадиные силы позволяли перевозить до 17 тонн грузов. Испытания прошли успешно, и для нового чуда российской техники построили железную дорогу, связавшую Выйский завод с Меднорудянским рудником, – около трёх вёрст. Пароход заработал вовсю – и действительно редко ломался. На руднике побывал цесаревич Александр Николаевич, путешествовавший по России и сохранивший восторженные впечатления об этой небольшой промышленной железной дороге. Правда, помогать Черепановым он не стал – даже не поинтересовался судьбой механиков. Власти твёрдо сделали ставку на импорт паровозов.

В честь черепановской чугунки одна из улиц Выйского посёлка с тех пор получила название Пароходной. За постройку этой дороги Мирону Черепанову в 1836 году дали вольную.

Россия стала первым «континентальным» европейским государством, разработавшим собственную модель паровоза,

а не импортировавшим технологию из Англии. Когда Черепановы узнали, что для строящейся дороги из Петербурга в Царское Село будут закуплены паровозы английского производства, – они приуныли. Это был удар по гордости изобретателей.

После смерти Черепановых на несколько десятилетий про них забыли. Память о самородках-механиках возродилась только в XX веке, когда историки и писатели заинтересовались историей заводов, историей русских изобретений. Тогда имя Черепановых и стало в России нарицательным – и это справедливо. Когда мы хотим похвалить изобретательный ум или точные руки мастерового – мы вспоминаем создателей первого русского паровоза. Несправедливо другое: Черепановых иногда ошибочно называют братьями. Это грустно.

И всё-таки мастеров-первопроходцев Россия не забыла и не забудет. Особенно сейчас, когда в наш язык вошло немного корявое, но необходимое слово: «импортозамещение». Государству нужно делеять, возвращать новых Черепановых – мастеров, изобретателей. И прославлять тех, кто стоял у истоков русских железных дорог. Они сделали первый шаг в создании современного транспорта. С Черепановых, с простых заводских мастеров, начиналась традиция, которую нельзя прерывать.

В Нижнем Тагиле есть памятник отцу и сыну Черепановым – замечательная скульптурная группа на высоком постаменте. Поклонимся им, самобытным изобретателям, творцам первого русского паровоза.

Арсений Замостьянов,
заместитель главного редактора журнала «Историк»

“
Россия стала
первым
«континентальным»
европейским
государством,
разработавшим
собственную модель
паровоза.
“

Первый отечественный паровоз Черепановых. Гравюра

75 ЛЕТ
1945-2020

Дороги Победы

Всё для фронта

Только за шесть месяцев 1941 года по железным дорогам перевезли 2,5 млн вагонов с боеприпасами, горючим, продовольствием. Дежурные и стрелочники под обстрелами обеспечивали вывод составов со станций.

Открытое акционерное общество
«Российские железные дороги»
www.rzd.ru

РЖД

32 КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

**Александр
Вулых**
Администратор

ЛЁД ТРОНУЛСЯ

Тихомиров и Алкосильфида

...На четвёртый день запоя, под вечер, темнота в одном из углов комнаты нехорошо заколебалась. Именно в эту точку Тихомиров уже полчаса смотрел остановившимся взглядом, ни о чём не думая и пребывая в том странном состоянии, когда ты вроде ещё не пьян, но уже не трезв. Угол стал светлеть, и там, в коконе голубого света, Тихомиров увидел девушку. Девушка стояла, едва касаясь босыми ступнями пола. Одетая она была в короткую белую тунику, типа тех, что носят юные богини будущего в советских научно-фантастических фильмах для детей.

Тихомиров сидел в кресле и не знал, окончательно ли ему сползти на пол или встать вставив тяжесть и отдать честь. И потому Тихомиров решил сидеть из последних сил, сохраняя британское спокойствие. Друзья рассказывали ему, что при приёме больших доз возможно возникновение пограничных состояний. «Ангел! — думал Тихомиров. — За мной пришёл! Пришла. Хорошенькая».

Девушка незримо колебалась и улыбалась, глядя на Тихомирова с лёгким укором. Так на своих мужей смотрят новоиспечённые жены на третий день свадьбы — когда родственники наконец ушли и лишь в воздухе продолжает витать дух безумного провинциального веселья.

— Тебе чего? — спросил Тихомиров, откашлявшись.

— Да ничего. Просто зашла на огонёк.

— Что, прям сквозь стену?

— Да, мимо планировала. Смотрю, одинокий мужчина скучает, я и материализовалась.

— А говорят, что к алкашам только черти являются. Врут, значит!

— Смотри что пить. Если «Чивас ригал», — она указала на литруху дорожущего вискаря, стоявшего на столике, — то это моя зона ответственности.

— Понятно. Ты прям такая голо... голографическая. Шкаф сквозь тебя видно. Как звать-то?

— Невредика. Я добрая алкосильфида. Элитная.

— Это обнадеживает. Я, очевидно, в представлении не нуждаюсь.

— Да, у нас там все ходы записаны.

— Где «там», можно уточнить?

— В тёмных подвалах компании Chivas Brothers, разумеется. В эмпиреях, по-вашему.

И тут у Тихомирова родилась гипотеза. Он вспомнил, что слово «спирт» как раз и происходит от латинского spiritus — «дух». Значит, в появлении фантома нет ничего удивительного. Он радостно потянулся к бутылке и налил себе.

— Будешь? — спросил он.

— Нет, я на работе не пью. Только сома расу. Слышал?

— Читал. Напиток бессмертия. Безалкогольный. Чем займёшься?

— Могу исполнить одно желание. Остались ещё желания?

— Да как сказать... Что, любое?

— В рамках приличий.

Тихомиров задумался. Попросить миллион долларов у девушки как-то неудобно. Это значит расписаться в собственном экзистенциальном бессилии. Может, ящик вискаря и квартирник Аланис Мориссетт? Других желаний в этот вечер не возникало.

— Я это... хочу бросить пить. И котёнка!

— Котёнка?

— Ну да. Хочу спасти какую-нибудь невинную душу.

— Не проблема! — сказала Невредика и уже решила было хлопнуть в ладоши и произвести иные магические манипуляции, но Тихомиров остановил её.

— Нет, подожди. Если я брошу пить, то больше тебя не увижу, — стал рассуждать он вслух. — А это интересный метафизический опыт. Мы

недообсудили квантовую сущность привидений. Тогда только котёнка!

— Жениться тебе надо, барин, а не котёнка! — хихикнула Невредика и так хлопнула в ладоши.

В голове у Тихомирова зашумело, закружилось, и он провалился в сладкое небытие.

Проснулся Тихомиров утром от громкого мяуканья. Рядом с диваном в коробке из-под кроссовок «Найк» сидел грязный блохастый котёнок и громко требовал к себе внимания.

— Мальчик! — сказал Тихомиров, перевернув котёнка вверх пузом.

— Тихомиров! — сказал котёнок.

— Пойдём, изгоним блох и дадим тебе молока!

«Мы в пивной у тёти Клавы, подходи! Тебя одного ждём!» — разразился сообщением пейджер.

«Занят, буду позже», — ответил Тихомиров и открыл холодильник. Рука машинально потянулась к пиву, но Тихомиров усилием воли задержал её и взял пакет с молоком.

Что-то мелькнуло в воздухе. Это лепесток из венка Невредики покружился перед окном и, подхваченный осенним ветром, скрылся в направлении пивной «У тёти Клавы». Тихомиров проводил его воспалённым взглядом, стяхнул с себя алкогольное наваждение и снова занялся котёнком. Было ясно, что у зверя начинается новая, сытая, полная радостных открытий жизнь...

**Андрей
Привалов**

НУ, ПОКА! ПИШИТЕ ПИСЬМА!

**Письмо Деда Мороза
Стиву Джобсу**

В этом году Дед Мороз
Получил много писем-угроз
В связи с тем, что резко возрос
У детей потребительский спрос

На всевозможные гаджеты.
«Стив Джобс, сука, ну и гад же ты! —
Пишет Дед Мороз Стиву Джобсу, —
А не пошёл бы ты под хвост псу

Со своим айфоном 4 джи!
Пять айфонов — в натуре джип!
По цене — как подержанный внедорожник!
Так что ты, там, будь осторожней,

А то ко мне в Великий Устюг
Обещают приехать, поставить утюг
И паяльный посох до самых почек.
И это пишет мне детский почерк!

Вам смешно, а мне страшно до жути —
Ведь девочка явно не шутит!
Мой рейтинг ещё никогда так не падал...
В меня перестанут верить без тридцати
миллионов айпадов,

Айфонов и макбуков-про...
От меня теперь нулевой прок —
Спасибо тебе, сукин Стив!!!
Если что, то за грубость прости,

Искренне твой, Дед Мороз.

P. S.

*А Снегурочка перешла от угроз
К нанесению тяжких*

телесных,

Называя меня бесполезным...

Олег Груз

ОТВЕТ ЕСТЬ ЭКВИВАЛЕНТ МЫСЛИ

Заразительное

*Стихи — история болезни.
А он, простите, не заразный?*
Станислав Ливинский

Мне от коллег всегда почёт,
Поэт я непростой, но видный.
Того, кто мой стишок прочтёт,
Предупреждаю: он ковидный!
Печален может быть итог,
Моим не доверяйтесь книгам, —
Прочтя десяток

с лишним строк,

Бегите на прививку мигом...

Евгений Минин

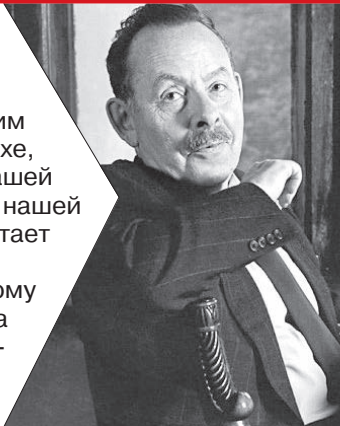

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Беседа с легендой отечественной эстрады Валерием Леонтьевым состоялась в Дубае, где он набирался сил и черпал вдохновение. Как выяснилось, даже для него, завсегдатая музыкально-театральных праздничных постановок, участие в публичной демонстрации новогодней солидарной радости — серьёзное испытание.

Рядом с Яковом Аркадьевичем Гординым чувствуешь себя пребывающим в достойной эпохе, он камертон нашей жизни, творец нашей Истории, — считает Валерий Попов. Писателю, главному редактору журнала «Звезда» Якову Гордину исполняется 85 лет.

20 декабря 2020 года — 100-летие Службы внешней разведки. В этой связи получила продолжение дискуссия о восстановлении памятника Дзержинскому на Лубянке. Инициативную группу, убеждающую в справедливости такого решения, поддержали ветераны-чекисты. Об этой идее — дискуссия на страницах «ЛГ» видных историков и писателей.

ДАВАЙТЕ ПОЧИТАЕМ!